

ФРИДРИХ МЕЙНЕКЕ

FRIEDRICH MEINECKE

DIE DEUTSCHE KATASTROPHE

**BETRACHTUNGEN
UND ERINNERUNGEN**

ФРИДРИХ МЕЙНЕКЕ

НЕМЕЦКАЯ КАТАСТРОФА

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
И ВОСПОМИНАНИЯ**

Перевод с немецкого
Николая Власова

Издательство Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург
2024

УДК 94(430) «1932/1945» = 161.1 = 03.112.2

ББК 63.3(4Гем) 613 + 63.3(4Гем) 62-46-021*83.3

М 45

Мейнеке Фридрих. Немецкая катастрофа. Размышления и воспоминания / Пер. с нем., предисл., коммент. Н. Власова. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-89059-560-7

Фридрих Мейнеке (1862–1954) — один из крупнейших немецких историков своего времени. В книге содержится глубокий анализ причин национальной трагедии, пережитой немцами в XX в. В отличие от Карла Ясперса, исследовавшего тему вины и ответственности, Мейнеке задается другими вопросами. Был ли приход Гитлера к власти случаен или неизбежен? Есть ли у Третьего рейха глубокие корни в немецком прошлом? Погиб ли нацизм окончательно или существует риск его возвращения на историческую сцену? И, наконец, есть ли у немцев среди разрухи и унижения надежда на лучшую жизнь? Эти вопросы занимали многих образованных немцев в первые послевоенные месяцы и годы. Именно поэтому появившаяся на свет в 1946 году книга Мейнеке стала бестселлером, выдержав несколько изданий подряд.

Перевод выполнен по изданию:

Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden: Dritte Auflage, 1947

© Friedrich Meinecke

© Н. А. Власов, перевод, предисловие,
комментарии, 2024

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2024

© Издательство Ивана Лимбаха, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Что должен чувствовать, о чем думать человек, который на склоне лет видит свою горячо любимую страну разгромленной, лежащей в руинах, ставшей предметом ненависти всего мира? Человек, прекрасно понимающий, что все происходящее не каприз злой судьбы, не плод заговора злобных врагов, а результат действий собственного правительства. Правительства, обещавшего народу величие, богатство и процветание под лозунгами национального превосходства и особого исторического пути — а в итоге приведшего страну к тотальному поражению, иноземной оккупации и разрухе. Правительства, против которого этот человек выступал с самого начала, понимая, насколько губительными окажутся последствия такой политики.

Фридрих Мейнеке — один из крупнейших немецких историков своего времени — чувствует боль за свою страну и сожаления о том, что катастрофу не удалось предотвратить. А думает он о причинах произошедшего и о том, как немцы смогут выбраться из пропасти, в которой оказались в 1945 году. В отличие от своего соотечественника

Карла Ясперса, поставившего во главу угла вопрос вины и ответственности*, Мейнеке задается другими вопросами. Был ли приход Гитлера к власти случаен или неизбежен? Есть ли у Третьего рейха глубокие корни в немецком прошлом? Погиб ли нацизм окончательно или существует риск его возвращения на историческую сцену? И наконец, есть ли у немцев среди разрухи и унижения надежда на лучшую жизнь? Эти вопросы занимали многих образованных немцев в первые послевоенные месяцы и годы (конечно, в той степени, в которой они не были заняты проблемами банального выживания, как подавляющее большинство их соотечественников). Именно поэтому вышедшая в свет в 1946 году книга Мейнеке «Германская катастрофа» стала бестселлером, выдержав несколько изданий подряд.

Эти вопросы представляли не только академический интерес. Только понимая причины болезни, можно было приступить к лечению. «Вопрос о том, можно ли было избежать назначения Гитлера, не является бессмысленным, как могла бы счесть банальная философия истории, — писал Мейнеке. — Потому что в зависимости от ответа перед нами предстает разная картина общего

* *Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М., 1999; 2022. *Здесь и далее примеч. пер.*

духовного и политического состояния немецкого народа — дающая надежду или безнадёжная. (...) Если все должно было свершиться так, как свершилось, то нынешняя ужасная катастрофа, ставшая одновременно итогом и концом гитлеризма, способна сломить волю к дальнейшей жизни и деятельности. Такой мрачный фатализм способен сковать энергию тех, кто должен действовать. Такова практическая сторона проблемы. Ее теоретическая сторона, однако, требует, чтобы мы не упускали из виду фактор свободы в истории, то есть возможность действовать иначе, чем было в реальности. Если мы признаём существование такой возможности, если допустим, что приход Гитлера к власти можно было успешно предотвратить, то тем самым уменьшим и долю вины немецкого народа в этих событиях».

Однако пришла пора представить автора. Фридрих Мейнеке родился в 1862 году в семье мелкого служащего. В 1882 году, успешно закончив гимназию, поступил в Берлинский университет, где изучал историю и германистику. Четыре года спустя защитил диссертацию, посвященную событиям начала XVII века. Его академическая карьера оказалась весьма успешной: уже в 1893 году молодой ученый стал редактором «Исторического журнала» — флагмана немецкой исторической науки. В эти же годы Мейнеке защитил вторую диссертацию, посвященную жизни и деятельности

прусского военного реформатора начала XIX века — фельдмаршала Бойена (она будет опубликована в двух томах во второй половине 1890-х годов). До 1901 года он работал приват-доцентом в Берлинском университете, далее последовали профессорские должности: в Страсбурге, Фрайбурге и, наконец, в 1914 году снова в Берлине.

К началу Первой мировой войны Мейнеке стал уже широко известным и уважаемым ученым не только в Германской империи, но и за ее пределами. Перечислять все его почетные должности, все академии, членом которых он являлся, вряд ли имеет смысл при наличии интернета. Один за другим в свет выходят фундаментальные труды: в 1906 году — германская история эпохи Наполеоновских войн, два года спустя — одна из главных работ его жизни: книга «Космополитическая буржуазия и национальное государство». Мейнеке не замыкался в границах академических исследований, у него была активная политическая позиция. По своим убеждениям он являлся умеренным либералом и одновременно патриотом в лучшем смысле этого слова — горячо любящим свою страну и желающим ей процветания, однако не любыми средствами и не любой ценой.

Впрочем, не чужд был Мейнеке и весьма умеренного по тем временам национализма. По крайней мере, в 1914 году он, как и большинство немецких

профессоров, поддержал собственное правительство и поставил перо на службу военным усилиям Германии. Опираясь на свой научный авторитет, активно публиковал статьи на исторические и политические темы в массовой прессе. Ни в коем случае не желая поражения Германии, Мейнеке, однако, уже в 1915 году выступил за компромиссный мир и отказ от аннексий, а в 1917 году принял участие в создании «Народного союза за свободу и Отечество», требовавшего окончания войны на приемлемых условиях и внутривнутриполитических реформ.

Поражение и крушение монархии Гогенцоллернов Мейнеке воспринял с грустью, но одновременно и с надеждой. Не испытывая к республике глубокой симпатии, историк тем не менее считал ее объективно лучшей из возможных альтернатив. Он принадлежал к числу основателей Немецкой демократической партии, стремившейся обеспечить стабильное политическое развитие на основе новой конституции. Веймарские годы стали временем его творческого расцвета: он по-прежнему писал статьи для прессы, общался с ведущими политиками и продолжал исследовательскую работу. В 1924 году увидел свет фундаментальный труд «Идея государственного интереса в новой истории», в 1927 году — «История проблемы англо-германского союза в 1890–1901 годах», в 1936 году,

уже после прихода к власти национал-социалистов, вышел главный труд его жизни: двухтомная работа «Возникновение историзма»*.

К этому моменту, однако, его активная деятельность практически завершилась. Еще в 1932 году он по возрасту прекратил преподавание в университете. Когда вопреки его желанию и усилиям Гитлер пришел к власти — Мейнеке изначально с неприязнью относился к национал-социализму и предупреждал о его губительных последствиях, — заслуженный историк начал оставлять свои посты, погружаясь во внутреннюю эмиграцию: в 1934 году покинул Историческую комиссию, в 1935 году — редакцию «Исторического журнала». Он не выступал открыто против режима, не уехал за границу, однако поддерживал тесные связи с лидерами консервативного Сопротивления (будущими участниками заговора 20 июля). В свою очередь, и режим предпочитал не трогать маститого историка, справедливо считая, что старик не представляет серьезной угрозы. В 1941 году Мейнеке даже смог опубликовать первый том своих мемуаров.

Фридриху Мейнеке была суждена долгая и насыщенная жизнь. Он своими глазами видел создание и крушение бисмарковской Германской империи, взлет и падение Веймарской республики.

* Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004.

Дожил он и до разгрома «тысячелетнего рейха», которому история отмерила всего-навсего двенадцать лет. Умер Мейнеке в 1954 году, успев побывать первым ректором Свободного университета Берлина. Однако главным творением его последних лет была «Германская катастрофа».

Впоследствии эту книгу и ее автора не раз критиковали. За то, что Мейнеке не высказывал однозначного суждения по поводу вины и ответственности немцев. За то, что в значительной степени оставался в плену предрассудков и стереотипов прошедшей эпохи. За то, что рассматривал поражение в войне и иностранную оккупацию как позор и унижение, а не как шанс построить новую Германию. В конце концов, за то, что он оказался не в состоянии предложить действенного рецепта такого строительства, ограничившись прекрасодушной и наивной мечтой о том, что декламация стихов Гёте оздоровит немецкое общество.

Однако с дистанции в три четверти века легко выступать всезнающим судьей. Труднее поставить себя на место человека, выросшего в бисмарковской империи, для которого вполне естественным было гордиться не только немецкими поэтами, но и прусскими фельдмаршалами, который привык видеть Германию в границах 1914 года и считать ее по праву занимающей место великой европейской державы. Взгляд Мейнеке — это взгляд

современника описываемых событий, взгляд изнутри той ситуации, которая сложилась в послевоенной Германии. Историк смотрит на происходящее из самой глубины катастрофы, когда германское государство прекратило свое существование, а дорогие его сердцу Шиллер и Гёте (не говоря уже о политиках и генералах) считаются во всем мире едва ли не духовными предтечами нацизма. Будущее покрыто мраком; Мейнеке, как и многие немцы, пытается найти хоть какие-нибудь ориентиры, хоть какую-нибудь надежду.

В своей книге историк не пытается ни обвинить своих соотечественников во всех мыслимых грехах, ни оправдать их, объявив невинными жертвами диктатора. Он не сводит Третий рейх — как это часто будет делаться в ранней ФРГ — к демонической фигуре Гитлера, якобы околдовавшего миллионы человек, не объявляет его появление исторической случайностью. Он делает видимыми глубокие объективные причины возникновения национал-социализма, показывает сложную картину политического, социально-экономического, интеллектуального развития XIX века, в рамках которого были как вполне здоровые, так и губительные тенденции. Хороший пример — прусский милитаризм: автор демонстрирует его с различных сторон, перечисляя как положительные, так и отрицательные черты; заранее знать, какие в итоге возьмут верх, было невозможно.

Однако Мейнеке далек от детерминизма. Наличие объективных причин и неизбежность — далеко не одно и то же. Объявить Третий рейх неизбежностью — значит снять с немцев любую ответственность за его появление. Мейнеке доказывает: приход Гитлера к власти вполне можно было бы предотвратить, если бы не стечение неблагоприятных обстоятельств и не злонамеренная деятельность целого ряда конкретных людей. Эти люди, безусловно, виноваты во всем, что случилось; однако были и другие, которые в других условиях могли бы направить страну на иной путь — и, следовательно, шансы оправиться после катастрофы есть.

Странными и даже отчасти кощунственными могут показаться современному читателю главы книги, в которых Мейнеке задается вопросом о том, было ли в Третьем рейхе что-нибудь хорошее и есть ли у нацизма будущее. Однако не следует забывать, что автор писал не для далеких потомков, а для своих современников. Представление о том, что к июню 1945 года во всей Германии не осталось ни одного нациста, является не более чем красивой сказкой. Несмотря на поражение и крушение режима, миллионы немцев все еще продолжали считать национал-социализм хорошей идеей (только неудачно исполненной), а довоенный Третий рейх — лучшим временем в германской истории. Именно к ним и обращается Мейнеке, терпеливо доказывая: положительные стороны рухнувшего

режима иллюзорны; Гитлера не интересовало ничего, кроме собственной власти; нацизм принес Германии только неисчислимые бедствия.

Впрочем, не будем подробно пересказывать этот небольшой текст. Ограничимся замечанием технического характера. Книга Мейнеке написана довольно тяжеловесным слогом, характерным для многих произведений немецких интеллектуалов XIX столетия. В точности сохранить этот стиль при переводе на русский язык оказывается невозможным, да и ненужным: текст станет попросту нечитаемым. Поэтому во многих случаях пришлось при переводе менять структуру отдельных фраз — естественно, без ущерба для содержания и только там, где это было абсолютно необходимо.

Декабрь 2023

НЕМЕЦКАЯ КАТАСТРОФА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Сумеем ли мы когда-нибудь в полной мере осознать тот чудовищный опыт, который выпал на нашу долю за двенадцать лет существования Третьего рейха? Он уже позади, но мы — все без исключения — еще не осмыслили его в полной мере. Разные стороны нашей судьбы представляли перед нашими глазами в ярком и, казалось, недвусмысленном свете. Однако как все они связаны и между собой, и с более глубокими причинами? Как дело дошло — должно было дойти — от безграничных иллюзий, жертвами которых стали столь многие из нас в первые годы Третьего рейха, до безграничных разочарований и разрушений последних лет? Кто может объяснить это нам сегодня? Немецкая история богата трудными загадками и несчастливыми поворотами. Однако загадка, стоящая сейчас перед нами, как и пережитая нами катастрофа, превосходит в нашем сознании все подобные перипетии прошлых лет.

Приведенные здесь размышления являются лишь набросками, подготовкой к грядущим попыткам глубже осознать нашу судьбу. Из всего многообразия пережитого выбраны только отдельные проблемы, имеющие глубинное и долговременное значение. Я не буду, к примеру, говорить обо всех национально-политических успехах Гитлера в годы перед началом Второй мировой войны — ведь они так или иначе обернулись крахом. Возможно, некоторые немецкие читатели, вместе со мной проклинаящие гитлеризм, сочтут мою критику немецких буржуа и прусско-германского милитаризма слишком резкой и найдут для обоих «смягчающие обстоятельства». Будто бы я сам и раньше, и сейчас не искал их! Однако в нынешней ситуации, на мой взгляд, намного важнее поискать соринки в собственном глазу. Кроме того, в силу весомых причин я не буду рассматривать известные проблемы будущего мира. Внутренней причиной того, что сегодня мы можем говорить лишь об отдельных сторонах случившегося, стали эмоциональные и интеллектуальные потрясения, испытанные всеми современниками и свидетелями этого ужасного времени — не только теми, кого непосредственно затронуло происходящее,

но и наблюдателями со всего мира. Эти потрясения затрудняют любое суждение, как бы ни старались мы рассматривать вещи четко и объективно. Добавляется сюда и нехватка качественных, надежных источников информации.

Однако потребность в том, чтобы достичь более полного понимания случившегося с нами, существует и оправдывает даже несовершенные попытки. И мы можем надеяться предложить следующим поколениям нечто такое, чего не может дать исследование, основанное только на письменных источниках, — ощущение духа того времени, когда вершились наши судьбы; духа, знание которого необходимо, чтобы эти судьбы стали до конца понятными.

Поэтому я счел себя вправе рассказать или хотя бы упомянуть некоторые вещи, которые пока не могут быть подвергнуты критической проверке — например, характерные высказывания Гитлера, сообщенные мне заслуживающими доверия источниками. Следует ли отложить их в сторону? Я взял лишь те, которые, на мой взгляд, согласуются с сущностью этого человека. Позднее критика сможет на основании более обширных и надежных материалов подтвердить или опровергнуть их.

Предлагаемые читателю размышления не являются плодом исключительно сегодняшней финальной катастрофы. Я с первых дней считал захват власти Гитлером началом величайшего несчастья для Германии, вновь и вновь проверяя и дополняя свои впечатления в многочисленных беседах с мыслящими современниками. Тем самым я предоставляю слово интеллектуальным и политическим противникам Гитлера — в том числе в воспоминаниях, важных в контексте моих наблюдений. Я не мог позволить уйти в небытие тому, что слышал в разговорах с Грёнером¹, Брюнингом², Беком³ и другими.

Большой помехой при написании этой книги стали проблемы со зрением. Кроме того, если не считать нескольких спасенных текстов, я был вынужден полагаться почти исключительно на собственную память. Прошу читателя снисходительно относиться к возможным ошибкам, возникшим по этой причине. И пусть мои заметки — сколь бы ограниченной ни была сегодня их ценность — помогут начать новую, хоть физически и согбенную, но духовно более чистую жизнь, пусть они укрепят нашу решимость употребить оставшиеся силы на спасение остатков немецкого народного духа и культуры.

1. ДВЕ ВОЛНЫ НАШЕЙ ЭПОХИ

Вопрос о глубинных причинах чудовищной катастрофы, постигшей Германию, будет занимать людей еще много веков — при условии, что люди грядущего захотят и смогут думать о подобных проблемах. Проблема немецкой катастрофы, однако, тут же превращается в вопрос, выходящий за пределы германских границ, — вопрос о судьбе Запада. Гитлеровский национал-социализм, который непосредственно привел нас к гибели, не является чем-то выросшим исключительно на немецкой почве. Несмотря на всю уникальность этого ужасающего образца человеческого грехопадения, у него есть определенные аналоги и предтечи в авторитарных системах соседних стран. Но что привело к столь удивительному искривлению существовавшей доселе главной линии развития в Европе? Ведь она, казалось, вела к некому сочетанию индивидуальной свободы и коллективных обязательств, то есть к сохранению либеральных достижений

XIX столетия. Вместо этого произошло резкое погружение в деспотизм, возвышение *terribles simplificateurs**, явление которых Якоб Буркхардт предвидел еще больше полувека назад. Буркхардт же дает первые объяснения этой проблемы; будучи самым проникновенным из мыслителей своего времени, он ясно увидел ее первые симптомы. В оптимистических иллюзиях Просвещения и Французской революции он усмотрел семена большой беды, ложного стремления к недостижимому массовому счастью, превратившемуся в алчность, стремление к власти и всеобщей жажде легкой жизни. Благодаря этому, как показывает Буркхардт, старые общественные связи распадаются и вместо них в конце концов появляются новые, насильственные узы. Эти узы и создают те самые *terribles simplificateurs*, люди насилия, которые, опираясь на военные корпорации, принуждают массы к дисциплине, послушанию и отказу от всех свободлюбивых

* Ужасных упрощателей (*фр.*) — термин, который знаменитый швейцарский историк Якоб Буркхардт употребил в 1889 г., обозначив им будущих демагогов и популистов, которые возвысятся благодаря демократической системе и, придя к власти, уничтожат права и свободы.

чаяний. Каждое утро барабанный бой пробуждает эти массы к унылому ежедневному бытию, и каждый вечер барабаны отправляют их домой.

Итак, Буркхардт считал происходящее не немецкой, а западной проблемой; проблемой культуры, приходящей в упадок. Пример Франции, двукратный ее переход от демократии к цезаризму занимал его историческое и пророческое воображение. Это воображение следует признать выдающимся, несмотря на то, что его можно упрекнуть в известном морализаторском высокомерии. Общая картина слишком напоминает процесс морального падения европейского общества — его масс и элит. И все же свою роль играли и другие неудержимые процессы. Столь же значимой, как Французская революция с ее мобилизацией масс и устремлениями к свободе, власти и заработку, оказалась одновременно начавшаяся в Англии экономико-техническая революция машин, создавшая впоследствии крупную промышленность, новые слои населения и развитой капитализм. Чудовищное давление, которое растущие с небывалой скоростью массы стали оказывать на прежнее общество и культуру, невозможно переоценить. Источником этого давления стала не только алчность, как может

показаться при чтении Буркхардта, но и элементарная потребность в достойных условиях жизни новых, поначалу тяжело угнетенных и аморфных масс. Старое общество и новые массы — это раздвоение непосредственно и опосредованно, явно и скрыто, в центре и на периферии влияло на все происходившее в XIX столетии. Массы, естественно, требовали сперва демократии; затем, чтобы обеспечить себе вполне достойный уровень жизни, они потребовали социализма. Последний стал их идеологией, их Библией; желанная, все ниспровергающая и созидающая революция представлялась средством, способным создать тысячелетнее царство нового счастья человечества. Эта опасность со стороны масс обернулась могучей волной, со второй половины XIX века катившейся по миру старой культуры. С ней удалось совладать: частью благодаря превентивной, репрессивной или реформаторской внутренней политике, частью же, причем большей частью, благодаря второй могучей волне, родившейся из возросшей активности народов и масс XIX столетия. Эта волна пересекла и захлестнула первую, тем самым многократно ослабила или изменила ее направление, сделав целью не сотрясающую основы социальную

революцию, а умножение могущества собственной нации. Этой второй волной было национальное движение XIX века. Изначально оно являлось либеральным, направленным на свободу индивида. Но, после того как эта свобода показала себя достигнутой и обеспеченной, на первый план стал выходить национальный импульс, жаждущий могущества. Поначалу вторая волна была так же неудобна старому миру, местами она даже восставала против него. Однако от другой, социалистической волны она отличалась тем, что не была столь безусловно враждебна старому европейскому порядку и могла со временем превратиться в его союзника. Ее главные сторонники происходили не из аморфных, все более отчаянных масс нового промышленного пролетариата, а из образованных и обогащающихся средних слоев. Эти средние слои своим числом, растущим благосостоянием и самосознанием были обязаны все тем же переменам, происходившим в старом европейском обществе с конца XVIII века. Отдельные составляющие этих средних слоев были весьма старыми, появившись одновременно с городами. Однако их подъем, объединение в огромную волну национального движения стало возможным только благодаря

быстрому росту населения с начала XIX века. Этот рост стал базовой, мощнейшей причиной всеобщих перемен на Западе.

Утверждая все вышесказанное, мы не отказываемся от примата истории духа в изучении прошлого. Мы различаем в истории причины и ценности, пытаемся в полной мере понять действие даже самых простых и грубых факторов — в данном случае давление новых масс на старое общество, — однако лишь потому даем себе труд изучать их, что речь здесь идет в конечном счете о судьбе больших духовных ценностей Запада. Сегодня, когда эти ценности находятся в смертельной опасности из-за только что пережитой катастрофы, нам следует вдвойне обратить внимание на сокрытые в темноте элементарные основы, из которых произрастает все величественное и священное в западной и в особенно в нашей собственной национальной культуре. И когда мы говорим о «причинах», связывающих между собой условия и ценности, мы не имеем в виду нечто механическое, а затрагиваем глубокие и загадочные жизненные взаимосвязи.

Мы говорили об отношениях, возникших между двумя большими волнами XIX века — социалистическим и национальным движением.

Предрекавшийся вождями социалистического движения большой переполох — скорая и окончательная революция — пока не случился, поскольку национальное движение смогло заявить о себе и распространиться вширь. Оно переросло в национализм, а у великих держав в империализм, и к концу XIX века находилось на крутом подъеме. Национальные экономики конкурировали между собой, люди беспокоились за жизненное пространство для будущих поколений. Усиление военной и морской мощи, приобретение колоний, распространение заморской торговли стояли на повестке дня. *Post equitem sedet atra cuga**, — писал молодой одаренный экономист Пауль Фойгт в «Прусском ежегоднике»⁴ за 1898 год. Он имел в виду в первую очередь экспортную индустрию, которая с лихорадочной поспешностью осваивала мировые рынки, однако уже принимал в расчет возможность английской блокады Германии с последующей разрухой в стиле Тридцатилетней войны и русским владычеством над нами. С начала XX века развитие шло в сторону войны за то, кто получит самое обширное место под солнцем. Вожди

* Позади всадника сидит черная забота (лат.).

социалистического движения неустанно выступали против этой тенденции, но не сумели ее остановить. Не социализм, а империализм стоял на повестке дня мировой истории к моменту начала Первой мировой войны.

Исход этой войны стал мощным ударом для империалистической идеи. Она потерпела поражение как в России, так и в Германии в своих попытках оттеснить социализм и использовать миллионные армии — этот примечательный итог быстрого увеличения населения Запада — для достижения целей националистической буржуазии. Вновь поднялась могучая социалистическая волна, в первую очередь в России, где она превратилась в коммунистический большевизм. В Германии, напротив, пришедшие в 1918 году к власти социалисты приняли скорее мелкобуржуазный облик, подчеркивая демократическую часть своей программы и отказавшись от всех империалистических целей националистической буржуазии. В победивших державах Западной Европы и Северной Америки после всех военных успехов не произошло столкновений империалистической и социалистической идеи. В общем и целом крупная буржуазия сумела сохранить здесь свои позиции.

Однако можно ли было надолго разделить две большие волны Запада? Были ли они обречены находиться в борьбе и противоречии друг с другом, могло ли произойти их внутреннее соединение? Неудачная попытка такого соединения должна была обернуться большим несчастьем для страны и всего мира — что и случилось во Второй мировой войне. Но нужно признать, что обе волны — национальное движение не в меньшей степени, чем социалистическое — имели в основе глубокое историческое право. Они не являлись, как можно было бы заключить из Буркхардта, лишь побочными результатами разнообразных человеческих страстей. Они представляли собой инстинктивные попытки решить проблемы человечества, возникшие в результате неслыханного в мировой истории роста населения. К примеру, даже в империализме, нарушителе мирового спокойствия, мы видим разумное зерно — заботу об экономических основах существования собственного народа. Похожее беспокойство жило и в социализме, который, однако, искал совершенно иной выход. Но отложим поиск ответа на вопрос о возможности сочетать притязания двух волн и посмотрим на реально предпринятые попытки соединить их друг

с другом. Ограничимся экспериментами, принятыми в Италии и Германии.

С объединением национальной и социалистической волны в этих странах была связана идея придать получившемуся результату твердость и прочность за счет авторитарной, централизованной, освобожденной от всех парламентских ограничений власти над государством, народом и отдельными людьми. При этом отбрасывалась целая система идеалов, являвшихся до этого на Западе объектом искреннего почитания. Идеалов не только либеральных и гуманистических, ориентированных на счастье и свободу индивида, но и старых христианских — в той степени, в которой они говорили о спасении отдельной души. Благодаря заботе о душе каждого христианство являлось колыбелью гуманистического либерализма, который, в свою очередь, можно воспринимать как секулярное христианство.

Однако в новых авторитарных системах, итальянской и немецкой, в центре находилась не душа человека, не индивид, находилось единое целое, представлявшее собой прочный сплав отдельных душ. Душа потеряла свою ценность на фоне этого целого. Такой чудовищный переворот, такая неизмеримая потеря прежних культурных

идеалов были бы оправданными только в том случае, если бы они одновременно породили новые, неизвестные ранее ценности. Смогло ли целое приобрести все, что хотело, поглотив силу и душу индивидов?

В рамках нашей книги нет смысла много говорить об Италии. Фашистские одежды с самого начала плохо подходили итальянскому национальному характеру. Итальянский народ богат творческими силами и непреходящими культурными достижениями, однако он не является народом-солдатом и не годился для поставленной Муссолини перед ним задачи — превращения Италии в мировую державу. Близким итальянскому духу был лишь риторический элемент фашизма — его способность опьянять себя мечтами о славе и величии. Размахивая саблей, но не извлекая ее из ножен для большой и серьезной борьбы, Муссолини смог прекрасно удерживать власть на протяжении двух десятилетий и создавать видимость великой державы. На путь к гибели он вступил в 1940 году, став после нашей неожиданной большой победы над Францией сообщником Гитлера — возможно, вынужденный шаг, чтобы не утратить престиж и авторитет. Если бы не Гитлер, он, может быть, еще

долго мог бы удерживать власть, придерживаясь отработанной тактики.

С 1940 года его эксперимент страдал еще от одной элементарной проблемы: Италия недостаточно хорошо обеспечена сырьем и продовольствием для того, чтобы быть великой державой первого ранга, рискующей бросить вызов мировым империям. То же касается и Германии, хотя ее положение несколько более выгодное. Трезвый наблюдатель мог сделать такой вывод уже на основании опыта Первой мировой войны. С нашей стороны желание стать мировой державой было авантюрой. Однако вся авантюристичность подобных планов оказалась очевидной только во время Второй мировой войны, связанной Гитлером и его партией. Какие корни в истории германского народа были у этого эксперимента? В следующих главах мы попытаемся дать ответ на этот вопрос.

2. НЕМЕЦКИЙ НАРОД ДО И ПОСЛЕ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ

Начать нужно с того, что обе большие волны XIX века — национальная и социалистическая — имели в Германии свой индивидуальный облик и активно взаимодействовали друг с другом. Их столкновение и борьба оказались здесь более жесткими, чем у других народов. В результате оба движения приобрели воинственный характер, который при попытке соединить их в подходящий исторический момент должен был оказать на исход этой попытки зловещее влияние. Данное обобщение нужно теперь подтвердить конкретными фактами.

Национальная волна поднялась в Германии примерно за полвека до социалистической. Новый буржуазный средний класс появился на сцене гораздо раньше, чем новая пролетарская масса. Простая причина роста последней — технико-экономический переворот⁵ — начался у нас позднее, чем в Западной Европе. В то же время ранее созревание и высокий духовный расцвет буржуазного

среднего класса объясняются его умножением, начавшимся еще в XVIII веке.

О национальном движении в полном смысле слова — когда речь идет о национальных чувствах не отдельных людей или малых групп, а целых слоев общества — можно говорить только со времени оккупации и Освободительных войн⁶. С этого же времени начинаются определенные перемены в самой сущности немецкого народа, которые необходимо знать, чтобы хоть как-то понять нашу судьбу. Вильгельм фон Гумбольдт⁷ с присущей ему остротой восприятия уже в 1815 году заметил изменения, казавшиеся ему одновременно приобретением и потерей, но все же, вероятно, потерей более, чем приобретением. Он смотрел на полных патриотизма воинов и говорил о том, что видит в них новый великий и благородный характер, хотя и намного более привязанный к повседневности, чем у поколения Гёте, к которому принадлежал он сам и которое было способно подняться выше обыденной реальности.

С каждым десятилетием эта укорененность в сегодняшнем дне усиливается, а потребность в идеальном, высшем, вечном отходит на второй план. Гёте однажды сказал Цельтеру⁸, что

сегодняшние люди хотят только богатства и скорости. Новое волшебство паровых машин и железных дорог создает новый культ угля и железа. Новый реализм овладевает духовной жизнью, он положил конец бытию, ориентированному на развитие и одухотворение собственной личности, и направил разум в сторону жизни в составе масс, социальных структур и нации в целом. К этому позднее добавились всем известные внутриполитические процессы⁹, возмущение полицейским государством, требование конституций, которые должны были помочь среднему классу прийти к власти. Так готовилась революция 1848 года; это не просто люди потребовали большей свободы, это, как сказал Дальман¹⁰, в первую очередь нация потребовала власти для себя.

Однако современный немецкий «человек силы», которого мы только что с ужасом наблюдали прямо перед собой, тогда еще не сформировался окончательно. Было еще много промежуточных ступеней в развитии немцев от эпохи Гёте к эпохе Бисмарка и от эпохи Бисмарка к эпохе Гитлера. Прислушавшись, на каждом новом этапе можно было почуять напор все более многочисленной и требовательной народной массы.

Еще Гегель говорил о наступлении масс; их количественный рост привел к качественным переменам.

Начиная с середины столетия высшей целью немецкой культуры было сохранить священное наследие эпохи Гёте, чудесным образом доставшееся немецкому народу, сберечь его от натиска масс и соответствующего огрубления и вырождения, но одновременно энергично служить всему, что в желаниях масс казалось живым и плодотворным. Синтез духа и власти, государственных и духовных сил, синтез культуры, государства и нации, космополитной буржуазии и национального государства — все это, однако, уже тогда с легким преобладанием идеи власти и нации; таковы были устремления группы немецких интеллектуальных лидеров, которых сейчас называют «классическими либералами» и которые с конца пятидесятих годов публиковались на страницах «Прусского ежегодника». Генрих фон Трейчке¹¹ был, возможно, их величайшим и наверняка самым влиятельным представителем. Рядом с ним появилось множество значительных умов — чудесный и богатый мир, открывающийся в их биографиях и глубинном смысле их сочинений. Однако по сравнению с эпохой Гёте

это был серебряный век после золотого, эпигоны, хотя и возвышающиеся над уровнем нашей сегодняшней культуры. Попытка признать острые противоречия и все же использовать их для взаимного оплодотворения являлась специфически немецким феноменом, которого мы не встретим ни в России, ни во Франции, ни в Англии; разве что движение Рисорджименто¹² в Италии демонстрирует нам нечто подобное. Эти деятели хотели одновременно парить в небесах и твердо ступать по земле, гармонически сочетать права свободного и гордого индивида с требованиями коллективных сил государства и нации. Однако было ли это возможно — и в принципе, и в конкретных германских условиях?

Синтезу, который пытался создать классический либерализм, угрожала большая опасность с двух сторон; в конечном счете она выхолостила и уничтожила его. С одной стороны, опасность исходила от тех сфер жизни, которые он пытался направлять и объединять, — конкретно говоря, от прусского государства с его монархически-милитаристской структурой и верхних слоев буржуазии, ориентированных частью на капиталистическую прибыль, частью на более глубокое образование. Второй угрозой этому

синтезу был уже описанный выше основной процесс XIX века — пересечение двух волн, национальной, опиравшейся на средние классы, и социалистической, опиравшейся на растущие массы. Рассмотрим эти угрозы поочередно.

В прусском государстве со времен Фридриха Вильгельма I¹³ и Фридриха Великого жили две души — культурная и враждебная культуре. Прусская армия в том виде, какой ее создал Фридрих Вильгельм I, сразу же породила примечательно заразительный милитаризм, воздействовавший на всю гражданскую сферу и не имевший аналогов в соседних государствах. Уже в путевых заметках Монтескье, где он описывает свое пребывание на границе между Ганновером и Пруссией, можно найти по этому поводу безрадостные слова. Однако оставим в стороне вопрос о возникновении прусского милитаризма; рассмотрим лишь его влияние на судьбы немцев в XIX столетии. Пока в Германии была надежда на успешный синтез власти и духа, мы и на милитаризм смотрели более снисходительно, подчеркивали его несомненные высокие моральные качества: железное чувство долга, аскетичную строгость службы, дисциплину характера. При этом легко упускалось из виду, что дисциплина

одновременно означает единообразие, сужает кругозор, приводит к бездумному подчинению всем вышестоящим инстанциям и умерщвляет многие плодотворные жизненные источники. И уж совершенно игнорировали апологеты прусского милитаризма тот факт, что под покровом внешней дисциплины свободно чувствовали себя все безнравственные страсти и наклонности. Жизнь общества могла пострадать от того, что государственные мужи и генералы, выросшие в атмосфере милитаризма, начали определять судьбу нации. Это должно было стать очевидным уже в эпоху Освободительных войн, когда оказалась предпринята первая смелая попытка соединить дух и государство; после первых блистательных результатов она оказалась погублена узколобым монархом с мышлением военного¹⁴ и столь же узколобой и вдобавок эгоистичной прослойкой дворянства и офицерства. Резкое окончание в 1819 году прусской эпохи реформ¹⁵, символом которого стала отставка Вильгельма фон Гумбольдта и Бойена¹⁶, должна трактоваться как победа враждебной культуре души прусского государства над культурной душой. Разрыв между обеими душами прошел через весь девятнадцатый век и был унаследован двадцатым — пока,

наконец, прусский милитаризм не нашел для себя удобное место в том общем котле, в которой Адольф Гитлер бросал все подходившие ему субстанции и соки германской истории. Мы еще поговорим подробнее о роли милитаризма при создании Третьего рейха.

Как бы то ни было, в эпоху основания империи плохие и опасные для общего процветания черты прусского милитаризма отступили на второй план на фоне блистательных свершений; его мощь и дисциплина послужили национальному единству, строительству бисмарковской империи. Теперь он был словно освящен успехом, и прусский лейтенант шагал по миру как бог, а буржуазный лейтенант резерва¹⁷ — по меньшей мере как полубог. Требовалось получить ранг офицера резерва, чтобы к тебе всерьез относились в буржуазном обществе и в особенности на государственной службе. Так милитаризм проник в жизнь бюргеров, так появилось типичное пруссачество с его наивным самолюбованием и опасным сужением интеллектуального и политического кругозора. Все оказалось переплавлено в единую неподвижную фигуру. Нужно бесчисленное множество раз за долгие годы жизни увидеть перед собой этот типаж, ощутить

его в себе, бороться с ним, медленно внутренне освободиться от него, чтобы в полной мере осознать его власть над умами. Только так можно понять эффект той сентиментальной комедии, которую Гитлер вместе с Гинденбургом¹⁸ разыграл 21 марта 1933 года над гробом Фридриха Великого¹⁹; национал-социализм должен был выступить в роли наследника всех великих и прекрасных прусских традиций.

Теодор Фонтане²⁰ как никто другой выразил все великое и прекрасное, что имеется в прусской традиции. И все же в самом конце жизни, в 1897 году, став критическим и проникательным, он в одном из писем обрушился на свое прусское окружение. Его слова нельзя отвергать только на том основании, что они содержат в себе серьезные преувеличения. Пруссачество, писал он, есть низшая из когда-либо существовавших форм культуры. Только пуританизм еще хуже, поскольку тотально лжив. И еще: «Милитаризм — то, с чем следует порвать в первую очередь».

Эти пресловутые пруссачество и милитаризм стали тяжелым бременем, лежавшим на творении Бисмарка и перешедшим по наследству к его гибриднему преемнику. Однако и в делах

самого Бисмарка присутствовало нечто такое, что находилось на границе между благотельным и гибельным и в дальнейшем склонилось в сторону последнего. Это нелегко признавать тем, кто вырос под сенью бисмарковского творения и сполна наслаждался его благами. Как часто мы ощущали себя свободными и гордыми на фоне немецкого прошлого — в этой державе 1871 года, пышно расцветающей, дающей простор для жизни каждому из нас! Однако потрясающие события Первой и в еще большей степени Второй мировой войны не позволяют обойти вопрос о том, заключались ли зерна будущих несчастий в самой сути этой державы. Мужественное и открытое историческое мышление должно ставить такой вопрос применительно к любому великому и на первый взгляд благотворному явлению прошлого, позднее затронутому вырождением. Только тогда можно почувствовать атмосферу исторической трагедии, человеческого и исторического величия и одновременно той неоднозначности, которой всегда будут окружены Бисмарк и его творение — в то время как творение Гитлера необходимо причислить к всплескам дьявольского начала в мировой истории.

Обратимся к 1866 году²¹ и бисмарковской политике «железа и крови». С глубоким чувством воспринимаешь сегодня тогдашние голоса, предупреждавшие о приближающемся большом несчастье — голоса таких значительных фигур, как Якоб Буркхардт и Константин Франц²²; в качестве третьего можно назвать чудаковатого шваба Христиана Планка²³. Действия Бисмарка, говорили они, потрясают известные основы сообщества западных государств и западной культуры и представляют собой революцию, которая благодаря глубине своего воздействия приведет к новым и новым революциям, к началу эпохи войн. Она означает победу макиавеллизма над нравственными и правовыми принципами в общении народов, а в своем стремлении к власти и наслаждению губит высокую и одухотворенную культуру. Будем честны: сколь бы односторонними ни были эти обвинения, в них есть зерно истины. Разумеется, тут же выступят защитники Бисмарка, укажут на все другие случаи макиавеллистских практик в тогдашней Европе и подчеркнут, что Бисмарк сам видел пределы силовой политики и после 1871 года своей политикой мира немало послужил сообществу западных народов. «Вы знаете, что я не могу любить

Бисмарка, — сказал мне во времена Третьего рейха мой друг, датский историк. — Но я должен сказать: Бисмарк был частью *нашего* мира».

Ему нужно отдать должное как своего рода пограничной личности. При нем еще в какой-то степени существовал синтез власти и культуры, к которому стремились интеллектуальные лидеры движения за объединение. Сами эти лидеры — в первую очередь, Трейчке — во времена Конфликта²⁴ жестоко критиковали первые шаги Бисмарка, но в 1866 году превратились в его почитателей и поборников. В результате в тандемах власти и культуры, духа и государства центр тяжести медленно, но верно смещался в сторону власти и ее производных. Я могу сам выступить в роли живого свидетельства этого процесса, проходившего во мне до тех пор, пока я не начал в годы перед Первой мировой войной возвращаться к гуманистическому восприятию.

Можно вновь и вновь говорить о том, что силовое, макиавеллистское мышление не ограничивалось Германией, что у нас о нем говорили более откровенно, но практиковали не чаще других. Это совершенно справедливо, но именно открытость и недвусмысленность, принципиальная прямота и осознанность, удовольствие

от бесцеремонных действий, склонность возвышать практические вещи до уровня мировоззрения — все это было специфически немецким и предвещало зловещее будущее в том случае, если бы чисто теоретические — поначалу — размышления стали оружием в руках некоего деятеля. Немецкая идея силового государства, развитие которой началось с Гегеля, нашла свое худшее и самое губительное высшее воплощение в Гитлере.

Такова история морального упадка немецкого народа, которую мы пытаемся понять в самых общих чертах, наощупь продвигаясь вперед.

Весьма сложно нарисовать справедливую картину интеллектуально-культурного развития Германии в первые десятилетия после основания империи, отдав должное и добрым, и дурным зернам, содержавшимся в ней. Нельзя ограничиваться обычным сегодня, зачастую лишь повторяющим слова Ницше суждением о «выхоленном либерализме». Уже упоминавшийся нами серебряный век классического либерализма еще продолжался и способствовал появлению выдающихся творений искусства и науки, в то время как средний уровень, уровень повседневного вкуса оказался довольно низким. Однако

в те времена никому и в голову не могло прийти, что в образованной Германии возможен подъем такого феномена, как национал-социализм; серьезную опасность для будущего нашей культуры видели только в необразованной, пролетарской Германии социал-демократов. Однако большинство из нас, молодых, уверенно — слишком уверенно — считали себя обладателями высоких национальных, культурных богатств. И все же на этом ясном небе уже начали появляться первые тучи. Антисемитское движение начала восьмидесятых впервые омрачило горизонт. Евреи, после полной эмансипации склонные порой необдуманно использовать благосклонность экономической конъюнктуры, местами вызывали недовольство. Они внесли большой вклад в постепенное обесценивание и дискредитацию либеральной мысли, которые начались на исходе XIX века. То, что наряду с этим негативным и разлагающим воздействием они сделали много позитивного для немецкой интеллектуальной и экономической жизни, было забыто множеством развернувших борьбу против наносимого евреями ущерба. От антисемитского сознания было рукой подать до антилиберального и антигуманистического; это была уже первая ступень к национал-социализму. Число сторонников

ректора Альвардта²⁵ в восьмидесятые годы — «ректора всех немцев», человека дичайше полюбозванного — уже можно воспринимать как слабую репетицию будущих успехов Гитлера. Однако мы бы рассмеялись, если бы кто-нибудь предсказал нам тогда эти успехи. Мы чувствовали себя слишком уверенно и безопасно в нашем прочно сколоченном правовом государстве, в нашем уютном буржуазном порядке, в наших пусть побледневших, но все же сияющих либеральных идеалах личной свободы, самоопределения и достоинства.

Весь буржуазный мир — как антисемиты, так и филосемиты — еще находился на гребне одной из больших волн XIX века, национального движения. Но, как уже говорилось выше, на ее пути оказалась другая большая волна, социалистическое движение, опиравшееся на массы фабричного пролетариата. Мы ограничимся сейчас попыткой ответить на вопрос, что могло привнести в создание национал-социализма это второе движение — как благодаря своим внутренним чертам, так и в результате столкновения с буржуазным миром.

Социалистическое государство будущего, к которому стремилась эта волна, могло воплотиться только в высшей степени авторитарной державе,

организующей все вплоть до повседневной жизни. Пока что это оставалось лишь мечтой, обращенной в будущее, и мышление масс наполняли в большей степени повседневные нужды, заботы и желания. Тем не менее можно предположить, что эта мечта помогла привить массам коллективизм и подавить их правосознание, то есть заставить права индивида отступить перед правами общности в отношении этого индивида. Социалистам уже тогда бросали обвинение в том, что они хотят создать государство-тюрьму. Непосредственный же результат их действий был таков: при помощи ненависти и гнева людей, чувствовавших себя эксплуатируемыми, в адрес считавшейся реакционной массы старых слоев общества они похоронили представление об историческом авторитете, разожгли пламя революционной бескомпромиссности в подавлении своих противников, их прав и собственности. Так развился тот революционный дух, который потом получил по наследству национал-социализм. Удивительным и характерным для немецкого развития стало то, что этот революционный дух мог сменить своего носителя и от фабричного пролетариата в известном смысле перескочил к другим, отчасти совершенно новым слоям

общества²⁶. Об этом процессе мы еще поговорим позднее.

Внутри мира социал-демократических идей наряду с представлением о революционном способе решения проблемы будущего, доминировавшем еще долгое время, появилось и другое, эволюционное, делавшее ставку на постепенное, поэтапное улучшение и преобразование социальной ситуации и на поначалу маленькие, но накапливавшиеся успехи в боях рабочих с капиталистическим миром. Не отказываясь от цели полного переустройства социальной реальности, оно отодвигало ее в далекое будущее.

Такие ревизионистские идеи смогли победить ортодоксальный революционный марксизм лишь после того, как реальная ситуация на рубеже XIX и XX веков начала им благоприятствовать. Немецкие рабочие не нищали, как того требовала революционная теория; их материальное положение ощутимо улучшалось. Им вовсе не противостояла реакционная масса всех остальных слоев населения, заинтересованных в капитализме; эта масса разделялась, развивалась и частью была готова пойти навстречу рабочим, частью же утверждалась в желании побороть грядущую революцию с помощью решительной

реакции. Эволюционисты из одного лагеря нашли оправдание и поддержку у эволюционистов из другого, а ярые революционеры нашли отклик у ярых реакционеров, став своеобразным историческим дополнением друг друга. Так происходило в общем и целом столкновение двух больших волн — буржуазно-национального и пролетарско-социалистического движения. Это был неоднозначный процесс, и сейчас мы обратимся к его деталям.

Эволюционная сторона происходившего покоилась на двух опорах: одна чисто экономическая, другая сочетала в себе политические, социальные и интеллектуальные моменты. Чисто экономическим фактом являлся гигантский хозяйственный подъем, начавшийся в 1890-е годы. Он принес буржуазии благосостояние и богатство, рабочим — выгодную, постепенно все лучше оплачиваемую работу и медленный рост уровня жизни. Еще перед этим подъемом у государства и буржуазии возникла мысль о социальной реформе, которая нашла свое воплощение в социальном страховании восьмидесятых годов, в конце бисмарковской эпохи. В рядах буржуазии то здесь, то там возникала идея продолжения социальных реформ и повышения их эф-

фективности. Наиболее радикальную позицию занял в девяностые Фридрих Науман²⁷, возглавивший национал-социальное движение, органом которого стала газета «Помощь».

Взглянем на глубокий исторический смысл этого движения. Его главной задачей на будущее стало объединить обе большие волны XIX столетия, национально-буржуазную и социалистически-пролетарскую, создав из них могучее целое. Как мы говорили в самом начале, такое объединение являлось в высшей степени желательным, даже жизненно необходимым для всех. Ведь в основе каждой из обеих волн лежала глубоко оправданная движущая сила, плодотворная в историческом масштабе. Они не должны были ограничиться тем, чтобы сталкиваться и мешать друг другу. Однако и там, и там имелась и склонность к крайности, к опасной односторонности. В случае удачного их объединения следовало проявить умеренность с обеих сторон; произвести это объединение в той точке, где разрушительный элемент еще не стал преобладающим ни в одной из них.

Как известно, несмотря на все восторги немецкой идеалистической буржуазной молодежи, Науману не удалось достичь слияния обеих волн,

добиться гармонии между рабочими и буржуазией в решении главных вопросов общественной жизни. Если бы его попытка увенчалась успехом, гитлеровское движение не имело бы шанса появиться на свет.

Однако с чисто теоретической и исторической точки зрения национал-социальное движение Наумана представляло собой чудесную попытку в высшей степени содержательного синтеза интеллектуальных и физических, вещественных элементов немецкого народа. Христианство и немецкий идеализм, идеалы классического гуманизма и современный социальный эмпиризм, демократия и империя, чаяния современного искусства, народная армия и экономическая экспансия — все эти идеи должны были, подобно добрым феям, появиться у колыбели новой Германии и вручить ей свои дары. Даже у внушавшей страх феи марксизма следовало принять определенные истины, которые она представляла. Синтез классического либерализма продолжил бы существовать, получив свое развитие за счет реальных, приземленных вещей. Следовало удовлетворить как грубые потребности масс, так и изысканные запросы людей культуры; следовало признать существование у масс

культурных потребностей и по возможности удовлетворить их.

Это была мечта, которую можно назвать одной из самых благородных в немецкой истории; однако она появилась частью слишком рано, частью слишком поздно для своего времени. И все же нельзя пренебрежительно отвергать даже то не многое, что она смогла осуществить. Еще до Первой мировой войны было заметно, что движение Наумана, хотя и не смогло создать самостоятельную партию, способствовало наведению мостов и взаимопониманию между буржуазией и рабочими, помогло укрепить и интеллектуально обогатить ревизионистское направление внутри социал-демократии. В национальном подъеме и всеобщем братстве августовских дней 1914 года²⁸ присутствовала частица этики и пафоса Наумана.

Чтобы полностью прояснить эту связь, нам нужно выйти за границы рассматриваемого временного промежутка. Влияние Наумана на общее развитие можно оценивать по-разному, однако несомненно, что важная часть этого развития — а именно тот путь, по которому пошло большинство социал-демократических рабочих — в точности соответствовал желаниям и надеждам Наумана. Накануне Первой мировой войны это

большинство уже не испытывало смертельную вражду к буржуазному миру. Оно было готово сотрудничать с последним, и ни один честный наблюдатель не мог отрицать наличия у этого большинства национального сознания. Таким образом, оно созрело для решения большой исторической задачи соединения двух волн эпохи — национальной и демократической. Это большинство рабочих по своему образу жизни и мышления становилось мелкобуржуазным. У лучших его элементов появились интеллектуальные запросы, они хотели прикоснуться к сокровищам немецкой культуры. У основной массы преобладал трезвый и практический материализм — в то время как учения теоретического материализма и марксизма, в русле которых долго развивалось рабочее движение, теперь медленно уходили на второй план. Как показала Первая мировая война, лишь меньшинство рабочих осталось непоколебимо верным марксистской догме и хранило революционную волю к разрушению прежнего буржуазного мира²⁹. От ситуации в мировой политике в целом теперь зависело, сможет ли взять верх революционная воля немецких коммунистов, опиравшихся на большевистскую Россию.

Эта ситуация, в свою очередь, никогда не определялась исключительно независимыми, находящимися извне силами. Желания и возможности нашей нации всегда были важным фактором в ее формировании. И вопрос о причинах наших глобальных поражений и катастроф оборачивается вопросом о том, как обстояло дело с желаниями и возможностями наших руководящих слоев, влиявших на немецкую мировую политику, с их интеллектуальной структурой и менталитетом. Ответ на этот вопрос окажется далеко не столь благоприятным, как в случае немецкого рабочего класса. Немецкая буржуазия несет немалую ответственность за все то, что подготовило наши катастрофы и в особенности восхождение национал-социализма.

Мы уже рассматривали истоки этого зловещего развития немецкой буржуазии, показав, как синтез классического либерализма менялся не в пользу своих культурных составляющих, иначе говоря, как национальный эгоизм и государственничество все больше оттесняли космополитические и гуманистические элементы. Даже Трейчке в последние годы жизни воспринимал это как тяжелую потерю, о чем свидетельствуют его тяжелые вздохи на лекциях о политике.

Открывший сегодня «Прусский ежегодник» тех лет сможет ясно увидеть этот процесс. Издатель журнала Ганс Дельбрюк³⁰ был первым, кто четко осознал его и те опасности, которые он несет для будущего Германии. В 1899 году (том 95 «Прусского ежегодника») он писал:

«Высокий идеал наших отцов заключался в том, чтобы немецкое государство однажды возникло, причем без того чувства исключительности и ненависти к окружающим, которое мы клеймим у других наций терминами шовинизм, джингоизм, московитство. Твердая государственная власть должна соединяться со свободным развитием личности, которая необходима нам как никому другому, поскольку ни один народ не одарен ею так богато, как наш. Теперь существует опасность утратить этот идеал. Благородные умы начинают с ужасом смотреть на те формы, которые принимают сегодня национальные чувства, и на ту породу людей, которая нагло пытается взять на себя лидерство в национальных вопросах. Государственная власть предстает в образе всепроникающей бюрократии и полицейского произвола. Естественное лидерство имущих слоев вырождается, превращаясь в классовое господство, и все эти злые силы объединяются,

чтобы загнать свободный дух немецкого народа в предписанные ему рамки. Пока все это присутствует только в зачатках, но зачатки налицо. Следует позаботиться о том, чтобы своевременно остановить их».

Точные слова Дельбрюка подводят итог его наблюдений за определенными слоями богатой буржуазии и дворянства, все еще занимавшего сильные позиции на государственной службе. В различных местах внутри- и внешнеполитической сцены вспыхивали разные конфликты, и все же в них присутствовало одно и то же злое начало — или, по крайней мере, несколько близкородственных друг другу начал, грозивших слиться в единую угрозу для государства, духа и народа. Именно это случилось позднее в еще более бурной форме с разными источниками национал-социализма. Поскольку национальная идея становилась все более узкой и жесткой, возникла угроза свободному немецкому образованию, уходившему корнями в эпоху Гёте. Этот же процесс оказывал негативное влияние на формирование целей германской мировой политики, вступившей на рубеже веков в решающую эпоху. Мы уже в самом начале показали, сколь горячей и опасной для Германии была почва

мировой политики, на которую ей пришлось вступить для обеспечения своих жизненно важных экономических интересов. Мы слышали предупреждение Пауля Фойгта о воздействии длительной английской блокады на все будущее Германии. В этой опасной ситуации была возможна лишь очень обдуманная, осторожная и умеренная мировая политика. Кризис еще только начинался. Но огромную опасность представляло — пусть еще не в тот момент — пангерманское движение³¹ с его гипертрофированными завоевательными целями, которое безнадежно портило наш образ в глазах соседей и могло постепенно развратить сознание нашей собственной буржуазии. Дельбрюк не устал выступать против этого движения, но достиг весьма ограниченного успеха.

Внутренняя политика тех лет была жестко направлена против всех движений и течений, пытавшихся преобразовать в свободном и гуманистическом ключе существующие властные отношения между рабочими, работодателями и государственными органами, между поляками восточных провинций, датчанами северного Шлезвига и государством. Хакатисты³² в Позене и Западной Пруссии, сторонники жестких мер

в рядах крупных промышленников, юнкеры-бюрократы в министерствах и провинциальных администрациях — все они являлись опорами этой внутриполитической системы, внешнеполитическим продолжением которой стало пангерманское движение.

Можно сколько угодно подчеркивать разницу между тогдашним не-социальным духом господства и национал-социализмом Гитлера — однако в рамках общей картины первый был предтечей второго.

Одновременно на рубеже веков еще жива была старая добрая буржуазная культура, хотя ее выхощивание уже началось. Она ставила политической воле естественные нравственные рамки. И одухотворенная буржуазная молодежь стала главной силой национал-социального движения Фридриха Наумана, представлявшего собой полную противоположность будущей коалиции сторонников жесткой руки, хакатистов и пангерманцев. Оба течения в буржуазном лагере еще смыкались друг с другом в вопросах мировой политики, требуя вооруженного участия в борьбе за передел мира и обеспечения жизненного пространства для будущей Германии. Это легло в основу движения за строительство флота,

о масштабах которого имелись лишь смутные представления. В критической ситуации эта общность не смогла бы сохраниться, что и произошло в годы Первой мировой войны. Добрые и злые духи немецкой буржуазии в основе своей давно разошлись в разные стороны.

Дурное начало проникло не только в Германию. Сегодня мы можем сказать обо всем империалистическом развитии западных народов: оно создало предпосылки грядущих политических и культурных несчастий Запада. Мы можем признать неизбежность империализма и присущей ему заботы об экономическом будущем собственного народа. Но любая подобная неизбежность несет в себе зародыш беды, и размер этой беды зависит в значительной мере от рассудительности и самоограничения, от интеллектуального и нравственного состояния руководящих слоев общества. Ни у одного народа не было столь серьезных оснований практиковать умеренность и осторожность, как у немцев, учитывая их географическое окружение и их склонность доводить до крайности однажды усвоенные идеи. Прочитируем замечательного философа Фридриха Паульсена³³, который в 1902 году в «Прусском ежегоднике» (том 110, страница

173) выражал растущую тревогу патриотов-гуманистов:

«Бурлящий национализм стал очень серьезной опасностью для всех европейских народов; существует угроза, что в результате они утратят понимание человеческих ценностей. Будучи поставленным во главу угла, национализм, как и конфессионализм, уничтожает нравственное и даже логическое мышление. Справедливость и несправедливость, добро и зло, правда и ложь утрачивают свое содержание. То, что считается недостойным и бесчеловечным в отношении себя самого, тут же готовы советовать собственному народу в отношении чужой нации».

Это уже описание этики гитлеровского национал-социализма.

Однако здесь мы видим еще только первые стадии вырождения немецкой буржуазии. Два последних десятилетия перед началом Первой мировой войны стали эпохой сильнейшей борьбы противоположностей, разных вариантов будущего. Из этой буржуазной среды вышли как усиливающийся национализм пангерманцев, так и национал-социальное движение Фридриха Наумана. И хотя кажется, что в предприимчивых слоях буржуазии безраздельно господствовало

стремление к власти и богатству, на деле оба десятилетия наполнены могучей идеалистической тенденцией, возвращавшей времена Гёте, но не просто подражавшей им, а продолжавшей и развивавшей. Специфический современный дух особенно проявил себя в искусстве и поэзии. Истинность, искренность и глубина являлись общими путеводными звездами этого направления, они часто сочетались с радикальным желанием убрать все преграды, возведенные старым миром. Это, в свою очередь, приводило к опасной связи со все более аморальным национализмом, который мы уже охарактеризовали как промежуточную ступень на пути к гитлеризму. В мире идей Ницше, который как раз тогда распространял свою власть над страстными и беспокойными умами, сочетались почти все благородные и подлые порывы эпохи. Это было явление демоническое, двойственное по своей сути и своим последствиям. Однако последствия эти по большей части оказались мрачными. Ницшеанский сверхчеловек, разбивающий скрижали старой морали, казался, увы, немалой части немецкой молодежи весьма соблазнительным проводником в темное будущее, за которое еще предстоит бороться.

3. НЕМЕЦКИЙ НАРОД В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Когда началась Первая мировая война, казалось, что добрый дух сможет вернуть немецкий народ в свое лоно. Подъем 1914 года стал для всех, кто был ему свидетелем, незабываемым переживанием высшего порядка — несмотря на свой эфемерный характер. Все трещины, существовавшие в немецком народе (как внутри буржуазии, так и между буржуазией и рабочими), внезапно исчезли перед лицом общей опасности, обрушившейся на нас и вырвавшей из прежнего материально комфортного бытия. И более того: во всех лагерях ощущали, что простого объединения ради общей цели недостаточно, что необходимо полное внутреннее обновление государства и культуры. Считалось, что оно уже началось и будет продолжаться под влиянием общего переживания войны, которую полагали оборонительной³⁴. Наши надежды являлись плодом благородного заблуждения. Уже год спустя единство раскололось, немецкий народ начал расходиться

в разные стороны. Был ли августовский подъем 1914 года в итоге лишь последней вспышкой старых идеалов, исчерпавших себя движущих сил? Внимательный наблюдатель, Макс Хильдеберт Бём³⁵ предположил это еще в 1917 году. Он писал в «Прусском ежегоднике» (том 167): «Возможно, во многих отношениях август 1914 года покажется нам впоследствии не столько началом новой эпохи, сколько возвышающим и болезненным прощанием, блистательным заключительным аккордом романтики, от которой немецкое сознание отрывается лишь с тяжелыми потерями». Наступающее новое время, продолжал он, характеризуется техницизмом, рационализмом и социализмом хлебных карточек, безжалостной этикой, происходящей не от сердца, а от головы. «Государство, суть которого — организация, по природе своей равнодушно и с глубоким недоверием смотрит на непредсказуемое развитие индивидуальности, являющееся основанием всей немецкой культуры».

Эти слова, подобно прожектору, направляют лучи света и в прошлое, и в будущее. Мы находимся перед главным поворотным пунктом в развитии немецкого народа. Человек эпохи Гёте был свободной индивидуальностью и одновременно

гуманистом, признававшим и исполнявшим свой долг перед обществом: быть «благородным, помогающим и добродетельным». Он развивался в сторону синтеза классического либерализма, затем национального социализма Наумана, со все более сильным налетом потребностей массового общества и политической власти; он становился все менее гибким и более приземленным, укреплялась связь с окружающими его обществом и государством. Искра прежних свободных отношений индивида и общества еще раз вспыхнула в романтике августовских дней. Была ли вновь показавшаяся на поверхности гуманистическая личность обречена окончательно умереть под давлением сил, формировавших из людей массы? Оставим открытым этот робкий вопрос; если мы и сможем найти на него ответ, то лишь в самом конце.

Уже в 1915 году чувствовалось, что августовскому синтезу интеллектуальных и социальных сил приходит конец. Его одновременно разрушали как слева, так и справа. Усилия крайних левых, сплотившихся вокруг младшего Либнехта³⁶, принадлежат истории становления коммунизма в Германии и приобретут историческое значение в том случае, если он когда-либо станет

формировать будущих немцев. Процессы на правом крыле германского общества, о которых мы сейчас будем говорить, в те дни еще не были связаны с развитием коммунизма.

На этом крыле развернулась борьба вокруг целей войны. Для будущей Германии было критически важно выбраться из того смертельно опасного положения, в котором она очутилась из-за непродуманной довоенной политики. Мы сделали своими врагами одновременно две мировые державы — Россию и Англию. Чисто физически наших сил не могло хватить для того, чтобы в борьбе с этой парой полностью реализовать наши глобальные интересы. Мы могли надеяться только на весьма скромные результаты начавшейся войны — если бы нам вообще удалось получить хоть какие-то. Но просто сохранить себя, заключить новый Губертусбургский мир³⁷ было бы «победой». Однако лишь немногие представители ведущих слоев буржуазии могли подняться до столь трезвого взгляда на вещи. Это были те, в ком еще жили синтез классического либерализма, классический гуманистический идеал, понимание культурной общности Запада и необходимость быть умеренным даже в случае победы. Но основная масса

буржуазии — имущей и считавшейся образованной — находилась во власти страстей, которые мы наблюдали уже на рубеже столетий: безоглядный национальный эгоизм, неразборчивость в выборе политических средств, равнодушие к потребностям совместного бытия в Европе, и все это в сочетании с некритической переоценкой собственной силы. То, что считалось реальной политикой, на деле представляло собой ее противоположность. Однако эти люди полагали, что обладают реализмом современного человечества с его победоносной силой.

Вот так борьба вокруг целей войны стала одновременно борьбой внутри немецкого народа, и только так ее можно понять в полной мере.

Не существует подходящих слов для того, чтобы точно выразить сущность обеих противоборствующих групп. Назвать одних «людьми силы», а других «людьми культуры» стало бы весьма грубым упрощением. Благодаря единому образовательному фундаменту «люди силы» интересовались культурой, а «люди культуры» — силой. Скорее можно говорить о том, что лишь соотношение «силы» и «культуры» оказалось различным. Однако избранные пути должны были все сильнее отдалять идущих друг от друга,

в особенности после того, как в контексте конкретных проблем (Бельгия, Польша, Балтика³⁸) была осознана вся глубина противоречий. Многие из тогдашних «людей силы» позднее наверняка энергично открещивались бы от любого упоминания их имен рядом с именем Адольфа Гитлера. Однако избранный ими путь вел именно в те сферы, где позднее утвердился Гитлер.

Путь другой половины вел туда, где обособились немецкие рабочие, поддерживавшие социал-демократию большинства. Они были едины в трезвом осознании положения на фронтах, отказе от утопических целей и опьянения силой. Принцип интернационализма в мировоззрении немецких социалистов, считавшийся прежде врагом национального принципа, превратился скорее в дополнение к национальной идее — начиная с августа 1914 года, когда немецкие социал-демократы стали частью национального фронта. Опять же, соотношение двух вновь встретившихся элементов — космополитичной буржуазии и национального государства — могло быть очень разным.

Во внутренней политике также сблизились пути социал-демократического рабочего и «человека культуры» (если нам будет позволено

использовать этот не вполне удачный термин). Рабочий по праву требовал полного политического равноправия с имущими слоями, принеся равные с ними жертвы в борьбе за Отчизну. Существовавшие прежде опасения, что в результате государство станет жертвой массовых страстей, могли отступить в том случае, если бы развитие масс приобрело здоровый характер, если бы они отказались от революционной утопии и обратились к благим культурным идеалам буржуазии. Именно это теперь и произошло. Еще в военные годы была предпринята многообещающая попытка добиться внутренней гармонии между двумя составляющими немецкого народа — национальной буржуазией и социалистическими рабочими. Даже старые конфессиональные противоречия отступили перед этим новым шансом. В «Народном союзе за свободу и Отечество», основанном осенью 1917 года, социал-демократические и христианские профсоюзы объединились с представителями гуманистической буржуазии. Этот союз был предтечей будущей «веймарской коалиции» в составе партии Центра³⁹, социал-демократии большинства и Демократической партии — столь поносимой системы Веймарской республики.

Сегодня о существовании «Народного союза» знают лишь те, кто принимал участие в его деятельности, в то время как организация буржуазных «людей силы» — основанная той же осенью 1917 года Отечественная партия — у всех на устах. И действительно, Отечественная партия сильнее влияла на политические процессы, оказывая в союзе с высшим командованием армии давление на слабое правительство в последние месяцы монархии. Пангерманский завоевательный дух и внутривнутриполитическая тяга к господству, характерная для тяжелой промышленности и восточногерманского землевладения, создали себе в лице этой партии организацию, позволявшую скрыть их истинные намерения.

Многие представители буржуазии устремились в те дни с искренним воодушевлением в ряды Отечественной партии, ошибочно полагая, что она защищает истинные национальные интересы. Оказались среди них и представители интеллигенции с большим моральным авторитетом. Этот тип людей необходимо рассмотреть подробнее, поскольку именно здесь мы особенно ясно видим недостатки их идейного багажа. Это были мужи, теоретически охотно приветствовавшие классический либерализм с его соедине-

нием духа и силы, нации и человечества; однако в решающий момент, когда этот синтез оказывался под угрозой, они предпочитали манящий путь обманчивых, мнимых национальных интересов. В стране оказалось множество педагогов, священников и судей, устремившихся на новый сборный пункт — как им казалось — национального духа и охотно не замечавших грубого эгоизма своих вождей. Прекрасные мемуары Риттельмейера⁴⁰ показывают, к примеру, как бездумно и формально евангелическое духовенство относилось к главным проблемам эпохи.

В действительности Отечественная партия только увеличила раскол между буржуазией и рабочими, между старой монархией и новыми массами — раскол, казавшийся преодоленным в августовские дни 1914 года. Под влиянием этой партии война продолжалась в таком стиле, который мог ухудшить, но никак не смягчить ее финал. Пока в Германии доминировал дух Отечественной партии и стоявших за ней пангерманцев, не приходилось и мечтать о мирном соглашении с противником, ставшим более чем могущественным благодаря вступлению в войну Северной Америки. В этой ситуации Дельбрюк писал 18 августа 1918 года в «Прусском ежегоднике»: «Мир

требует и имеет право требовать, чтобы немецкий народ представил гарантии того, что пангерманский дух — дух высокомерия, силы, антиинтеллектуализма, язычества — не является немецким духом». А затем 29 августа: «Пока мы не растопчем пангерманизм, его военные цели, его кощунственные проповеди о немецкой расе господ (...), час мирных переговоров не настанет».

Разве эти фразы не характеризуют наше положение и во время Второй мировой войны? Можно ли еще сомневаться в том, что пангерманцы и Отечественная партия готовили почву для восхождения Гитлера?

4. ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ОПЫТ

Когда осенью 1918 года все рухнуло — командование решило сложить оружие, а мятежи в Киле послужили началом Ноябрьской революции, — собравшиеся в рядах Отечества партии элементы характерным образом преобразились. Здесь не хотели признавать, что захватнические иллюзии и отказ от внутриполитических реформ вели по ложному пути и не только не предотвратили революции, но, напротив, привели к ней. Вместо этого в вопросе о связи между военным поражением и революцией поменяли местами причину и следствие. Героически сражавшаяся армия, продолжая все более безнадежную борьбу, была вынуждена в конце концов склониться перед неумолимым и постоянно растущим превосходством противника. Таковы были факты. Однако в лагере правых — как известно, даже еще до Ноябрьской революции — возникла легенда об ударе кинжалом в спину⁴¹. Впоследствии стала одной из излюбленных тем нацистской

пропаганды, согласно которой победа была у нас украдена из-за революционного разложения тыла, под давлением которого командование было вынуждено сложить оружие. Действительно, первые признаки такого разложения присутствовали еще до августа 1918 года; однако революционного уровня оно достигло лишь в тот момент, когда ситуация на фронте стала безнадежной. Сторонники «легенды об ударе кинжалом» не в меньшей степени обвиняли так называемых «пораженцев» — то есть членов «Народного союза» — в том, что они ослабили волю народа к борьбе своими проповедями умеренности военных целей и гуманистической позицией.

Отечественная партия и легенда об ударе кинжалом вместе взятые представляют собой фатальный рубеж в развитии немецкой буржуазии. Решающее значение имело то, что большая и важная часть этой буржуазии в дальнейшем еще сильнее отгородилась от демократических идей, от любых планов ликвидировать раскол между буржуазией и рабочими, между национальным и демократическим движением за счет их равноправия, за счет создания народного правительства,

опирающегося на волю большинства. Той части буржуазии, которая поддерживала Отечественную партию, созданные Веймарской конституцией 1919 года демократические формы казались в свете легенды об ударе кинжалом плодом национальной измены и отказа от героизма, плодом массовых страстей, использующих вызванное предательством поражение. С этого момента началась открытая и тайная борьба элементов, собравшихся в 1917–1918 годах в рядах Отечественной партии, против Веймарской конституции. «Веймарская конституция разбилась об элиты», — сказал мне однажды умный и наблюдательный Зигфрид фон Кардорф⁴². Учителя и судьи высокомерно отвергали и презирали ее, рассуждая в духе легенды об ударе кинжалом. Эта капля сильного яда проникла после войны в жизнь общества, отравив попытку поставить страдающую Германию на ноги не силой и диктатурой, а мирными и справедливыми социальными компромиссами.

Однако даже с точки зрения здоровой демократической идеи Веймарская конституция страдала от серьезных недостатков. Для формирования правительства не было прочной и устойчивой

основы, слишком велики оказались колебания и зависимость от меняющихся партийных течений⁴³. Внутри партий Веймарской коалиции также наблюдались безрадостные явления: близорукая жажда власти, во многом вызванная тем, что входившие в коалицию слои слишком долго не допускались к правительственному столу и теперь внезапно оказались на вершине. Среди тех, кто слишком быстро и жадно пил из оказавшегося в их руках кубка власти, оказалось немало евреев. В глазах всех антисемитов они представляли извлекающими выгоду из немецкого поражения и революции. Все остальное в Германии казалось безнадежно обреченным на увядание.

В начале двадцатых годов длань победителей еще очень тяжело давила на нас. Достаточно произнести слова «Версальский мир» и вспомнить о его духовных и материальных последствиях. Частная жизнь каждого оказалась разрушена инфляцией, уничтожавшей любой доход и сбережения. В недоброй памяти 1923 году, когда французы вторглись в Рурскую область⁴⁴, инфляция стала безудержной. На этом фоне многократно усиливалось психологическое воздействие легенды об ударе кинжалом. Немцы молчаливо спрашивали себя: разве не были мы настоящими

победителями в мировой войне, лишившимися этой победы в результате предательства в наших рядах? Тысячи вышедших в отставку офицеров из рядов гигантской армии военного времени оказались выброшены на улицу, они сравнивали прежнюю достойную жизнь с нынешней борьбой за кусок хлеба и ощущали себя униженными героями. Из добровольческих корпусов, сыгравших после войны решающую роль в подавлении коммунистических волнений, вышла масса тайных соединений, которые мечтали о скором восстании. Капповский путч⁴⁵ весной 1920 года был первой попыткой такого рода, однако быстро провалившейся. Но когда осенью 1922 года произошла националистическая революция Муссолини в Италии и его фашистское ополчение двинулось на Рим, не встречая сопротивления регулярных войск Виктора Эммануила, немецкие правые вновь почувствовали желание предпринять подобную попытку — причем с помощью маленького рейхсвера, который был оставлен нам Версальским миром⁴⁶. «Рейхсвер опутан черными отрядами», сказал мне тогда один сведущий человек. Командующий рейхсвером генерал фон Сект⁴⁷ вел себя вполне корректно, как подобает дисциплинированному органу

демократического правительства. Но старый прусско-немецкий милитаризм — как с его блестящими качествами, так и с узостью мышления и жизненных ценностей — продолжал существовать в рядах той отборной элиты, которая составила офицерский корпус рейхсвера. Мы еще будем говорить о ней подробнее.

Такие составные элементы, события и впечатления образовали первую штормовую волну, на гребне которой Адольф Гитлер предпринял свою первую попытку. 9 ноября 1923 года он рискнул поднять путч в Мюнхене и провалился. Однако несмотря на временный экономический подъем следующих лет, социальная ситуация в Германии бурлила и кипела, и Гитлеру не было нужды отказываться от надежды прийти к власти в Германии иным путем. Здесь нас будут интересовать не фактические стадии его пути; мы рассмотрим более глубокий вопрос об изменениях в немецком народе, сделавших возможной победу Гитлера. Мы уже видели, в каком состоянии этот народ находился, и теперь посмотрим, как с помощью особой методики он все более осознанно и успешно вырождался в новогерманского «гитлеровского человека».

5. HOMO SAPIENS И HOMO FABER*

У людей современной культуры и цивилизации все зависит от здорового, естественного и гармоничного взаимоотношения рациональных и иррациональных устремлений. В силу своих особенностей именно современные культура и цивилизация угрожают этому равновесию. Если описывать ситуацию весьма схематично, однако вполне корректно в рамках нашей цели, то на одной стороне находятся рассудок и разум⁴⁸, на другой — сердце⁴⁹, фантазия, желания и страсти. В конечном счете разум — рациональное начало — должен контролировать душевное равновесие. Однако для того, чтобы достичь высших и лучших результатов, разуму необходимы импульсы иррациональных сил. Сердце должно показывать разуму путь к добру, к обузданию эгоизма, к нравственным и религиозным целям; фантазия — путь к прекрасному, то есть опять

* Homo faber — человек творящий (лат.).

же к освобождению души от эгоистических желаний. Вместе они должны поддерживать также и рассудок в его работе по постижению мира, питая и направляя жажду познания и истины. Однако им следует делать это тактично, сдержанно, без насилия. Воля, отвечающая за действие во всех сферах доброго, прекрасного и истинного, обязана повиноваться властителю Разуму — повелителю, поднимающемуся из совокупности всех душевных сил, перерабатывающему, уравновешивающему и направляющему их. Любое одностороннее развитие — хоть рациональных, хоть иррациональных сил — грозит нарушить целостность и, усиливаясь, может привести к катастрофе как для отдельного человека, так и для масс, целых народов, если ветер событий повлечет их в опасном направлении.

Такой штормовой ветер подул в те годы над немецким народом, и лишь немногие смогли выдержать его порывы. Здесь мы обсудим те нарушения означенного равновесия, которые присутствовали в «гитлеровском человеке».

Очевидно, что большие политические и культурные системы, сменяющие друг друга на протяжении истории и определяющие помыслы и действия людей, тесно связаны с равновесием

сил человеческой души. Каждое новое созвездие идей, воодушевляющих человечество, меняет отношения и связи между душевными силами или напрямую проистекает из них. При этом остается достаточно пространства для бесчисленных индивидуальных нюансов. Легко увидеть, как произошел, к примеру, переход от рационалистического Просвещения к иррациональному романтизму; однако бесконечно разнообразны такие переходы в отдельных людях, живших в ту эпоху. Вероятно, и при появлении новогерманского «гитлеровского человека» мы обнаружим такое же богатство индивидуальных нюансов, сможем увидеть в рядах или на орбите этой новой общности нечто такое, что по своей интеллектуальной направленности и духовной структуре относится к совершенно иному типу. Однако сейчас ограничимся типичными чертами этого человеческого типа.

Синтез власти и духа в рамках классического либерализма опирался на особенно тонкий баланс рациональных и иррациональных сил; их сочетание друг с другом отличалось особой деликатностью и индивидуальным многообразием. Развивающиеся тенденции современной цивилизации не способствовали сохранению этого

равновесия. В первую очередь условия современной профессиональной деятельности придавали жизни механический характер, уравнивали жизненные цели, уменьшали спонтанность внутреннего мира. Стоит вспомнить хотя бы о распространении экзаменационной системы на государственные профессии. Рациональный расчет, основанный на официальных предписаниях, пришел на место свободных склонностей, питаемых всеми сторонами души.

И это лишь один пример из множества ситуаций, где внешняя рационализация может вести к ущербу для внутреннего смысла. Такие вопросы следовало бы тщательно изучить и осветить; я же упомяну лишь один особенно типичный случай, на который проницательный наблюдатель обратил мое внимание много лет назад, поскольку он наглядно объясняет определенные повторяющиеся черты «гитлеровского человека».

Наблюдатель, которого я только что упомянул, рассказывал еще до наступления эпохи Третьего рейха: часто случается, что юные техники и инженеры, получившие прекрасное образование в высшей школе, десять–пятнадцать лет полностью посвящают себя профессии, не глядя по сторонам и желая быть лишь квалифицированными

специалистами. Однако ближе к сорока в них пробуждается нечто такое, чего они раньше не знали и с чем не соприкасались во время своего обучения — нечто, что можно назвать подавленными метафизическими потребностями. Они со страстью окунаются в некую идеалистическую сферу, в какое-нибудь модное сейчас дело, которое кажется им очень важным для общего или индивидуального блага — будь то борьба с алкоголизмом, земельная реформа, евгеника или оккультные науки. И недавний трезвомыслящий специалист превращается в своего рода пророка, мечтателя, возможно даже фанатика и мономана. Возникает типичный страждущий улучшить мир.

Это показывает, что односторонняя дрессировка интеллекта, к которой приводит техническое разделение труда, может закончиться отчаянной реакцией угнетенных иррациональных душевных порывов. Итогом становится не настоящая гармония критической дисциплины и творческой глубины, а новая односторонность, действующая необузданно и неумеренно.

Мне кажется, именно этот тип мы видим в некоторых нацистских вожаках. К примеру, Альфред Розенберг начинал как техник, а затем погрузился

в те дикие историко-философские конструкции, о которых возвестил миру в своем «Мифе XX века»⁵⁰. Не всегда нужна техническая профессия, чтобы погрузиться в опьяняющее «улучшение мира». Люди с горячими головами, жаждой самообразования и честолюбием, втиснутые в сегодняшний технически рациональный трудовой процесс, легко могут потерять внутреннее равновесие на почве конфликта между душой и окружающим миром и ярко загореться. Хороший пример — мелкий художник и акварелист Гитлер, вынужденный когда-то зарабатывать на кусок хлеба на стройке и при этом выпестовавший свою ненависть к евреям, превратив ее в мировоззрение с мессианской составляющей.

Масштабное проникновение техники во все области практической жизни породило массу новых профессий и в конечном счете целый социальный слой, чей склад ума заметно отличается от всех прежних слоев, оставшихся как от старого аграрного государства, так и от расцветшей позднее буржуазии. Центральную позицию занял интеллект, сосредоточенный строго на прикладном и непосредственно полезном. Он мог демонстрировать высокие достижения и порождать удивительный прогресс цивилизации.

Однако душевные силы человека оказывались оттеснены на второй план — результатом становилась либо вышеописанный дикий реванш, либо общая вялость и упадок. У сердца и фантазии есть выбор между одичанием и засыханием. В большинстве случаев имело место второе. Внутреннее стремление, неотъемлемо присущее каждому человеку, получило в результате прогресса техники и цивилизации множество новых объектов, на которые могло направить свои порывы. Баснословные возможности, которые расчетливый и планирующий интеллект открывал перед внешней стороной жизни, придавали воле мощный импульс. Нет, у позднего девятнадцатого и двадцатого веков не было недостатка в мощных энергиях. Расчетливый интеллект, ориентированный на практические цели сильнее, чем на познание, в союзе с сосредоточенной волей штурмующий одну впечатляющую вершину за другой, а в периоды отдыха погружающийся в материальное наслаждение, — такую картину предлагал нам в изобилии гений нашего века. Современную эпоху начали при первых симптомах упадка сравнивать с поздней Античностью, однако в реальности между ними огромная разница.

Но мы сейчас не будем затрагивать проблемы сравнительной истории, а зададимся вопросом о том, во что большие внутренние перемены превратили Разум — одновременно рационального и иррационального повелителя, покровительствовавшего всем сторонам человеческой души. Мы сейчас имеем в виду не разум старого рационализма, эту сухую и трезвую гувернантку, а тот разум, о котором писал Гёте:

Разум присутствует везде,
Где жизнь живет и процветает.

Этот высший разум эпохи Гёте, породивший синтез классического либерализма, плохо подходил для начавшейся технической эпохи. *Homo sapiens* оказался вытеснен *homo faber*. Теперь стремились не к гармонии всех душевных сил, каждая из которых сохраняла бы свое пространство, а к одностороннему максимальному развитию одной из них за счет остальных. Когда человек технической эпохи говорил о «разуме», который должен царить в жизни — как часто слышали мы это слово из уст Гитлера, — он обычно имел в виду лишь требования, выдвигавшиеся

новым тройственным союзом расчетливого интеллекта, бурной энергии и гибридной метафизики.

Было еще нечто такое, что выше любого разума — мир Господень, религия. Она принадлежала к числу не душевных сил, но душевных потребностей; она проистекала из целостности души и для нее же существовала; она была призвана внутренне связывать человеческое общество, соединяя простого человека труда с индивидуально развитым человеком культуры. Религии тоже пришлось несладко в эпоху техники. Из центра жизни, где ей следовало бы находиться, она оказалась вытеснена на периферию. Ее либо равнодушно отбрасывали как отживший свое и ставший лишним ресурс былых времен, либо использовали в качестве полезной конвенции и полицейского инструмента для поддержания спокойствия нижних слоев, относясь к ней соответствующим образом. Все уцелевшее от истинной религии спаслось бегством либо в глубины индивидуальной души, либо в сельские общины и тихие кружки. Такие кружки вновь и вновь возникали в рамках официальных церковных общин. Католической церкви с ее светскими

инструментами проще, чем протестантам, удалось равномерно распределять свет и тепло среди своей паствы.

Вредное влияние нового техническо-утилитарного духа менее всего сказалось на истинно набожных, верующих христианах. Они жили словно вне времени, ради своей веры, как жили их отцы и деды.

Мы позднее еще поговорим о том, как гитлеровское движение опалило Церковь и религию, борясь с ними, и какая задача выпадает религии после крушения гитлеризма.

6. МИЛИТАРИЗМ И ГИТЛЕРИЗМ

Насколько я могу судить, еще никто не заметил, что современный техническо-утилитарный дух, о связи которого с «гитлеровским человеком» уже говорилось выше, имел предшественника, появившегося на полтора или два века раньше: прусский милитаризм в той форме, в какой его создал Фридрих Вильгельм I. Мы уже кое-что сказали об этой форме, весьма глубоко и крепко засевшей в людях. Возник типаж прусского офицера, резко отличавшийся как от офицеров других стран, так и от представителей иных профессий в собственной стране. Ключевое значение имело то, что определенная рациональная мысль приобрела абсолютную власть над всеми иррациональными чертами человека: мысль о безусловной, не отклоняющейся ни на шаг в сторону преданности своей профессии и тому, кто дал ему такую профессию, то есть верховному главнокомандующему. Абсолютной ценностью стали высшие достижения в профессиональной

области — на плацу и поле брани, причем на плацу еще и с особенным расчетом и техникой. Здесь человека дрессировали, то есть, согласно рациональной схеме, превращали в существо, способное слепо отдать свою жизнь за поставленную кем-то другим цель. Человек становился маленьким винтиком, шестеренкой большой машины, предназначенной не только для того, чтобы метать гром и молнии на поле брани, но и для выполнения важных задач на службе у государства в годы долгого мира. Это механическое чудо становилось самоцелью, все в стране должны были склоняться перед ним.

Такова несколько односторонняя картина прусского милитаризма, сформировавшегося в XVIII веке — в эпоху наемных солдат, системы кантонов⁵¹ и линейной тактики⁵². Однако даже этот искусный механизм, будучи составлен из людей, не мог достичь эффективности чисто механическими средствами. В прусском офицере жили идеалы старого рыцарства и вассальной верности, в призванном на службу кантонисте благодатной почвой могли стать любовь к родине и патриархальная верность королю. Однако душевное развитие как офицеров, так и нижних чинов было заключено в узкие рамки, направлено

на достижение рациональной цели военного совершенства. Сильные натуры даже в этих рамках могли демонстрировать величие, а могучие духовные преобразования, произошедшие после Французской революции и в эпоху Гёте, придали армии свежий импульс из всех иррациональных сфер человеческой души. Но механическая солдатчина и муштра эпохи Фридриха Вильгельма I сохранились и в армии, реорганизованной Шарнхорстом⁵³ и Бойеном на основе всеобщей воинской обязанности. Лишь весьма ограниченный успех сопутствовал Бойену, попытавшемуся после 1815 года, вопреки сопротивлению строгого и эксклюзивного духа линейных полков, утвердить более свободный и гуманный, пусть и менее эффективный с технической точки зрения принцип ландвера⁵⁴. Но дух линейных полков одержал верх в ходе реорганизации королем Вильгельмом и Рооном⁵⁵ прусской армии, побеждавшей затем в Войнах за объединение⁵⁶. И далее вплоть до эпохи мировых войн этот дух сохранялся в неизменности, лишь приспособляясь к меняющемуся времени. Новый технически-утилитарный дух XIX века, произошедший от машины, нашел себе близкого родственника в лице прусской армии, достигшей большого

совершенства уже на прежнем техническом уровне. Процесс рационализации мог теперь продолжаться с той особой научной основательностью, которая была характерна для XIX столетия. Возникла пословица: «Оружие есть наука, наука есть оружие». И снова возникли сильные характеры исторической величины, и снова более изящные духовные элементы сыграли оплодотворяющую роль. Так внутри прусско-германского милитаризма появился главный орган, в котором сосредоточились все полезные свойства этого милитаризма, где, так сказать, взращивалась его чистая культура: Большой генеральный штаб. В его стенах объединились наука, рациональность и энергия. Это творение оказалось столь живучим, а сформированный им типаж столь укоренившимся, что ему удалось в замаскированных формах пережить даже Версальский мир, призванный его разрушить. Одной из этих форм являлся Рейхсархив, в котором бывшие генштабисты анализировали историю мировой войны. Таким образом удалось наполнить стотысячный рейхсвер духом старого генерального штаба, и маленькая кадровая армия сумела превратиться в гигантскую армию мировой войны и создать новый генеральный штаб, продолжавший традицию

своего предшественника. Зоркие глаза наших противников не без оснований видели в генеральном штабе квинтэссенцию нашего милитаризма, и теперь поставлена задача выкорчевать его полностью.

Однако сколь бы эффективным ни оказывался до самого конца прусско-германский милитаризм, высшим воплощением которого стал генеральный штаб, эта эффективность была приобретена путем опасно одностороннего развития. Равновесие рационального и иррационального оказалось разрушено. В помыслах и действиях чисто военный эффект был всему головой. Блестящие умы генерального штаба, вероятно, понимали, что армия и война не могут являться самоцелью, а играют вспомогательную роль в жизни народа, причем не только одного, а всего семейства народов. Однако на практике это отходило в их сознании на второй план. Мышлению генштабистов не хватало необходимого политического измерения, а политическое мышление оставалось здоровым лишь до тех пор, пока сохраняло связь со всей полнотой культурной жизни народов. Все эти связи и контакты между отдельными членами совокупного бытия ослабевали в течение десятилетий, предшествовавших

Первой мировой войне. Это прекрасно демонстрирует знаменитый «план Шлиффена»⁵⁷, придавший огромный вес чисто стратегическому принципу и опускавший вопрос о том, какие политические последствия, преобразующие в дальнейшем и военную ситуацию, может иметь марш через Бельгию. Homo sapiens и здесь уступил место homo faber.

Мы сказали, что равновесие рациональных и иррациональных мотивов оказалось нарушено благодаря тому, что технически рациональному придавалось основное значение. Мы не можем отрицать у работавших много, до изнеможения офицеров генерального штаба иррациональных мотивов — не только мощного честолюбия, но и сильного чувства долга и искренней любви к Отечеству. И все же итог безрадостен: у техников военного ремесла не было полного понимания целостности исторического бытия. Поэтому они допускали опасные ошибки при оценке вещей, лежавших вне военно-технической сферы.

Столь же тяжкую ошибку допустила значительная часть офицеров старого генерального штаба и старой армии, оставшихся в рейхсвере, когда они уже в двадцатые годы начали

симпатизировать набиравшему популярность Адольфу Гитлеру. Они оказались ослеплены создаваемой гитлеровским движением видимостью высочайшей национальной энергии. Не будем забывать, что это движение в начале было лишь полноводным ручейком среди множества родственных движений «фёлькише»⁵⁸, отчаянно и упрямо восстававших против Версальского мира. Как кипели сердца тысяч отправленных в отставку офицеров старой армии! Как мы уже говорили, рейхсвер был окружен «черными отрядами»⁵⁹. Попытки путча 1923 года провалились, но их дух оживал при каждой новой депрессии в общественной жизни. Потом пришел глубокий экономический кризис, жуткая безработица конца двадцатых и начала тридцатых годов, гитлеровское движение быстро разраслось, его отношения с рейхсвером вступили в новую активную стадию. После серьезных успехов национал-социалистов на сентябрьских выборах 1930 года⁶⁰ Ульмский процесс против молодых офицеров рейхсвера⁶¹ продемонстрировал восприимчивость этой среды к гитлеровской пропаганде. В те годы я однажды задал полковнику, близкому к министерству рейхсвера, вопрос об общем настроении в армии. Он с чувством

превосходства ответил: «Рейхсвер всегда будет там, где сильнейшие национальные основы». Спустя несколько лет, когда рейхсвер купался в лучах Третьего рейха, этот же офицер, успевший стать генералом, с триумфальным видом напомнил мне о своем ответе. Еще сильнее запомнились мне слова, которые я услышал из уст министра Грёнера где-то между 1930 и 1932 годами: «Совершенно неверно спрашивать о позиции рейхсвера. Рейхсвер делает то, что прикажут, и баста». Я тогда не сомневался, что если рейхсвер приказом такого президента, как Гинденбург, будет направлен против гитлеровского движения, то армия, несмотря на все живущие в ней симпатии к Гитлеру, выполнит свой долг так же, как сделала это десятью годами раньше. Однако те же симпатии с течением времени все больше подрывали уважение рейхсвера к конституционной системе, созданной в Веймаре решением народного большинства. Да и разве тогдашнее демократически настроенное большинство не таяло теперь под напором горячего штормового ветра гитлеровского движения? К последнему теперь и обратимся.

Тогдашняя молодежь бурлила — и та, которая успела подержать в руках оружие на полях

мировой войны, и та, которая выросла в условиях тяжких последствий Версальского мира. В материальном отношении она требовала работы, денег и карьеры, в идеалистическом — чего-то такого, что могло бы дать пищу характеру и воображению, неких ценностей, ради которых стоило бы жить. Веймарская республика была построена на идеалах, ради которых целостный и политически зрелый народ мог бы жить и бороться, — идея наконец-то достигнутого единства рабочих и буржуазии, национальное чувство, здоровое, не преувеличенное, соответствующее гуманистическим ценностям и проникшее в те части народа, которые когда-то были объявлены «врагами империи»⁶². Среди «веймарского большинства» также господствовало неукротимое желание развязать или хотя бы ослабить узлы Версальского мира — терпеливо и медленно, путем постоянных, иногда не самых блистательных компромиссов с державами-победительницами. С точки зрения реальной политики это был тогда единственно возможный метод постепенно изменить ситуацию; любой другой грозил рано или поздно привести к войне, в война — как это и случилось в реальности — к катастрофе для Германии.

Но, с точки зрения молодежи 1930 года, для всего этого требовалось слишком много рассудительности и скромности. Выступавшие против «веймарских» говорили: «Вы не предложили нам идеалов, не насытили нас». И это касалось как материальной, так и духовной сфер. У любой молодежи имеется естественное стремление создавать объединения, пестующие идеалы и стремящиеся к быстрому действию ради этих идеалов. Так в начале тридцатых годов много ценной, но политически совершенно незрелой молодежи собралось в рядах СА⁶³. Можно сказать, что Гитлер пришел к власти благодаря типичному, но ослепленному молодежному движению.

«Было бы жаль стрелять в эту прекрасную молодежь», — говорили в рядах рейхсвера. Я рассказал об этом Грёнеру, и тот насмешливо ответил: «Как будто бы в другом лагере нет уймы ценной молодежи!» Разумеется, она оказалась не столь вдохновленной, как в лагере Гитлера.

Здесь мы возвращаемся к течениям внутри самого рейхсвера. Назовем самый важный в материальном отношении мотив его растущего сближения с гитлеровским движением. Из рядов последнего звучало: мы скоро создадим вам очень большую армию, намного больше, чем вы

можете сегодня вообразить. Какая блестящая перспектива для офицерского корпуса сотысячного войска, какие возможности для продвижения по службе и самореализации! Что уж говорить о массе когда-то отправленных в отставку офицеров, борющихся за существование в гражданской жизни.

Восстановление всеобщей воинской обязанности — наследия Освободительных войн — представляло высокую цель даже в глазах людей, негативно относившихся к гитлеризму. Но в той исторической ситуации всеобщая воинская обязанность должна была исключать специфический милитаризм. Требовалось скорее ополчение по швейцарскому образцу. Трезвомыслящие и одновременно полные глубоких национальных чувств государственные мужи вроде Брюнинга и Грёнера считали возможным достичь этой цели путем переговоров с державами-победительницами. Как рассказывал мне позднее Грёнер, план заключался в том, чтобы оставить существующий рейхсвер, усилив его тяжелым вооружением, и наряду с ним создать «дивизии обороны границы» численностью около двухсот тысяч человек на основе всеобщей воинской обязанности с полугодовым сроком службы: «Мы обратились

с этим планом к англичанам и итальянцам и получили их принципиальное согласие. Мы как раз готовились к переговорам с французами — и в этот момент нас отправили в отставку» (30 мая 1932 года).

Мы еще будем упоминать другие перспективные планы Брюнинга и его сотрудников. Однако уже эта ситуация демонстрирует историческую возможность успеха правительства Брюнинга — Грёнера в достижении важных национальных целей, что позволило бы лишить популярности набиравшее силу гитлеровское движение. Тогда Германия и Европа избежали бы катастрофы Второй мировой войны. Конечно, никто не может сказать наверняка, что эта возможность осуществилась бы на практике. Однако так обстоят дела со многими развилками в мировой истории — они весьма проблематичны и все же неустранимы, они заявляют о себе тихим голосом в каждой ситуации, когда благодатная возможность была упущена и реальность оказалась бедственной.

На наш взгляд, от рейхсвера, его позиции, образа мыслей и склонностей в первую очередь зависела тогда судьба Германии и всей Европы. Ведь именно у армии была вся мощь. Конечно,

она не могла применять эту силу по своему усмотрению, а повиновалась приказу президента. Но между этим президентом, носившим звание генерал-фельдмаршала, и армией была обоюдная зависимость. Она повиновалась ему, а он прислушивался к ней и пропускал через себя все ее чувства — плоть и кровь от ее плоти и крови, истинный отпрыск прусско-германского милитаризма, породившего столь много прекрасных специалистов и столь мало дальновидных политиков. Я не говорю о том, что в своих решениях он стал бы следовать желаниям рейхсвера; связь здесь не так проста. Он долго прислушивался к голосу государственного разума, прежде чем оглохнуть и назначить Гитлера. Если задаться вопросом о глубочайшем, старейшем слое его души, способном подтолкнуть его к означенному решению, то ответом может стать только прусско-германский милитаризм. Поэтому последний можно назвать той исторической силой, которая в наибольшей степени способствовала созданию Третьего рейха.

Из обычной узости этого милитаризма все еще поднимались более свободные, утонченные в политическом отношении, гуманные натуры — носители традиции Шарнхорста, Гнейзенау⁶⁴

и Бойена. К их числу принадлежали министр рейхсвера (а напоследок и внутренних дел) Грёнер, а также генерал-майор Ганс фон Хефтен, являвшийся президентом Рейхсархива и руководивший изучением военной истории. Я имел счастье поддерживать дружеские отношения и часто общаться с обоими. Даже у этих двоих, испытывавших к гитлеровскому движению глубокое отвращение, я с растущим беспокойством обнаружил зимой 1931/32 года усиливающийся фатализм. «Я вижу, как вода поднимается все выше, мы не сможем удержать наводнение», — воскликнул однажды глубоко взволнованный Хефтен в беседе со мной. А Грёнер раздумывал о компромиссах с национал-социалистами и о включении некоторых из них в состав правительства. Однажды он принял Гитлера, вытерпел вал его многословия и позднее рассказывал нам, как его гость, неподвижно глядя на потолок, проповедовал о Будде и Конфуции. Мне кажется, позднее, уже после своей отставки, Грёнер осознал, что идея договоренности с Гитлером была ошибочной. Как-то раз во время нашей совместной прогулки он остановился, ударил тростью в землю и выкрикнул: «Их надо было раздавить!» Я полностью согласился с ним, давно

осознав глубину различий между гитлеровским и здоровым немецким духом. Следовало рискнуть и начать борьбу не на жизнь, а на смерть — ведь речь шла о будущем Германии, о ее политическом, духовном и моральном здоровье.

Конечно, нельзя упускать из виду, что Грёнер в тот момент был серьезно болен диабетом. Вероятно, это подавляло его энергию. Могу также предположить, что он находился под серьезным влиянием своего главного помощника в министерстве рейхсвера — ловкого интригана генерала фон Шлейхера⁶⁵. Последний являл собой весьма примечательный продукт прусско-германского милитаризма и генерального штаба. Уже находясь на штабной должности в годы Первой мировой войны, он имел склонность выходить за рамки своих служебных обязанностей, вмешиваться в политику и управлять людьми и процессами, давая советы, но при этом оставаясь в тени. Людвиг Бернхард⁶⁶, знавший довольно многое, однажды рассказал мне, что назначение Грёнера на место Людендорфа⁶⁷ в Верховном командовании армии в октябре 1918 года было произведено по совету Шлейхера. Эта фигура напоминает нам тайного советника Фрица фон Гольштейна⁶⁸ — потаенного демона, руководившего немецкой

политикой при Бюлове⁶⁹. В политической сфере Шлейхер считал себя духовным родственником гигантов «реальной политики» — Макиавелли и Бисмарка — и считал политическую жизнь игрой поддающихся расчету сил, которыми можно искусно управлять без предрассудков и партийных догм на благо страны. Гибкость была в его глазах ключом к успеху. Он понимал губительный характер национал-социализма, и, вероятно, никогда не думал о том, чтобы вручить ему судьбу государства. Однако это не исключало в глазах Шлейхера использования национал-социализма на благо рейхсвера и рейха. Он был убежден, что сможет направить дикий поток при помощи искусных, хорошо рассчитанных уступок. Именно так он действовал позднее, став министром рейхсвера в правительстве Папена. Но прежде, весной 1932 года, еще при Грёнере, он в мгновение ока перешел на другую сторону. Дальнейшее известно мне со слов Грёнера. Сначала Шлейхер одобрял и поддерживал план Грёнера нанести энергичный удар по гитлеровскому движению — и 13 апреля последовал запрет СА и СС. «Это было сделано очень вовремя, — сказал мне тогда Грёнер, — и это было правильно». Однако когда 10 мая Грёнер должен был

обосновать этот запрет в рейхстаге, он из-за недопомогания выступил очень блекло и неумело, разочаровав многих. Тогда Шлейхер в течение 24 часов изменил свою позицию и назвал запрет СА бесполезным. Так он нанес удар в спину своему министру и, возможно, сыграл решающую роль в падении правительства Брюнинга–Грёнера. Его собственные эксперименты в роли преемника Грёнера, а затем в течение недолгого времени на посту канцлера закончились падением в ту самую яму, которую он вырыл Грёнеру. Итог хорошо известен: 30 июня 1934 года Шлейхер был убит нацистами.

Но вернемся к нашей теме — освещению исторического измерения связи между милитаризмом и гитлеризмом.

*Exercitus facit imperatorem** — старая и великая фраза. Ее смысл не только в том, что армия, как некогда римские преторианцы, возводит правителя на трон. Режим в государстве существенно зависит — часто неявным и неформальным образом — от настроения и воли той руки, которая держит оружие. Конечно, идеальная цель здорового государства заключается в том, чтобы

* Армия делает императора (*лат.*).

эта вооруженная рука являлась лишь исполнителем воли правителя. Однако историческая жизнь быстро и просто устанавливает обратную связь, и характер вооруженных сил оказывает глубокое влияние на государственную волю. Судьба гитлеровского движения также сильно зависела от позиции и настроений рейхсвера. Вероятно, никто не знал этого лучше, чем Гитлер. Ему в значительной степени удалось ослепить и привязать к себе рейхсвер. Неспособность рейхсвера определить степень национальной ценности гитлеровского движения была тесно связана с односторонностью прусско-германского милитаризма с его техническим духом, его профессиональной муштрой, в результате которых терялся контакт с остальными жизненными силами, и органический кровооборот в рамках целого оказывался нарушен. Противоположное воздействие, оказываемое духом Шарнхорста и Бойена, могло достигать лишь ограниченных и временных успехов. И совершенно плачевно завершилась попытка интригующего генерала Шлейхера изменить ход колеса судьбы при помощи плохо понятых им методов бисмарковской «реальной политики».

Гитлер выполнил обещания, данные рейхсверу. Началось увеличение и перевооружение

армии. Но не сбылась питаемая, возможно, некоторыми генералами надежда на то, что принцип *exercitus facit imperatorem* будет действовать и что рейхсвер, а не партия станет играть решающую роль в Третьем рейхе. Медленно, осторожно, шаг за шагом партия установила духовный контроль над армией. Этот процесс великолепно изображен в книге Раушнинга «Революция нигилизма»⁷⁰, появившейся за рубежом перед Второй мировой войной. Она могла считаться серьезным предупреждением германскому генералитету, призывом не превращаться в ландскнехтов на службе партии. Когда партии уже не нужно было бояться старой армии и еще живущих в ней традиций, Гиммлер сделал следующий шаг — создал ядро новой, партийной армии в лице Ваффен-СС. И фраза *exercitus facit imperatorem* приобрела новое звучание. Дух, а точнее, злой дух Ваффен-СС определял теперь сущность и волю правителей и привел нас всех к катастрофе.

7. МАССОВЫЙ МАКИАВЕЛЛИЗМ

Как мы уже говорили, «гитлеровский человек» появился на свет благодаря продолжавшемуся начиная с эпохи Гёте искажению души, которое можно назвать нарушением внутреннего равновесия рациональных и иррациональных сил. Преувеличенное значение придавалось, с одной стороны, расчетливому интеллекту, с другой — стремлению к власти, богатству и беззаботности. В результате действующая воля была оттеснена в весьма опасные области. Технически мыслимое и выполнимое казалось оправданным, если оно приносило власть и богатство, оправданным даже с моральной точки зрения, если приносило пользу народу. Новая этика национального эгоизма, учение о *sacro egoism** должны были появиться на свет, чтобы благословить это изменение душевных сил. Конфликты между старой и новой этикой начали восприниматься в макиа-

* Священный эгоизм (*ит.*).

веллистском стиле или как минимум под влиянием этого стиля. Для «гитлеровского человека» в конечном счете не существовало конфликтов между разными этическими нормами. Действовала лишь одна заповедь: «Добейся власти любой ценой!»

Однако для целей пропаганды требовалось позаимствовать кое-что у другой, старой этики. Это заимствование воплотилось в формуле «общая польза важнее частной». Однако если вспомнить последние чудовищные усилия партии в тот момент, когда она сходила со сцены — представленная как героизм, но на деле бессовестная и разрушительная эксплуатация последних сил народа ради продления жизни обанкротившейся компании, — становится ясно, что частная польза партии и ее фюрера поглотила общую пользу немецкого народа.

Итальянское происхождение слов *sacro egoismo* указывает на то, что речь в данном случае идет не о чисто немецких искажениях в сфере интеллектуальной и духовной жизни. *Right or wrong, my country*⁷¹, — говорили английские джингоисты⁷². При возведении этого принципа в абсолют его последствия становятся уродливыми и губительными, поскольку все моральные

ограничения в политической сфере оказываются отброшены. Разумеется, этот принцип не стал максимумом английской политики в своем абсолютном значении. Но, как я уже показывал, неотъемлемой частью государственного интереса и государственной политики в целом является присутствие некоего демонического начала, которое внезапно проявляется в подходящий момент и вынуждает лицо, принимающее решения, идти определенным путем. Государственный интерес и макиавеллизм есть вневременные, общечеловеческие феномены. Однако в определенные времена и у определенных, предрасположенных к этому народов они как бы сгущаются и буйно разрастаются. Отличие нынешней эпохи и «старого порядка» от итальянского Ренессанса заключался в том, что тогда *ratione di stato** и макиавеллизм являлись более или менее тщательно хранимым секретом маленького слоя политических мыслителей и политических деятелей — островка среди народа, внимавшего моральным учениям Церкви, а в остальном жившего наивной и бездумной повседневной жизнью с ее мелкими заботами. Духовная культура также

* Государственный интерес (*int.*).

являлась в те времена уделом немногих, занимавшихся ею весьма энергично и успешно. Таков от начала и до конца аристократический характер «старого порядка», на который Буркхардт вновь и вновь бросал ностальгические взгляды. Ведь наступило время масс, народов, в которых пробудилось самосознание. Основной динамический процесс последних полутора веков — чудовищный рост населения, своим напором породивший совершенно новые исторические феномены, — вновь сыграл свою роль. Политика перестала быть делом немногих, теперь в ней хотели участвовать все новые слои населения, напиравшие снизу. Тем самым умножилось число ключей к тому шкафу с ядами, в котором были заперты эссенции макиавеллизма. Из аристократического макиавеллизм стал буржуазным, чтобы в конечном счете оказаться массовым. Эта стадия была достигнута уже в эпоху империализма перед Первой мировой войной. Любой политик мог теперь оправдать свой, зачастую грубый, народный эгоизм пламенной заботой о бытии собственного народа. Он представлялся самому себе великим и благородным, когда произносил по-настоящему жуткие слова *right or wrong, my country* и действовал в соответствии с ними.

Нет, макиавеллистский, аморальный элемент «гитлеровского человека» существовал не только в нем одном. Он принадлежит к числу общераспространенных ферментов того гигантского процесса, который можно назвать хоть закатом Европы, хоть ее преобразованием в новую жизненную форму. «Все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного»⁷³, — можно сегодня ответить тем, кто обвиняет немцев, заявляя, что они одни тревожили покой народов своим аморальным стремлением к власти. Однако нам это не должно быть оправданием. Сразу же после того, как мы осознаем универсальный западный характер порочного феномена, этическое и историческое мышление требуют посмотреть на себя и попытаться осознать особый немецкий вклад. Ведь разве не справедливо в конечном счете озвученное нашими противниками обвинение в том, что мы произвели на свет пусть не уникальный, но опаснейший для всего мира массовый макиавеллизм в облике «гитлеровского человека»? К этому вопросу нам еще нередко предстоит обращаться. Нас будет вновь и вновь потрясать отвесное падение с вершин эпохи Гёте в трясину гитлеровской

эпохи. И мы со страстью спрашиваем, как такое могло совершиться у того же самого народа. Вспоминаются произнесенные в середине XIX века слова Грильпарцера, являвшие собой одновременно диагноз и прогноз: «Гуманизм — нация — зверство»⁷⁴. Однако эти слова не дают полноценного ответа на наш вопрос. Они указывают лишь на общую схему развития, которое вело от культуры немногих к массовой не-культуре, но не на индивидуальные особенности немецкого пути развития, не на уникальные исторические обстоятельства, события и решения, которые в определенных ясно видимых точках, возможно, кардинальным образом направили ход этого развития. Попытаемся сказать об этом хоть немного.

Как мы уже говорили, индивидуальной особенностью немецкого духа являлась его — нередко бурная — склонность подниматься от обусловленной обстоятельствами реальности (которая окружала его, побуждая, раздражая и мучая сильнее, чем, возможно, другие народы) к безусловному, метафизическому, порой даже квазиметафизическому миру, который должен был дать ему спасение. Эта склонность достигала своей

кульминации в эпоху Лютера, во времена Гёте, в немецком идеализме, в первую очередь гегельянском. Однако что происходит, если это безусловное вдруг начинают искать в материальном, в присущих ему чертах? Если в самой реальности будут найдены пути и средства для того, чтобы распутать ее сплетения и вырваться из теснины? Именно это произошло в середине XIX века благодаря всему, что называли новой практичностью, реализмом, «реальной политикой» и так далее, восхваляя их как новую путеводную звезду и руководство к действию. Мечтали о том, что они помогут приобрести нечто безусловное; старый метафизический порыв немецкого духа вновь проявил себя — однако, заблуждаясь и извращая, не обрел действительно метафизического пространства, а облек земное в метафизическое облачение или как минимум приблизился к этому. В такой ситуации даже Трейчке — хотя он прекрасно чувствовал себя и в истинно метафизических сферах — смог произнести опасную фразу о том, что сущностью государства является, во-первых, сила, во-вторых, сила, и в-третьих, сила. В действительности сила является частью сущности государства, но во избежание этической пустоты не должна становиться единственной

составляющей. Необдуманная фраза Трейчке внесла большой вклад в опьянение немецкой буржуазии силой.

В этих строках речь идет не столько об обвинении, сколько о понимании, об исследовании изначально органичного и здорового жизненного процесса с целью найти те моменты, в которых проявили себя первые признаки гипертрофированного и уродливого развития, выступившие напоследок в столь ужасном виде. Здоровым и естественно необходимым был поворот немецкого духа к реальности — сначала, после 1815 года, очень медленно, а с 1830 года все быстрее. Совершенно здоровым было и пробудившееся тогда желание национального единства и национальной державы, поначалу связанное еще с наследием эпохи Гёте в рамках того синтеза классического либерализма, о котором мы уже говорили. Позднее уникальные события, решения и поступки смещали центр тяжести в этом синтезе, в программах национальной буржуазии в сторону земной, реальной, силовой политической составляющей; это наложило сильный отпечаток на характер объединительного проекта. Если бы удалось — скажем осторожнее, если бы вообще было возможным достичь национального

единства при помощи Франкфуртского национального собрания 1848/49 годов⁷⁵, — немецкое развитие в намного большей степени осуществлялось бы в рамках западноевропейского развития, чем это было в реальности. Идеи немецкого Национального союза 1859 года⁷⁶ еще демонстрируют тесную связь с западноевропейским либерализмом. Но руководство национальным объединением выпало из рук незащитных профессоров 1848 года и столь же незащитных писателей и экономистов 1859 года и оказалось в руках вооруженного юнкера — Отто фон Бисмарка. В результате этому объединению был придан специфически прусский, военный характер, о котором мы уже говорили выше. Возможно, иным путем вообще было невозможно достичь тесного единства Германии, защищаемого силой. Этот путь был возможен в таком виде в Германии и более нигде. Мы могли хвалиться тем, что достигли единства уникальным немецким способом, а не по западноевропейским рецептам. Но решающее отклонение от западноевропейских либеральных идей в итоге состоялось. Известно, что кронпринц Фридрих Вильгельм и в еще большей степени его английская супруга

с тоской смотрели на происходящее⁷⁷. И Буркхардт, и Константин Франц, и Планк понимали, что 1866 год стал поистине судьбоносным и для Германии, и для Европы, причем в намного более глубоком смысле, чем мы считали до эпохи мировых войн.

Повторим: речь идет не об обвинении, а об осознании. Объединение Германии Бисмарком является достижением исторического масштаба, и среди наших самых дорогих воспоминаний остается то воодушевление, с которым мы восприняли его в молодые годы. Но сегодня мы должны признать, что увлеклись блеском этого свершения и обращали слишком мало внимания на скрытые темные стороны, делавшие творение смертным и предвещавшие несчастья. Объединение оставило прусскому милитаризму слишком много свободного пространства, а вместе с ним — и тому опасному менталитету прусского самодовольства, который появлялся и развивался у правителей рейха и в рядах буржуазии. Путь к массовому макиавеллизму в Германии стал еще шире, разрыв с эпохой Гёте и характерным для нее гуманистическим идеалом — неожиданно большим. Тонко чувствовавший происходящее

Карл Хиллебранд⁷⁸ писал в семидесятые годы: когда мы сегодня читаем письма и дневники эпохи Гёте, то кажется, что нас отделяют от них не десятилетия, а века.

Тем не менее, несмотря на сопровождавшие становление новой конструкции разрывы и метания (Культуркампф, социал-демократия)⁷⁹, у вожаков и ведóмых оставалась еще большая доля здорового равновесия сил, много творческой жизненной энергии, так что о полном вырождении нельзя говорить вплоть до начала Первой мировой войны. Если бы осторожность и мудрая умеренность Бисмарка в европейской и мировой политике практиковались его преемниками⁸⁰, мы могли бы преодолеть опасную зону империалистической эпохи без потерь, а возможно, приступить к разрешению наших внутренних проблем.

8. СЛУЧАЙНОЕ И ЗАКОНОМЕРНОЕ

В своей биографии Винкельмана⁸¹ Юсти⁸² написал: случай играет большую роль в истории, куда бóльшую, чем воображают себе господа философы истории. Случаем можно назвать то, что происходит не из общей, господствующей необходимости, а из уникального и временного сочетания причин или однократного неожиданного вторжения чужеродного фактора в ход исторических событий. Продолжая тему прошлой главы, мы можем задаться вопросом, нельзя ли назвать Вильгельма II⁸³ несчастным случаем в немецкой истории. Окажись на его месте иной, пусть даже посредственный правитель, больше соответствующий трезвомыслящему типу Гогенцоллернов, и все могло быть иначе и лучше. Этого нельзя отрицать, но необходимо сразу же оглянуться на то закономерное, что стоит позади случайной фигуры Вильгельма II. Именно тенденции к вырождению в немецкой буржуазии и в народе, неотъемлемые недостатки

прусского милитаризма, о которых мы уже говорили, воплотились в личности Вильгельма II. Кто сможет с абсолютной точностью отделить друг от друга индивидуально-случайное и общее, закономерное, поднимающееся из глубин народной жизни?

Сочетание двух названных начал может принимать бесчисленные формы. Иногда они расходятся (но никогда не полностью), иногда сливаются воедино. То один фактор сильнее, то другой. Временами кажется, что ход событий настолько обусловлен закономерностью, что индивидуальному вообще нет места. Однако затем личность с яростной энергией вмешивается в происходящее. Во всем, что мы называем случаем, есть частица закономерного, во всем закономерном — нечто случайное. Ход Первой мировой войны, крушение 1918 года и возведение временных конструкций Веймарской республики — во всем этом доминируют общие силы. В большинстве случаев каждый отдельный человек, действовавший на этой сцене, мог быть заменен другим, которому пришлось бы действовать аналогичным образом. Однако личность Гитлера оказала чудовищное воздействие на целое, и это целое, сильно увеличившись, становится почти что его

личным творением. Закономерными были ярость, отчаяние и зачастую дикая энергия, волны которых уже поднимались во всех недовольных Веймарской конструкцией слоях населения, когда Гитлер появился на сцене. Требовались и различные мишени общего характера, на которые он мог бы указать и которые заставляли кипеть кровь у его сторонников. К их числу относились Версальский мир и созданная им ситуация, еврейский вопрос, наконец, экономический кризис и безработица конца двадцатых годов. Без наличия трех этих комплексов невозможно вообразить себе то влияние, которое приобрел Гитлер. В спокойные времена человек с тяжелыми психопатическими наклонностями, неудавшийся художник с пламенным честолюбием и склонный к ресентименту влачил бы трудное существование на обочине истории. Однако слетевшая с катушек эпоха вызвала на историческую арену слетевшую с катушек личность, в результате чего обе они начали ужасающим образом формироваться.

Здесь не требуется, да мне и совершенно не хочется более пространно описывать характер пресловутого деятеля. Приведу лишь два замечания, услышанных мной из других уст, поскольку

они затрагивают центральный вопрос, касающийся его места в немецкой истории. «Этот человек, — поделился со мной однажды Отто Хинце⁸⁴, — собственно, не нашей расы⁸⁵. В нем есть нечто чужеродное, нечто от давно вымершей древней расы, совершенно аморальной по своей сути». А генерал-полковник Бек — тот самый, который поплатился жизнью за попытку освободить нас от Гитлера 20 июля 1944 года, — сказал мне в одной беседе задолго до упомянутого события: «У этого человека нет Отечества». Обе фразы передают верное впечатление: несмотря на теснейшую связь Гитлера с немецкой историей его эпохи, в его личности и деятельности было нечто совершенно уникальное, чуждое нам, непонятное, глубоко эгоцентричное. Оно использовало историческую энергию и чаяния его немецких современников с чудовищной силой, однако не было внутренне связано ни с этой энергией, ни с этими чаяниями. Известно, что аналогичные соображения высказывались о Наполеоне I, и при изучении самых могущественных властителей мировой истории мы вообще часто сталкиваемся с загадочными глубинами, где теряется и распадается естественная связь между личностью и окружающим миром.

Как бы то ни было, конец жизни Гитлера демонстрирует, что в решающий момент он больше не думал ни о благе немецкого народа, ни о спасении того, что еще не было разрушено. Гитлеру приписывают слова: «Если мне суждено погибнуть, пусть погибнет и немецкий народ». Действовал он соответствующим образом. Более достоверным я считаю другое высказывание, произнесенное в кругу его приближенных и переданное мне весной 1944 года: «Если Провидение откажет мне в победе, я позабочусь о том, чтобы немецкий народ не пережил этого позора».

Таким образом, существовал глубинный раскол между демонической личностью и окружающим миром, который он покорил и подверг насилию. Гитлер был способен собрать вокруг себя преданный ему кружок отчаянных и беспринципных авантюристов и рыцарей удачи, которые, имея во главе столь экстраординарную натуру, могли надеяться на большие успехи. Он смог очаровать широкие слои немецкого народа, заставив их поверить, что в его лице они встретили исполнителя идеалистических желаний, некоторые сказали бы — пророка новой религии. Но сомнения в истинности того, что

он провозглашал идеалистическим желанием, пробудились при взгляде на его глубоко эгоцентричную сущность. Обожествление и возвышение собственной расы, ставшее центром его учения, не носит характера идеалистического, наполняющего всю душу желанием, что бы ни говорилось об этом пламенными словами в «Моей борьбе». Речь идет о чудовищно эффективном инструменте власти, который можно отбросить, если обнаружится более эффективное средство или если его применение покажется неуместным. Если бы он действительно искренне верил во всемирную миссию нордической расы, то не смог бы заключить союз с Японией, который изъял у нордической расы Восточную Азию и передал ее чужеродной расе, считавшейся менее ценной.

Таким образом, представляется, что озвученные Гитлером убеждения не проистекали из глубокой духовной необходимости. Они могли бы оказаться другими, а сам он мог бы стать успешным демагогом, впечатляющим весь мир. Мы не собираемся объявлять его просто расчетливым оппортунистом — хотя он мог успешно изображать такового и проявлять глубокую, убийственную хитрость. Однако в его расовой догме,

сформировавшейся в перегретой атмосфере австрийского антисемитизма, присутствовала и элементарная страсть. Его ненависть к евреям была столь же искренней и всепоглощающей, сколь и чудовищной. Возможно, он впервые полностью освободился от моральных ограничений по отношению к евреям, каких увидел на востоке⁸⁶, и именно тогда начал мыслить аморально. Этот чисто инстинктивный элемент его характера почти нераздельно слился с расчетливым элементом в горниле дикого энтузиазма. Последний, как мы уже говорили, был сродни тому энтузиазму полуобразованных людей, которые, будучи воспитанными в совершенно техническом, рациональном ключе, внезапно ударяются в некритические фантазии. Однако энтузиазм Гитлера оказался с самого начала гораздо сильнее ориентирован на собственное Я, собственную всемирную миссию. Один старый генерал как-то сказал мне: «О том, кем он является, можно судить по тому, каких людей он избрал себе в помощники: это либо мерзавцы, либо дураки». У Гитлера оба этих сорта объединились.

Его символ веры, его так называемое мировоззрение могло бы, на наш взгляд, оказаться иным, и все же он смог бы стать мощным

и энергичным актором, эксплуатирующим свою историческую ситуацию и свой народ. Таким образом, здесь неотъемлемо присутствует нечто личное и случайное. Разве применительно к огромному успеху Гитлера нельзя задаться вопросом о том, объяснялся ли он полностью общими причинами и не внес ли свой вклад губительный для Германии случай? При чем случай, сыгравший свою роль в решающие моменты, во время восхождения Гитлера к власти в период с 1930 по 1933 год? Слишком легко отбросить этот вопрос и с мрачным фатализмом объявлять постигшее Германию несчастье ее неизбежной судьбой. Да и мы постарались изучить прошлое Германии на предмет событий и процессов, готовивших почву для гитлеризма. Однако тот факт, что на более или менее свободных парламентских выборах 1932/33 года сторонники Гитлера никогда не составляли большинства, что во время вторых выборов 1932 года их число даже заметно уменьшилось (с 13,7 до 11,7 миллиона), не позволяет просто отбросить вопрос о том, не помог ли демонический случай отчаянному игроку и авантюристу Гитлеру достичь успеха и оказаться на должности канцлера.

Я расскажу некоторые вещи, которые услышал из уст известного человека, одного из бывших предводителей Немецкой национальной народной партии⁸⁷. В узком кругу я произнес пару слов о проблеме случайности в истории, и тогда он подошел ко мне и сказал: «Ваши слова заставили меня вспомнить о 30 июня 1930 года. В тот день состоялось решающее совещание Немецкой национальной народной партии по вопросу о парламентской поддержке правительства Брюнинга. Я вместе с моими друзьями был за то, чтобы оказать поддержку, Гугенберг⁸⁸ и его свита — против. Совершенно случайно пара моих друзей не присутствовала на заседании. Если бы они пришли, голосование завершилось бы в пользу Брюнинга — и дальнейший ход событий мог быть другим (то есть неблагоприятным для Гитлера. — Ф. М.)». Однако победил Гугенберг, который повел свою партию навстречу глупому союзу с Гитлером. Последний, опираясь на этот союз, мог представить себя президенту Гинденбургу в качестве вождя настоящего большинства, состоявшего из двух больших партий.

И здесь мы можем видеть, как случайное связано с закономерным. Роковое решение 1930 года,

сделавшее Немецкую национальную народную партию соратницей Гитлера, стало возможным не в результате случайной комбинации при голосовании 30 июня, а ввиду большого влияния, которое Гугенберг на протяжении многих лет оказывал на партию, будучи крупным спонсором, хозяином правой прессы и искусным интриганом. С самого начала, с 1919 года, его партия бурлила сильнейшим ресентиментом против Веймарской республики, социал-демократии и профсоюзов. Объединившиеся в рядах Немецкой национальной народной партии реакционеры, аграрии, крупная буржуазия и крупная промышленность были полны решимости не реформировать Веймарскую систему — как того хотел Брюнинг, — а саботировать ее. Умеренные силы, попытавшиеся после случайной неудачи 30 июня 1930 года создать новую, дружественную Брюнингу партию «народных консерваторов», не смогли ничего поделать с мощным влиянием, которое Гугенберг через свою прессу оказывал на националистических избирателей. Гугенберг и Гитлер, заключая союз, надеялись, что один из них сможет обвести другого вокруг пальца и обеспечить финальную победу собственной партии. Позднее Гугенберг оказался

жестоко наказан за свою слепоту в отношении гитлеровской опасности: после одержанной в 1933 году совместной победы Гитлер просто отбросил его и его партию. Мавр сделал свое дело, мавр мог уходить.

Весной 1934 года я встретился с Брюнингом в узком кругу — до того, как он бежал за границу, спасаясь от гитлеровских ищеек и убийц. Я сказал ему: «Участь Германии — оказаться под властью Гитлера — зависела в первую очередь от решений двух людей: Гугенберга и Гинденбурга». «Именно так», — ответил он, знавший о происходившем намного больше моего и не склонный приписывать личностям слишком многое.

Мы подошли к участию Гинденбурга в захвате власти Гитлером и продолжим то, что уже говорилось в главе, посвященной милитаризму. Чтобы сделать наши аргументы более убедительными, откажемся от строго хронологического порядка изложения.

В полдень 30 января 1933 года, спустя час после свершившегося события, по всем телефонам Большого Берлина разносилась новость о том, что президент только что подписал указ о назначении Гитлера имперским канцлером. Узнав об этом, я не только потрясенно сказал себе, что

для Германии наступил несчастнейший день, но и произнес с полной уверенностью: «В этом не было нужды». Не существовало той давящей политической, исторической необходимости, какая привела, например, к свержению Вильгельма II осенью 1918 года. Здесь не что-то закономерное, а лишь случайность — слабость Гинденбурга — сыграла решающую роль.

Я знаю, что с этим мнением будут спорить. А поскольку речь идет о ключевой проблеме в истории гибели бисмарковской империи, она еще много лет спустя будет завораживать мыслящих людей. Вопрос о том, можно ли было избежать назначения Гитлера, не является бессмысленным, как могла бы счесть банальная философия истории. Потому что в зависимости от ответа перед нами предстает та или иная картина общего духовного и политического состояния немецкого народа — дающая надежду или безнадеежная. Если дать на этот вопрос отрицательный ответ или доказать, что Гитлер наверняка пришел бы к власти пусть не этим, так другим путем, это представит моральную стойкость немцев в самом худшем свете. Отравление, которое народ получил в результате гитлеровского правления,

все частные слабости и недостатки, о которых мы уже упоминали и которые предшествовали отравлению, предстанут неизлечимыми. Если все должно было свершиться так, как свершилось, то нынешняя ужасная катастрофа, ставшая одновременно плодом и концом гитлеризма, способна сломить волю к дальнейшей жизни и деятельности. Такой мрачный фатализм способен сковать энергию тех, кто должен действовать. Такова практическая сторона проблемы. Ее теоретическая сторона, однако, требует, чтобы мы не упускали из виду фактор свободы, то есть возможность действовать иначе, чем было в реальности. Если мы признаем существование такой возможности, если допустим, что приход Гитлера к власти можно было успешно предотвратить, то тем самым уменьшим и долю вины немецкого народа в этих событиях. Теперь следует поискать аргументы, на которые могла бы опереться такая концепция.

Частично мы уже упоминали эти аргументы в другом контексте. Несмотря на все симпатии к Гитлеру, рейхсвер, вероятно, последовал бы призыву Гинденбурга — этого почитаемого идола немецких солдат — отразить попытку партии

взять власть силовым путем. Однако дело бы до этого не дошло, поскольку «шупо» — полиция безопасности — сама по себе имела достаточно средств для того, чтобы успешно бороться как с нацистами, так и с коммунистами, которые одновременно развили бурную активность. Нацисты сильно преувеличивали коммунистическую угрозу, чтобы привлечь к себе буржуазию и правящие круги и предстать в роли спасителей буржуазного порядка. Что касалось популярности национал-социалистического движения у народных масс, то она падала, как показывают уже приведенные результаты двух выборов в рейхстаг 1932 года. Признаем, падение небольшое. Однако исчез волшебный образ растущей неудержимой лавины. Признания Геббельса позволяют сделать вывод о том, что руководство партии в январе 1933 года было охвачено сильной депрессией. Кажется, они считали игру проигранной. Сосредоточив все свое демагогическое искусство, они участвовали в выборах ландтага Детмольд-Липпе и добились единичной победы (на выборах в рейхстаг 31 июля они получили 42 тысячи голосов, 6 ноября — 32 тысячи, на выборах в ландтаг 15 января — 39 тысяч). Это

был успех ради престижа, напоминавший сосредоточение тяжелой артиллерии для атаки на одну-единственную деревню. Я уже тогда говорил об этом в статье, появившейся в демократической прессе за два дня до пожара рейхстага. Это были последние более или менее свободные слова, которые еще можно было себе позволить до начала террора, заткнувшего рот нам всем. Однако трезвомыслящий и полный решимости одолеть смертельную угрозу государственный муж не позволил бы ввести себя в заблуждение единичным успехом нацистов. Окружение Гинденбурга, разумеется, сделало все от них зависящее для того, чтобы внушить упиравшемуся старому господину мысль о несломленной мощи движения.

Мы должны еще немного углубиться в прошлое в поисках ответа на вопрос, было ли неизбежным назначение Гитлера канцлером. Ужасная безработица тех лет стала главным испытанием, которое бросало отчаявшихся людей в объятия гитлеровского движения. Ее причиной, однако, являлся многолетний мировой экономический кризис, и здесь в 1932 году появились первые небольшие признаки улучшения ситуации.

Вспоминаю беседу, которую вел осенью 1932 года с одним бывшим министром экономики; канцлером на тот момент еще оставался Папен, склонный к экспериментам преемник Брюнинга. Кажется, первые его шаги увенчались успехом. «А еще, — заметил мой собеседник, — Папену повезет в том, что при нем заканчивается мировой экономический кризис».

Падение Брюнинга и назначение Папена 1 июня 1932 года стали первыми опасными уступками гитлеризму. В лице министров из кабинета Брюнинга со сцены сошли люди, которые боролись против Гитлера, сознавая, что он представляет собой смертельную угрозу для Германии. Была ли их борьба столь безнадежна, что логичным выглядит решение Гинденбурга прервать ее и попытаться сделать шаги навстречу гитлеровской партии? Ни в коем случае. Незадолго до этого выборы президента (10 апреля 1932 года) увенчались явной победой Гинденбурга; Гинденбург получил более 19 миллионов, или 53% голосов, Гитлер — более 13 миллионов, или 36,8%, оставшиеся достались коммунисту Тельману. Таким образом, в обществе существовало солидное большинство, готовое к сопротивлению

нацистам, которое можно было бы подбодрить и организовать «сверху». Правительству Брюнинга следовало бы не просто бороться с Гитлером репрессивными методами, а позитивными достижениями исцелять недовольство и отчаяние масс, питавшие гитлеровское движение. И такие меры как раз готовились в тот момент, когда сверкнула молния и Брюнинг был отправлен в отставку. Настоятельно необходимы были усилия по обеспечению занятости; следовало выделить для этого большой кредит. Ранее на пути подобных мер стояли опасения за стабильность валюты и желание не допустить новой инфляции. Однако весной 1932 года Брюнинг все же решил рискнуть; министр юстиции Йоль, весьма примечательная личность, рассказывал мне об этом позднее. План Брюнинга заключался в том, чтобы выделить почти миллиард (800 миллионов) марок на трудоустройство безработных, но сперва дожидаться, пока появятся первые признаки окончания мирового экономического кризиса и тяжелый груз репараций окажется сброшен⁸⁹. Если бы кредиты были выданы экономике раньше, это легко могло бы привести к инфляции и потому напоминало бы швыряние

денег в окно. И да, как мы уже видели, первые признаки отступления кризиса появились в течение 1932 года. При этом самому Брюнингу удалось добиться решающего благоприятного поворота на репарационных переговорах с державами-победительницами. Папен лишь пожал то, что посеял Брюнинг, когда после отставки своего преемника 9 июля 1932 года заключил Лозаннское соглашение и в значительной степени избавился от тяжкого репарационного груза, постоянно угрожавшего международному кредиту Германии.

Следовало бы и дальше выбивать почву из-под ног партии Гитлера, объявившей себя единственно способной добиться выполнения больших национальных требований Германии. Это было бы нелегко для Брюнинга, ощущавшего свою ответственность и поэтому не готового играть ва-банк, как это делал впоследствии Гитлер. Державам-победительницам следовало бы понять эту ситуацию и весомыми уступками укрепить позицию Брюнинга в стране, чтобы отвести ту угрозу миру, которую создавал захват власти Гитлером. В то же время вполне понятно, что их сдерживало недоверие: не станет ли Гитлер

выгодоприобретателем от этих шагов? Как бы то ни было, они все же пошли на решающую уступку в репарационном вопросе. И мы уже знаем, что они готовились согласиться на восстановление в Германии всеобщей призывной системы. У Грёнера имелись и дальнейшие планы. В созданных Гитлером молодежных партийных структурах присутствовала педагогическая мысль — удовлетворить естественные потребности юношей с помощью мероприятий, укрепляющих их физически и духовно. Эту функцию Грёнер планировал забрать у СА и гитлерюгенда, передав ее «Стаальному шлему»⁹⁰ и тем самым переманив последний в лагерь противников Гитлера.

Однако не были ли все позитивные изменения слишком медленными, лишенными того большого волевого подъема, которого требовали страдающие и взволнованные люди (включая энергичную молодежь), прислушивавшиеся к пламенным речам Гитлера? Уже в те дни многие задавали этот вопрос — одни со страхом, другие с удовлетворением — и сомневались в способности Брюнинга и Грёнера решить поставленную задачу. Я уже говорил о том, что здоровье

Грёнера было подорвано. Однако, насколько я могу судить, у обоих хватало твердой воли удерживать руль среди шторма. Благоприятный исход президентских выборов 1932 года давал им прочную опору для дальнейшей борьбы. Когда я вскоре после этого принимал Грёнера в своем доме и выразил уверенность в победоносном продолжении борьбы, он ответил слегка приглушенным голосом: «Да, если я и дальше сохраню доверие президента». После своей отставки он однажды сказал мне: «Мы с Брюнингом хотели этого, но старый господин не хотел».

Это был решающий момент. Брюнинг и Грёнер могли поначалу проповедовать своим соотечественникам лишь разум и терпение, оставляя неудовлетворенной питаемую Гитлером фантазию людей, пока политике не удалось достичь ощутимых успехов. Однако разум и терпение государственного мужа, соединенные с упорством, не раз в истории одерживали верх над иррациональной силой народных страстей, направленных по ложному пути.

В результате Брюнинг и Грёнер были насильственно отстранены от борьбы за условия жизни немецкого народа — не слишком блестящей

внешне, но трудной и требующей большого терпения, — от опирающихся на значительное большинство народа оборонительных боев против надвигающегося необозримого несчастья. Гинденбург положил конец их работе и поставил у руля государства авантюриста и интригана. В те дни Гинденбурга обвиняли еще и в том, что он проявил по отношению к Брюнингу величайшую неблагодарность. Ведь канцлер, относившийся к президенту с глубочайшим почтением, во время недавних выборов использовал ради него все имевшиеся в распоряжении правительства рычаги влияния. Избиратели Гинденбурга были обмануты в своих ожиданиях, даже принесенные некоторыми из них жертвы оказались напрасными. Ведь социал-демократические рабочие, в едином строю голосовавшие за Гинденбурга, лишь скрепя сердце доверились прусскому генерал-фельдмаршалу. Однако высшая и чистая необходимость требовала от рабочих голосовать за Гинденбурга; только такая же необходимость могла бы оправдать неблагодарность президента по отношению к Брюнингу. Но насколько жалкими были идеи, которые внушались слабому старику! На первом месте стояла иллюзия

национальной ценности гитлеровского движения, слепота относительно его преступного элемента, очевидного уже тогда всякому, кто имел глаза. Далее стоит обратить внимание на те настроения и надежды в рядах армии, о которых мы говорили, а это все были идеи прусского, фридриховского происхождения, пусть даже наполненные духовной узостью и ведомственной близорукостью. Однако особенную печаль вызывают еще два мотива, которые Гинденбург, видимо, использовал для того, чтобы обосновать свое недовольство работой Брюнинга. О них мне рассказывал в те дни заслуживающий доверия источник. Во время последней (или предпоследней) аудиенции, которую Брюнинг получил у Гинденбурга, канцлер первым делом потребовал у президента расширения своих полномочий, чтобы иметь возможность действовать энергично. В ответ Гинденбург прочел по заранее подготовленной бумажке встречные требования: 1) ориентировать политический курс вправо, 2) покончить с деятельностью профсоюзных секретарей, 3) покончить с «аграрным большевизмом». Второй пункт означал разрыв с социал-демократическим рабочим классом, тем

самым слоем населения, который решительнее всего вел борьбу против Гитлера и за Веймарскую конституцию. Третий пункт касался законопроекта о разделе на земельные участки тех восточнопрусских поместий, которые ввиду огромного долгового бремени было уже не спасти. Этот проект беспокоил восточнопрусских помещиков — соседей Гинденбурга. С точки зрения исторического знания было бы крайне желательно, чтобы все эти процессы и личности, их направлявшие, получили должное освещение. Я сам не могу умолчать о подобных вещах, поскольку уже в те дни о них рассказывали в сведущих кругах, причем с такими подробностями, которые я не рискну озвучить. Сомневаться в твердости характера Гинденбурга не приходится; однако атмосфера вокруг него была спертой и мрачной, а его собственные политические суждения не отличались глубиной.

Все мы, с доверием отдавшие ему голоса на президентских выборах, оказались в итоге разочарованы. Мы сочли его позицию после катастрофы 1918 года, когда он протянул руку Эберту⁹¹, и его корректные с точки зрения конституции действия после 1925 года признаком того, что

имеем дело с настоящим государственным мужем, способным расти над собой. Теперь вставал вопрос, не проще ли объяснить все одной приписываемой ему чертой характера — «позволял с достоинством двигать себя в нужном направлении».

Именно его решения — отправить в отставку Брюнинга и назначить Гитлера — в первую очередь привели Германию на путь, ведущий к катастрофе. Случайность по имени Гинденбург оказывается таким образом среди общих причин, толкавших Германию по этому пути, и служит мрачным предупреждением о последней неразрешимой загадке мировой истории.

9. ОБ ОТСУТСТВИИ ПОЗИТИВНОГО В ГИТЛЕРИЗМЕ

Мы считали тогда и считаем сейчас, что немецкий народ под руководством такого человека, как Брюнинг, был вполне в состоянии пережить тяжелый экономический и духовный кризис и избежать губительного эксперимента Третьего рейха. Интересы милитаристов, крупных промышленников и крупных аграриев, тесно переплетаясь друг с другом и совместно воздействуя на Гинденбурга, привели к падению Брюнинга. Но встает вопрос о том, был ли этот эксперимент с самого начала столь губительным, как демонстрирует его жалкий конец. Не являлся ли он в конечном счете плодом исторической необходимости, которую можно назвать трагической, поскольку она привела к катастрофе, но которая произвела на свет плодотворные идеи, представлявшие собой нечто большее, чем просто средство борьбы за власть? Идеи, которые сохраняются и после гибели своих носителей, оставшись в качестве исторических воспоминаний

или продолжив свое существование в новых попытках воплощения?

Вопрос о том, принес ли «тысячелетний рейх» пусть не целому тысячелетию, как он о том мечтал, но хотя бы нашему веку что-нибудь годное, занимал под впечатлением от прошедших двенадцати лет умы многих даже критически настроенных людей. Множество конъюнктурщиков, участвовавших в названном эксперименте, были готовы ответить на этот вопрос утвердительно. Однако существовал и политико-исторический долг: критически оценивать собственную личность и идеалы, по возможности беспристрастно проверив новые предложенные нам идеи. Конечно, нельзя было забывать о сонме дьявольских инструментов, принесенных вместе с ними. Однако назовите хоть одну великую, преобразующую бытие идею, которую Сатана не попытался бы использовать в своих целях! Нам представляется отвратительной уже предпринятая однажды попытка создания тысячелетнего рейха — царства анабаптистов в Мюнстере 1535 года⁹². Однако само по себе анабаптистское движение содержит весьма плодотворные религиозные и мировоззренческие семена.

Вспомним о сказанном в начале этой книги — о том давлении, которое растущие народные массы оказывали в Германии и всей Европе на все стороны бытия, о двух возникших в результате волнах XIX и XX столетия — национальном и социалистическом движениях, пересекавшихся, взаимодействовавших и в конечном счете пытавшихся объединиться друг с другом. Если бы это объединение удалось, результатом могли бы стать новые, неожиданные жизненные формы. Благодаря творческой воле Фридриха Наумана была предпринята первая основательная попытка такого объединения. Она провалилась, поскольку идеалистические предпосылки разбились о грубый менталитет и эгоизм борющихся друг с другом партий и слоев. Но попытка Наумана возымела продолжение в Веймарской республике, которой сам Науман, оставшись верен себе, посвятил последние силы. Его идеи закрепились в той временной конструкции, на которой лежал тяжкий груз Версальского мира. К этому добавлялось разочаровывающее зрелище бесплодно разраставшегося парламентаризма и второстепенных боев за власть при формировании каждого нового правительства, а также

коррупционных скандалов, размер которых, разумеется, сильно преувеличивался гитлеровской пропагандой. Брюнинг был на пути к тому, чтобы расширить полномочия президента и создать опору для сильной власти. Однако его успех в этом деле лишь помог его собственному падению. Ведь в прежние годы Гинденбург вряд ли бы решился отправить в отставку канцлера, которому не противостояло парламентское большинство. Казалось, что Гитлер предлагает куда более сильные лекарства для исцеления страданий и недостатков своей эпохи. Витавшая в воздухе великая идея объединения национального и социалистического движений, вне всякого сомнения, была им убедительно подхвачена и решительно использована.

Он заявлял о желании преодолеть и буржуазный, классово эгоистический национализм своих покровителей и спонсоров из числа крупных промышленников, и подвергавшийся его намеренно острым нападкам марксизм русских большевиков, предрекавший гибель буржуазии. Он ухватился за мысль о том, что создание нового плодотворного народного сообщества не может стать результатом полной победы одной из сражающихся друг с другом социальных сил,

что естественные структуры общества не могут быть просто уничтожены, что их следует изменять и воспитывать таким образом, чтобы поставить на службу объединяющему целому. Таким образом, проект Гитлера обещал сохранить больше преемственности с традициями и ценностями прежней буржуазной культуры, чем радикально новая конструкция большевизма. В то же время он собирался наполнить рабочий класс гордым самосознанием своей продуктивной функции, тем самым избавив от комплексов неполноценности, уходивших корнями в начальную фазу классовой борьбы. Та же мысль — возвращать особую профессиональную гордость и в то же время включать во всеохватывающее целое — касалась и крестьянства. Для обоих названных слоев населения не было недостатка в приманках — праздниках, торжествах и развлечениях.

Либеральная эра XIX века, хотя и имела непреходящие заслуги в деле пробуждения индивидуальной энергии, слишком очевидно предоставило общество самому себе и позволило ослабнуть старым этическим связкам в лице семьи, традиции, сословного духа и т. д., не думая о создании новых связей. Возникла опасность, что общество станет аморфным. Молодежь росла в некотором

роде одичавшей, и отмена призывной системы после Версальского мира уменьшила воспитательное воздействие государства на новое поколение. Здесь гитлеровское государство тоже энергично вмешалось и еще до восстановления всеобщего призыва создало молодежные организации, призванные дать всему молодому поколению единое мировоззрение и одновременно удовлетворить естественные порывы юности.

Все эти новые конструкции основывались одновременно на романтике и технике. Все было спроектировано с просчитанной рациональностью ради того, чтобы заставить всех служить новому государству и не допускать никаких отклонений. С человеком обращались как с пластичным материалом, с камушками и песчинками, из которых делают бетонные стены. Это означало, что для достижения цели использовалась не настоящая романтика: ведь последняя по сути своей иррациональна, она знает и хочет соединения каждого с общим, народным духом, но стремится к этому при помощи иррациональных духовных сил сердца и фантазии, приветствуя известную меру индивидуальности. Призывы чтить традиции и старые обычаи, внезапный

расцвет исследований истории семьи и предков — все это выглядело довольно романтично. Однако справка о предках, которую можно было получить, являлась лишь тщательно рассчитанным средством борьбы с евреями, дискриминации потомков смешанных браков, сохранения чистоты нордической расы⁹³. На примере союза, заключенного Гитлером с Японией, мы уже видели, что об этой нордической расе легко забывали и пренебрегали ею, когда речь шла о борьбе за власть над миром. Внутри нордической расы собственный народ был особенно выделен и романтизирован идеями «фёлькише». Однако даже здесь, где в первую очередь следовало бы искать истинное, пусть и безмерно преувеличенное чувство, начинаешь сомневаться в его наличии, услышав о практиках, распространенных в Вартегау⁹⁴. Поляки, внешне выглядевшие и способные вести себя как германцы, после соответствующего переучивания и испытательного срока могли быть приняты в состав немецкого народа. Расово пригодные элементы русского народа Гитлер хотел привезти в Германию, воспитать и выдрессировать в немецком духе⁹⁵. Невольно вспоминаешь о янычарах в старой Турции! Конечно, с точки

зрения откровенной и бессердечной силовой политики это были вполне практичные решения.

Возможно, несмотря на все вышесказанное, кто-то подумает, что идеи «фёлькише» переживут гибель Гитлера. Однако нужно различать две стороны явления, известного под именем «фёлькише»: мирную и боевую, «фёлькише» чисто внутренней культуры и «фёлькише» политики; «фёлькише», стремящееся к обороне или к агрессивному распространению своей власти; «фёлькише» внутригерманское и приграничное; «фёлькише» истинной романтики и «фёлькише», для которого романтика является оружием в борьбе, то есть средством для достижения цели, то есть легко становится ложной романтикой, как мы только что видели на примере гитлеризма. Истинно мирное, культурное и немецкое «фёлькише» первым проповедовал Гердер⁹⁶, а позднее Якоб Гримм раскрыл его перед нами с подлинной романтикой и чудесной поэтичностью. Надеюсь, оно будет продолжать жить в нас ради нашего блага, ибо не Гитлер принес его нам. Та приграничная, боевая форма «фёлькише», которую он использовал, даже не представляет собой чего-то специфически немецкого.

Она является общим творением всех национальностей, живущих в восточноевропейском пограничье и наступающих на ноги друг другу. Всякая нация, действительно находящаяся в угнетенном положении, с глубочайшим на то правом начинает защищаться и считать свое право на самоопределение священным. Однако в Восточной Европе средства и последствия этой борьбы заметно отличаются от того, что мы можем видеть в других регионах (исключая, возможно, Ирландию): в Западной Европе, в Швейцарии, Бельгии, в отношениях Уэльса с Англией. В Восточной Европе борьба ведется более ожесточенно и непримиримо, и результатом ее становится «балканизация» — национальные противоречия оказываются прочными и неизменными до тех пор, пока не удастся полностью уничтожить противника; именно такая судьба грозит нам теперь на востоке. Ужасное изгнание немцев из тех районов, которые еще в Средневековье приобрели немецкий характер⁹⁷, к сожалению, происходит не без нашей вины. Оно стало ответом на ту борьбу за завоевание Востока, которую Гитлер вознамерился вести в больших масштабах и в которую втравил всех нас, напав в 1941 году на

Россию. Идеи германского приграничья, с помощью которых он проводил эту политику, не принесли нам ничего хорошего. Отметим: мы не возражаем против защиты немецкого приграничья, более того, считаем ее священным долгом. Но то, как велась эта борьба на востоке, стало нашим несчастьем. Вспомним вновь слова Грильпарцера, произнесенные им при взгляде на Восток: «Гуманизм — нация — зверство».

*

Если задаться целью найти хоть что-нибудь, что можно было бы назвать «позитивным» в деятельности Гитлера, то может возникнуть иллюзия ее соответствия большим объективным идеям и потребностям нашего времени. Вероятно, при желании к этому можно было бы добавить еще несколько пунктов и так создать красивую витрину, демонстрирующую наблюдателю набор качественных, ценных товаров — но без всякой гарантии, что он сможет их приобрести. Потому что внутри магазина темнота, в глубине таится мрачная пропасть, в которую беззаботный покупатель легко может рухнуть. Каждое творение

Третьего рейха, пусть даже безвредное само по себе, скрывало такую волю к власти — гигантскую по своему размеру и бездушную по содержанию, — равную которой мы можем встретить разве что у якобинцев 1793 года и средневековых монгольских князей-завоевателей. Любой фанатизм иссушает душу, а слово «фанатичный» стало излюбленной характеристикой, которую Гитлер давал всем своим действиям. Целью этого фанатизма была власть как таковая; все идеалистическое или казавшееся таковым являлось лишь искусно применяемым средством. Жажда власти как таковой — значит поставить в центр всей жизни самого себя. У Гитлера это привело к фанатичному культу собственной личности, к непоколебимой вере в собственное призвание, дарованное тем, что он эгоцентрично называл Провидением. Здесь можно обнаружить оттенок так называемого пророческого характера. Говорят, что во время первой встречи с Гитлером в Венеции весной 1934 года Муссолини произнес: «Я всего лишь государственный муж, а вы, сверх того, еще и пророк». Короткую характеристику, которую Якоб Буркхардт дал Мухаммеду в своих лекциях, можно почти дословно

применить к Гитлеру. Однако и этот пророческий элемент в нем не следует оценивать слишком высоко; его расовое безумие не являлось истинной религией, а лишь весьма эффективным инструментом власти, который можно было отложить там, где он казался неподходящим. Если исследовать корни его веры в собственное призвание, то следует скорее приписать ее ресентименту неудавшегося художника. У него не получилось стать знаменитым живописцем. Однако, обратившись после Первой мировой войны в Мюнхене к людям, потрясенным происходящими событиями, он осознал ту власть, которую приобретает над согражданами с помощью слов, путем зажигательных речей. Одному из мюнхенских профессоров, проводивших курсы для участников войны, запомнился солдат, который все время говорил, говорил и говорил. Это был Гитлер.

В его характере имелось слишком много банального эгоизма для того, чтобы он мог стать личностью всемирно-исторического значения. Безграничное тщеславие, безвкусное самолюбование, бессмысленная расточительность, с которой он даже в самом конце, цепляясь за остатки

собственной власти, тратил последние силы собственного народа, — слишком тяжкий груз, лежавший на его деятельности. В чем-то его можно сравнить с Наполеоном I, также обладавшим весьма обыденными и эгоистичными чертами характера. Однако вклад Наполеона в культурный процесс своего времени оказался существенным. Французский император был более рациональным правителем и оставил после себя позитивные творения, выдержавшие проверку историей. Гитлер же оставил нам одни руины.

10. ГИТЛЕРИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

Даже люди, критически настроенные по отношению к Гитлеру, могут нам возразить: разве не была оправданной его борьба против большевизма, желание спасти от него Германию и Европу? И если уж его постигла неудача, не была ли она похожа на судьбу некоторых исторических фигур, чьи большие проекты закончились трагически, но волнуют нас по сегодняшний день?

Здесь и сейчас нет возможности дать исчерпывающий ответ на эти вопросы, которые нам самим кажутся сомнительными и некорректными. Мы знаем о сегодняшней России слишком мало для того, чтобы оценить масштаб угрозы, которую она могла бы для нас представлять. Жила ли еще там идея революционного завоевания мира? Или цели уже изменились, большевизм стал в известной степени национальным и занялся консолидацией огромной державы, стремясь поднять страну и народ на более высокую ступень экономического развития? Сегодня по

этим базовым проблемам мы можем высказывать лишь предположения. Известия и впечатления, которые мы получили от наших солдат или русских пленных, противоречивы. Но одно можно утверждать с некоторой определенностью: террор сам по себе не мог стать источником гигантского оборонительного и наступательного потенциала воевавших против нас масс русского народа. Из надежного источника мы слышали о неоднократных высказываниях русских военнопленных: «Мы все ощущаем себя братьями. Над нами нет эксплуататорского класса, мы работаем ради друг друга. Мы с готовностью умрем за свою Родину». Разве это просто внушенные им, заученные слова? Невозможно избавиться от впечатления, что русский народ вступил с нами в борьбу в состоянии гораздо большего внутреннего единства и национального самосознания, чем в царские времена. Да, тонкий буржуазный слой, существовавший тогда, уничтожен, но интеллектуальный уровень масс вырос. Русские усердно изучали технику и естественные науки. Разумеется, все сомнения относительно полного принятия русской системы в Германии, высказанные нами с позиции немецкого идеалистического и либерального

мировоззрения, остаются актуальными. Однако мы должны признать за русскими те же базовые права национального самоопределения, выбора своего бытия в соответствии с народным духом, каких требуем для себя.

Гитлер считал иначе. У нас сейчас то здесь, то там говорят, что им была предпринята титаническая попытка защитить Германию от грядущей чудовищной опасности. На это сразу же можно возразить, что он действовал с гигантским дилетантизмом. Он рассчитывал за восемь недель молниеносной войны разгромить огромную державу с малоизвестными глубинами и резервами так же, как он проделал это с Францией в 1940 году. Говорят, что его активно консультировал при этом норвежец Квислинг⁹⁸, изображавший из себя стратега и знатока России. И такая попытка была предпринята в ситуации, когда исход борьбы с другой мировой державой, Англией, был еще неясен, а третья из великих мировых держав уже заняла на заднем плане угрожающую позицию и поддерживала англичан! Наполеоновская кампания 1812 года с учетом более простых условий того времени была куда более рациональной, чем гитлеровская кампания

1941 года, претендовавшая на технический расчет. Мы имеем дело с одной из тех губительных ошибок, которые сегодня легко допускает технически ориентированный и одновременно склонный к гротескным фантазиям менталитет. Здесь можно вспомнить «план Шлиффена»: в обоих случаях современный homo faber переоценил свои возможности. Однако ошибочный расчет Гитлера имел еще более тяжкие последствия, чем ошибочный расчет Шлиффена.

Возражения можно продолжить. Верил ли сам Гитлер в собственные, часто повторяемые слова о том, что борьба с большевистской угрозой является центром его политики и войны против России? Заключенное в августе 1939 года соглашение с Россией, открывшее ей путь на запад — в Прибалтику, Финляндию, восточную Польшу — говорит совсем о другом. Можно было бы попытаться оправдать его с позиций реальной политики, в качестве «гибкого» маневра, позволившего выиграть время для разгрома Польши и западных держав, чтобы затем поквитаться с Россией. Возможно; однако «гибкий» деятель мог лелеять и другую мысль — совместно с Россией править миром до тех пор, пока не придет

время вышвырнуть партнера из «фирмы» и разгромить его. Судьба населения Прибалтики была для Гитлера сугубо второстепенным делом.

Нельзя сомневаться в том, что он хотел в конечном счете расправиться с Россией. Известна его соответствующая программа, отраженная в «Моей борьбе». Однако он, к собственной гибели, действовал вопреки своей ранней программе. Изначально он собирался вести борьбу против России, имея на западе мир, а по возможности даже союз с Англией. В 1941 году он повторил ключевую ошибку Первой мировой войны, сцепившись одновременно с русскими и англичанами. Однако цель внезапно начатой в 1941 году агрессивной войны против России была именно той, о которой говорилось в «Моей борьбе»: сделать Россию нашей колонией и использовать как пространство для расселения. По нашему убеждению, провозглашенный им крестовый поход против большевизма являлся лишь фасадом.

Еще до начала войны в 1939 году об этом было рассказано слушателям одного учебного курса в Тельце. Докладчик говорил о разработанном Дарре⁹⁹ «Законе о наследственных дворах»¹⁰⁰: «Сегодня его часто критикуют, и в сегодняшних условиях вполне справедливо. Но поймите, что

он был придуман для совершенно другой ситуации. Вспомните об Англии: триста лет назад она была островом, сегодня она — мировая империя. Сейчас дела делаются быстрее. Представьте себе германскую мировую империю вплоть до Урала — и в ней эффект закона о наследственных дворах!» Мой источник — большой хитрец — спросил докладчика: разве лежащая за Уралом Сибирь не является прекрасной землей? «Конечно, — прозвучал ответ, — но Сибирь мы еще успеем забрать».

Проповедь Гитлера, направленная против большевистской экспансии, являлась лишь маской для его экспансионистских планов. Это не исключает того, что он лично погрузился в ненависть к большевизму. Но более сильным началом в нем являлась жажда власти, воля к завоеваниям. В конце концов, его поведение в финальной стадии отчаянной борьбы показывает, что спасение Германии от большевизма не являлось для него сокровенным мотивом. Будущая мировая история, возможно, станет зависеть от того, кто из безудержно наступающих противников первым доберется до Берлина: англосаксы или русские. С того момента, когда наша борьба против Запада и Востока оказалась безнадежной,

безусловный противник большевизма должен был бы попытаться сдерживать русское наступление как можно дольше и дать англосаксам возможность раньше добраться до Берлина. Гитлер поступил наоборот: когда ему доложили о гигантских подготовительных мероприятиях русских к последнему большому наступлению, начавшемуся в январе 1945 года, он объявил русскую угрозу второстепенной. Соответствующим образом он действовал и раньше, начав «рождественское наступление» в Бельгии на Западном фронте¹⁰¹. Оно не принесло ничего, кроме короткого демонстративного успеха, однако оставило оборонявшихся на востоке без ценнейших сил. Гитлер приказывал продолжать ожесточенную борьбу на западе, по эту сторону Рейна, когда волна русского наступления уже нависла над Берлином. Возникает предположение, что в отчаянии он неосознанно хотел видеть в Берлине скорее русских, чем англосаксов. Иначе говоря, невзирая на его известную, хоть и оппортунистскую симпатию к английской мировой державе, в конечном итоге западную демократию он ненавидел сильнее, чем большевизм.

Здесь нужно привести еще одну фразу Гитлера, произнесенную во время войны и относящуюся

к нашей теме; я считаю ее вполне вероятной, хотя однозначные доказательства отсутствуют. Предполагаю, что источник этой информации находился в окружении гросс-адмирала Редера¹⁰². Гитлеру была представлена маленькая брошюра, предназначенная для распространения в вермахте; она напоминала солдатам, боровшимся против большевизма, о немецкой вере в Господа. «Религия? Бог? — произнес Гитлер. — Террор — самый лучший бог. Это видно по русским. Иначе бы они так не сражались».

11. ГИТЛЕРИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Так мы добрались до темы «гитлеризм и христианство». Марксизм и гитлеризм отрицают христианство и пытаются заменить его новой верой в предстоящее земное счастье. Однако марксизм делал это с самого начала открыто и решительно, в то время как гитлеровский национал-социализм до захвата власти создавал иллюзию, что он — как говорится в его программе — «стоит на почве позитивного христианства». Добравшись до власти, он сперва осторожно и скрытно, на внутренних учебных курсах, потом с помощью множества мелких административных мер и точечных ударов по мужественным священникам, превращения старых соборов в национальные памятники и т. д. начал все сильнее сокращать жизненное пространство христианских церквей. Предполагалось, что тем самым людей готовили к моменту, когда будет провозглашена новая гитлеровская религия, когда новая вера в бога, давно звучавшая в речах фюрера, будет

наконец освящена. Не думали ли, как рассказывалось в партийных кругах, об организации соответствующего празднества в Мариенбурге после окончательной победы? Однако Гитлер еще использовал «Господа» и «Провидение» в подходящих случаях в своей пропаганде, вытаскивая их на сцену, чтобы удовлетворить слушателей, привыкших к христианскому орнаменту.

Каким было главное, глубинное отличие гитлеризма от христианства¹⁰³? Христианство — или, правильнее, люди, считавшие себя христианами, — в ходе истории приспособливались к самым разным политическим течениям и порой благословляли именем Церкви весьма сомнительные политические системы. Попытка на основе протестантской Церкви инсценировать «германское христианство»¹⁰⁴ и назначить «имперского епископа» хотя и была предпринята, но закончилась бесславно из-за духовного убожества участвовавшего в ней персонала. Гитлер отказался от нее, не объявляя об этом публично. С учетом его безграничной жажды славы можно поверить в то, что он хотел увенчать свою роль пророка созданием новой религии. Что он понимал под «религией», что было написано им в маленьком, позднее старательно спрятанном

тексте¹⁰⁵? Как мне рассказывали, приблизительно то же самое, что у Розенберга в его «Мифе XX столетия». Известные инвективы Ницше против рабского духа христианства наверняка стали бы фоном для новой «религии господ нордической расы».

Однако глубокая ненависть Гитлера к христианству была, как представляется, связана с другим обстоятельством. Речь идет о живущей в христианстве идее свободной, ответственной лишь перед Господом совести, мысли о необходимости повиноваться Господу больше, чем людям, и служить державе, которая не от мира сего и управляется иными законами, нежели провозглашенные национал-социализмом. Это привело Гитлера к правильному выводу: здесь присутствует скрытый источник сопротивления тоталитарной унификации внутренней и внешней жизни. Он даже не хотел спорить с пастором Нимёллером¹⁰⁶ о догмах христианства; он считал, что эти догмы можно провозглашать и дальше без малейшего ущерба для себя. Однако он не хотел прощать храброму пастору — бывшему командиру подлодки — притязаний на свободу религиозной совести и протеста против насилия

в отношении этой совести. Когда в действиях Гитлера выступили на поверхность нехристианские и антихристианские черты, долг совести Нимёллера прорвал пелену иллюзий, и он стал проповедником протеста, в чей далемский¹⁰⁷ приход устремлялись люди со всего Берлина. За это Гитлер с осени 1937 года и до конца своего режима заточил его в Дахау.

Нимёллер воплощал собой гораздо большее, чем веру своей Церкви, сам не зная об этом. В нем восстала вся западная христианская традиция двух тысячелетий и крикнула узурпатору: царствие мое, сказал Господь, не от мира сего, царствие твое, которое ты хочешь основать, есть царствие Сатаны.

Христианский характер этого прошлого, составшего против Гитлера, следует понимать в самом широком смысле. Либерализм и демократия — вещи, которые Гитлер пламенно ненавидел, — являлись в правильном их понимании частью этого характера и могли исторически развиваться лишь на почве христианства, в результате его поэтапного расслоения и секуляризации. Провозглашение прав человека и гражданина в 1789 году имело, как уже было показано,

религиозно-христианские корни — первобытное право свободы совести, которое демократические пуритане Род-Айленда положили в основу своей конституции. Внутри западного христианского мира было достаточно ссор и схваток между позитивным верующим христианством и теми отсложениями и секуляризациями, о которых шла речь выше. Сколь глубокой, к примеру, казалась пропасть между масонами-гуманистами и католической Церковью! И вдруг эти мнимые смертельные враги оказались в едином строю борьбы против нового язычества и — об этом теперь можно сказать — против новой, но совершенно иной по своей природе секуляризации. Ибо здесь была разорвана последняя связь, существовавшая между прежними секуляризациями и догматическим христианством: признание человеческой совести хранителем Божественных и земных заповедей, в первую очередь нравственной заповеди любви к ближнему, что означало признание человеческого достоинства в каждом встречном, пусть и принадлежащем к чуждой расе. Итак, нравственные ограничения даже в войне народов и рас! Да, на практике в прошлом их достаточно часто попирали ногами те,

кого мы можем в узком или широком смысле назвать отпрысками христианского Запада. Однако у народов всегда оставались уколы совести, и за эксцессами следовало, как правило, некое возвращение к нравственным нормам; никто не отваживался отменить их полностью.

Гитлер и его соратники отважились на это. Конечно, не полностью, ибо результатом стали бы анархия и хаос. Под лозунгом «заботы о народе», представлявшем собой некий аналог любви к ближнему, кое-что все же делалось. Но национальный эгоизм предоставлял блага лишь собственному народу, а внутри народа — лишь тем, кто не сопротивлялся национал-социалистическому руководству и не казался политически опасным. По отношению ко всем остальным, в особенности к ненавистным евреям, не осталось никаких нравственных ограничений; права и достоинство человека больше не признавались. Об этом не говорили открыто, и из тактических соображений могло звучать совсем другое. Но в газовых камерах концлагерей исчезал в конечном счете последний намек на западную христианскую нравственность и человечность.

Строительство Третьего рейха началось с террористического давления на совесть, проникавшего в жизнь каждого отдельного человека по бесчисленным каналам, подкрадываясь порой тихо и незаметно. Это стало самым сильным и смертоносным из его инструментов, его главным прегрешением. Ибо такое давление на совесть было иным, куда более порочным, чем оказываемое на человека любой религией или общественным мнением, ищущими господства над ним. Религии, жаждущие господства, давят на человека не только из желания власти, но и, можно сказать, ввиду повышенной сознательности и заботы о спасении души, то есть ввиду духовной узости. Ограниченным является и давящее общественное мнение; оно обычно соединено с квазиэтическим убеждением, что приличный человек должен думать совершенно определенным образом и никак иначе. Однако давление на совесть немцев, которое оказывала пришедшая к власти партия, проистекало в первую очередь из бессовестности тех, кто его оказывал, и стало циничным инструментом власти, призванным в зародыше подавить любое народное сопротивление деятельности партии.

Важный пример: как известно, выборы показали, что за партией в момент ее прихода к власти не стояло большинство народа. Даже в рейхстаге, избранном весной 1933 года в обстановке давления и террора, даже вместе с немецкими националистами Гугенберга она не могла собрать квалифицированного большинства в две трети голосов, необходимого для изменения конституции. Меняющий конституцию «Закон о чрезвычайных полномочиях», сделавший Гитлера всемогущим и способным совершить величайшие злодеяния, удалось принять только благодаря поддержке тех партий, которые должны были бы противостоять гитлеровскому режиму. Центр и немногочисленные демократы проголосовали 23 марта 1933 года за ненавистный им «Закон о чрезвычайных полномочиях»¹⁰⁸. Страх перед подъемом террора заглушил в них голос политической совести. Я спросил знакомого депутата от партии Центра накануне голосования: «Вы ведь проголосуете против?» Он пожал плечами и ответил: «От этого станет только хуже».

Так оно и продолжалось. Такие действия, порожденные из страха и вопреки собственной совести деморализуют народ; мы тоже оказались

в немалой степени деморализованы. Старый друг сказал мне в первый годы режима, стиснув зубы: «В половине немцев сегодня воспитывают дерзость, в другой половине — трусость». Это означает, что в тех, кто без колебаний оказывал давление на чужую совесть, собственная совесть уже умерла, погибла последняя нравственная связь, последние остатки христианского духа. Третий рейх был не только величайшим несчастьем в истории немецкого народа, но и величайшим его позором.

12. ГИТЛЕРИЗМ И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ

В лагере западных держав опасность, которая грозила человечеству со стороны национал-социализма, считали более масштабной и актуальной, чем угрозу со стороны русского большевизма. С последним был заключен союз ради разгрома гитлеровской Германии, и общая победа, в которую Россия внесла наибольший вклад, предоставила ей широкие возможности на будущее. Такой результат стал возможен только благодаря возвышению Гитлера и Третьего рейха. Мы не будем задаваться вопросом о том, как выглядела бы ситуация в мире, если бы этого не случилось. Поговорим только о мотивах, по которым западные державы испытывали больший страх перед гитлеризмом.

Вне всяких сомнений, это были в первую очередь военно-политические интересы. Опасность со стороны Гитлера являлась непосредственной и актуальной. Если против нее ничего не предпринять, Европа не сразу, но постепенно

превратилась бы в сферу влияния гитлеровской Германии. Со времен Первой мировой войны было хорошо известно, что может совершить Германия, задействовав весь свой людской и материальный потенциал в военных целях. Собранный Гитлером горючий материал мог вступить в действие быстрее и потому в тот момент выглядел опаснее, чем то, что Россия сосредотачивала в ходе медленного экономического развития. На Россию западные державы, возможно, и вовсе взирали с ожиданием, что она откажется от идеи мировой революции, ограничится внутренним строительством и сблизится с демократическими идеями. Кто станет отрицать, что за всеми политическими соображениями западных держав стояло всеобщее недоверие к Германии как таковой? Как немец я сожалею о нем, но в то же время вынужден задаться вопросом о глубинных причинах такого недоверия.

За всеми военно-политическими интересами и конфликтами держав со времен Французской революции и растущего давления народных масс на внутреннюю жизнь государств стоит борьба вокруг жизненных форм отдельных народов. Жизненной формой народа мы называем совокупность его духовных и материальных привычек,

институтов, обычаев и представлений, которые внутренняя связь, внутренний принцип объединяет в общее целое — не всегда точно определяемое, но интуитивно понятное. В больших европейских конфликтах сначала погибла аристократическая жизненная форма «старого порядка». Сегодня под угрозой находится демократическо-буржуазная жизненная форма, получившая наибольшее развитие в Западной Европе. К этой форме относится не только власть большинства в государстве и связанное с ней растущее давление масс, своего рода уравнивание слоев общества. Это уравнивание ограничивается свободной игрой хозяйственных сил, капитализмом, который позволяет способному индивиду стать богатым и могущественным. Нравственная и духовная жизнь, культура народов и отдельных людей может как тяжело пострадать, так и процветать в результате борьбы этих начал. Здесь не место общим суждениям об этой жизненной форме — ни хвалебным, ни ругательным. Однако тот, кому внутреннее моральное самоопределение человека, свобода его мыслей и совести представляются первым условием любой высокой и подлинной культуры, должен — пусть и с некоторой отстраненностью — признать, что

в западных демократиях вполне возможно найти место для духа и культуры. Конечно, тирания экономической власти и общественных условностей может значительно сузить это пространство. Однако в идеологии этих народов еще не погибло основное право христианского Запада, давшееся ценой тяжелой борьбы, — право на свободу мысли и совести. У пишущего эти строки еще звучат в ушах слова, которые он услышал в 1936 году на праздновании трехсотлетия Гарварда из уст президента Франклина Рузвельта: «Во времена современной охоты на ведьм, когда свобода мысли изгнана из многих стран, где раньше был ее дом, дело Гарварда и Америки — сохранить эту свободу». Духовное закабаление, которому мы подверглись в Третьем рейхе, образуется если не самую масштабную, то самую глубокую причину отвращения западных народов к гитлеровской Германии.

Одновременно слова Рузвельта указывают на глубокий раскол между гитлеровской Германией и той прежней Германией, в которой мы выросли. И в бисмарковской империи, и в Веймарской республике у нас был достаточный объем свободы совести и свободы мыслей. Признаем, что авторитарный и милитаристский элемент,

вносивший еще в бисмарковской империи свой вклад в нашу жизненную форму, приучил многих людей к тому, чтобы подчинять собственную мысль воле вышестоящих и становиться несамостоятельными в духовном плане. Однако тогда это еще не было смертельной опасностью. Синтез классического либерализма, стремившийся гармонично сочетать дух и силу, еще не погиб. На рубеже веков он даже возродился в новой форме, и в довоенное время появилось и процветало много хорошего. Конечно, в то же время разрастались сорняки, полные однобокого стремления к силе и наслаждению. Однако внутренняя связь между немецкой и западной жизненными формами еще не была разорвана. Еще существовала общая атмосфера христианской Европы — слово «христианский» употреблено здесь в широком смысле, как синоним свободы совести. Казалось, Первая мировая война уничтожила эту атмосферу. Запад обвинял нас в отступлении от старого доброго немецкого духа, который одновременно являлся духом Запада, и в культе грубой силы. Мы с чистой совестью возражали, однако уже в ходе мировой войны были вынуждены почувствовать, что в этих на первый взгляд безосновательных обвинениях

что-то есть. Новая немецкая жизненная форма, требовавшая от совести молчать, когда речь шла об умножении национальной мощи, угрожающе крепла, в том числе под воздействием Версальского мира. Мы уже рассказывали о ее борьбе со старой жизненной формой в эпоху Веймарской республики, сильно пострадавшей от этой борьбы. Новая немецкая жизненная форма превратилась в гитлеровское движение, в радикальный снос всех нравственных ограничений в борьбе за власть, в жизненную форму без совести.

Запад смотрел на все происходящее с недоверчивым интересом, но без полного понимания того, что стоит на кону для всей Европы, что случится, если Гитлер победит и попытка «веймарской системы» привести немецкую жизненную форму в соответствие с западной провалится. На Западе чувствовали себя в безопасности внутри собственной огромной сферы, к которой относились как к заслуженно дарованному Господом благу. Здесь не было ни малейшего страха за свою жизненную форму. К фашистскому эксперименту можно было отнестись спокойно, потому что ввиду физической слабости Италии любая начатая им война должна была привести к его крушению. Кроме того, Муссолини — не

только из пропагандистского расчета, но и по искреннему убеждению — объявил свой фашизм национальным итальянским учением, не предназначенным для экспорта. Собственное маленькое фашистское движение в Англии, связанное с именем Мосли, не воспринималось всерьез.

Однако в лице Гитлера появилось нечто новое — новое не в абсолютном смысле, а по своим последствиям и будущим возможностям. Фашизм вырос из крошечных поначалу, но решительных и беспринципных групп. Он привлек смелых и отчаянных приверженцев, которых привела к нему жажда личной власти и славы. Однако главной оставалась националистическая идеология. Выше мы уже отмечали по поводу гитлеровского движения, что внутренняя искренность этой идеологии вызывает сомнение, что ее могли забыть или отложить в сторону, когда того требовали прямые интересы власти. Разумеется, этого никогда не должны были видеть массы искренне верующих сторонников; это осталось тайной маленького круга руководящей элиты. Однако зоркие наблюдатели вроде Раушнинга («Революция нигилизма») смогли уже на ранней стадии раскрыть этот секрет. НСДАП была чрезвычайно иерархической организацией: обычный

путь вел от внешних объединений, сплоченных насущными заботами (Национал-социалистический женский союз, Национал-социалистический союз учителей и т. п.), к членству в самой партии, где существовало множество ступеней, и чем дальше наверх, тем уже становился круг посвященных. На самом верху стояли люди, готовые на любое злодеяние, преступники, катилинсты¹⁰⁹. Не все из них были бандитами в чистом виде, иногда лишь смесью негодяев и дураков, как мы уже имели возможность заметить, и одичавшая фантазия придавала собственным преступлениям видимость высокой миссии, возможно, даже универсальной миссии преобразования всего мира по гитлеровскому образцу. В этих кругах говорили о «всемирном плане».

Такие фантазии не были лишены реальной почвы. В любой стране, у любого народа есть маленький набор людей, которые являются одновременно негодьями и дураками. С ними можно было вступить в связь, вдохновить успешным примером гитлеровского движения на то, чтобы они повторили его в своей стране. Мы видели их в лице Квислинга в Норвегии и Муссерта¹¹⁰ в Голландии, видели такие попытки в Швейцарии и странах юго-восточной Европы; повсюду

обнаружилась эта поросль маленьких Гитлеров, немедленно приступившая к работе. Зарубежная организация НСДАП пыталась создать потом в Америке — преимущественно в Южной Америке (Аргентине), но, вероятно, и в США — подобного рода группы; их называли «ячейками». Так гитлеровское движение приобрело универсальный характер. Формировался новый интернационал с целью разгромить прежние — «красный», «черный», «золотой» и т. д.¹¹¹ Их лозунг мог бы звучать: «Катилинисты всех стран, объединяйтесь!»

Возможно, только теперь мы в полной мере понимаем, что западные народы были полны решимости сделать все возможное для борьбы с гитлеровской угрозой. К военно-политическим мотивам, которые нам уже известны, к тому отвращению, которое внушала им авторитарно-милитаристская структура Германии еще во времена гитлеровской империи, добавилась новая опасность: что эта Германия, развив свою авторитарно-милитаристскую структуру до невероятного предела, путем международной пропаганды создаст для них проблемы в их собственных странах, породит революцию и в случае успеха лишит в конечном итоге привычной жизненной

формы. Могло получиться как с элодеей¹¹², пары семян которой, перенесенных через океан несколько десятков лет назад, хватило для того, чтобы заполнить русла всех рек чащами водорослей. На Западе считали, что у них есть иммунитет от большевизма; фашизм отказался от экспорта; гитлеризм, напротив, утонченными методами выбросил на мировой рынок совершенно новый товар, применимый в любой стране. Своего рода сырьем при производстве этого товара стала расовая идеология с ее ядром — ненавистью к евреям, — зернышко которой уже существовало или могло появиться где угодно. Обработка этого сырья заключалась в создании иерархической организации, ориентированной на привлечение масс и удовлетворение их квазиидеалистических инстинктов, вызывавшей вождистское честолюбие и делавшей наслаждение властью и всеми земными благами привилегией небольшой хищной элиты. И даже если расовая идеология и антисемитизм не подходили в качестве сырья для массового потребления, их могли заменить иные идеи, выращенные теоретиками или сектантами и получившие должную накачку. Когда культура становится плодотворной цивилизацией¹¹³, идеологи уже не имеют

в ней прочного места, не везде являются настоящими и могут быть при необходимости легко заменены на других. Вспоминая слова Гёте: мы живем не в эпоху веры, а в эпоху безверия. Хищники есть во все времена и в любом народе; они укрываются в демонических глубинах общества, выскакивают на поверхность в эпохи революции и безверия и превращаются в тех *terribles simplificateurs*, пришествие которых в Европе предвидел Якоб Буркхардт.

Можно предположить, что именно такие опасения занимали души западных народов. Они не требуют ясного и всестороннего осмысления, возможно, даже не достигают уровня четкого осознания и могут оставаться мрачными предчувствиями угрозы демократическо-либеральной жизненной форме. Тем не менее они вызвали почти крестоносные настроения, с которыми западные народы вели войну и развернули отвратительный воздушный террор против нас и памятников нашей истории¹¹⁴.

13. ЕСТЬ ЛИ У ГИТЛЕРИЗМА БУДУЩЕЕ?

Соображения, на которых мы остановились, ставят перед нами ужасающе серьезный вопрос о том, окажется ли гитлеризм — пусть даже поверженный сейчас — главенствующей формой жизни на Западе благодаря демагогическому превосходству своего метода господства над массами. Мы уже искали источник силы гитлеризма и смогли кое-что обнаружить: осознанное стремление соединить две большие волны эпохи, национальное и социалистическое движение. Ради этого он придавал аморфным слоям общества прочность, делал их частью целого. Однако при взгляде на используемые им методы нас охватывает непреодолимое отвращение. Гегельянские умы могут в конце концов преодолеть его, найдя историко-философское утешение в мысли о том, что мировой дух взбирается на более высокие ступени благодаря масштабным пожарам вроде того, каким некогда являлось Великое переселение народов. Однако если эта так называемая

«более высокая ступень» включает в себе систематическое подавление совести всего того, что мы называем Божественным в нас самих и над нами, то этот путь ведет в бездну. И пока совесть еще существует у человечества в целом и у отдельных народов в частности, она будет сопротивляться такому движению.

Пессимистически настроенный философ истории, кое-чему научившийся у Буркхардта, мог бы объявить и этот путь в бездну неизбежным. Он мог бы указать на симптомы распада культуры и цивилизации у западных народов и сделать вывод, что стремление масс к власти и наслаждениям вновь одержит верх над еще сохранившимися ныне благородными мотивами идеального и этического характера. Но это уже вопрос веры, а не доказательств. При такой оценке соотношения имеющихся моральных и аморальных сил народа решающую роль часто играет врожденный темперамент, будь то оптимизм или пессимизм. Но, возможно, мы сумеем найти более объективный путь к ответу на наш главный вопрос: есть ли у разбитого гитлеризма универсальное будущее?

В конечном счете Гитлер смог захватить власть благодаря уникальному и в немалой степени

случайному сочетанию факторов. Как мы постарались продемонстрировать, никакая объективная необходимость не направляла руку Гинденбурга, подписывавшего указ о назначении Гитлера. Этому решению противодействовали достаточно серьезные силы. Если бы Гинденбург прислушался к этим силам, гитлеровское движение предположительно осталось бы в истории таким же эпизодом, как Томас Мюнцер со своей коммуной в Мюнстере. Вопрос о его будущем был бы тем самым решен.

Однако мы понимаем, что этих доказательств недостаточно. Ведь можно возразить, что первые адепты новой идеи зачастую погибают, однако идея находит им преемников, которые приводят ее к победе.

С другой стороны, следует тут же задать вопрос о том, была ли представленная Гитлером идея достаточно глубокой для того, чтобы вдохновлять новых адептов прийти на место павших? Здесь необходимо упомянуть следующее. То, что можно назвать «идеей» в рамках гитлеровского проекта, оказывается в соответствии с результатами проведенного нами анализа в тени «гешефта», спекуляции, организованной группой отчаянных авантюристов. Благоприятные

условия позволили им достичь успеха, а хорошо известный и правильно понятый страх западных держав перед новой войной обеспечил ослепительные внешнеполитические победы. Однако плоды всех этих побед оказались в итоге утрачены из-за легкомысленной переоценки собственных шансов, а также недооценки противников и их возможностей. Таковы типичные этапы в истории мошеннической фирмы или азартного игрока в казино. А в самый момент крушения пугающе отчетливо проявил себя эгоистический характер всего предприятия. Поняв, что игра проиграна, а их собственная песенка спета, авантюристы сочли, что и немецкий народ должен разделить их судьбу и бессмысленно погибнуть вместе со своими вожаками. Где же была в тот момент «идея»? Жить и умереть ради народа — да, это могло быть «идеей». Но бессовестно приносить народ в жертву — так мог поступить только обанкротившийся мошенник.

Слишком много криминальных черт демонстрировала деятельность гитлеровцев, и мы не можем признать за ней высокий исторический смысл.

Это потрясающий, позорный факт: шайке преступников удавалось на протяжении двенадцати

лет подчинять себе немецкий народ и внушить значительной части упомянутого народа веру в то, что он следует некой высокой «идее». Однако тот же самый факт приносит нам некоторое успокоение и утешение. Немецкий народ не был в основе своей исполнен преступных намерений, он лишь оказался отравлен ядом уникальной опасной инфекции. Если бы последняя долго воздействовала на организм, ситуация могла бы стать безнадежной. Эта мысль сильнее всего мучила меня на протяжении двенадцати лет: что партия может надолго закрепиться у власти и придать всему молодому поколению собственный порочный облик. Именно поэтому я, глядя на ее непомерные внешнеполитические притязания, желал ей ужасного конца, хотя последний с неизбежностью должен был стать концом всех внешних форм нашего существования и всех национально-политических достижений прежних эпох. Но наше внутреннее бытие, наши душа и совесть могли тогда свободно вздохнуть и пробудиться к новой жизни.

Меня утешала уверенность в том, что немецкий народ после полученных ужасающих уроков сможет найти путь к своей лучшей сущности и изгнать из своей крови гитлеровских паразитов.

Однако при этом я никогда не забывал связь гитлеризма с предшествовавшим ему социальным и духовным развитием, с проявившим себя начиная с эпохи Бисмарка опьянением властью в широких кругах высшей буржуазии, с бездуховностью и материализмом этих кругов, с еще более древней узостью и оцепенением прусско-германского милитаризма — одним словом, со всем, что сопутствовало превращению *homo sapiens* в духовно оскудевшего *homo faber*. Мы уже много говорили об этом и вновь приходим к выводу: всех этих вредных элементов было бы недостаточно для того, чтобы породить гитлеровский дух. Должно существовать еще одно значимое отличие гитлеровского движения от всех предшествовавших и в какой-то степени похожих на него феноменов. Оно является одним из показательных примеров уникальной и непредсказуемой роли личности в истории — в данном случае демонической личности. Какой иной личности было бы под силу организовать ту преступную шайку, которая смогла охватить и выжать досуха немецкий народ? Эти господа могли бы стать преступниками и без Гитлера. Но, узнав о нем и его волшебном воздействии на массы, они должны были радостно сказать себе: «С этим

во главе мы сможем все повернуть, мы заберем себе Германию». Как будут потом обстоять дела с их верностью фюреру, можно было понять из «Разбойников» Шиллера: пример — судьба Рёма и, возможно, Рудольфа Гесса. И был ли Гиммлер напоследок, после 20 июля, верен своему фюреру?¹¹⁵

Уникальной оказалась личность, уникальными — обстоятельства, в которых она смогла достичь власти и на некоторое время вынудить немецкий народ пойти ложным путем. Этот ложный путь вел в такие области, где приличный по своей природе человек не стал бы задерживаться надолго. В результате у немецкого народа появился успокоительный шанс и долг очиститься от пережитого зла. Мы тоже хотим выразить наше мнение о том, какие варианты следует рассмотреть. При этом сосредоточимся на самом важном, не пытаюсь написать нечто вроде формальной рабочей программы восстановления Германии. Если мы договоримся о принципиальных вещах, конкретные средства и пути их применения найдутся.

Однако прежде следует сказать о предпринятой еще во время войны, но неудавшейся попытке спасения.

14. ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ 20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА

Было бы благословением, если бы немецкий народ нашел в себе самом силы свергнуть гитлеровское иго. Но каждый, кто жил в Третьем рейхе, знает, что с чисто физической точки зрения было невозможно организовать всенародное движение. «Только война избавит нас об этой компании», — услышал я как-то раз от одного из тех, кто сперва поддался соблазну, но быстро разочаровался. Все зависело от позиции рейхсвера. Он внес свой вклад в захват Гитлером власти. Однако не могла ли иллюзия относительно национальной ценности гитлеровского движения у самых лучших и зрелых элементов армии уступить место осознанию его вредоносного характера? И не стало бы это осознание однажды руководством к действию? Так выглядела смутная надежда на будущее, которой тайно обменивались многие патриоты. От рейхсвера ждали чего-то масштабного, не менее чем военного путча, чего-то неслыханного в традиции

прусско-германского войска. Но неслыханным являлось и положение, созданное в стране Гитлером и его партией. Нами правила шайка преступников, сложилось чрезвычайное положение. В таких ситуациях по разные стороны баррикад могут оказаться люди, одинаково уверенные, что по-прежнему стоят на почве строгих нравов. От одного совесть требовала осудить любое нарушение присяги, данной однажды Гитлеру, другой видел высокий нравственный долг в том, чтобы ее нарушить, освободить Отчизну от своры преступников и предотвратить новые невообразимые несчастья. Этическая проблема, поставленная Шиллером в «Вильгельме Телле», вновь стала актуальной.

Насколько я знаю, первым, кто стал искать ответ на этот вопрос, стал генерал-полковник фон Фрич, вынужденный в начале 1938 года уйти в отставку с поста командующего сухопутными войсками при таких обстоятельствах, которые, вероятно, могли бы побудить его восстать против Гитлера¹¹⁶. Он воздержался. Однако вскоре, когда Гитлер принес новое несчастье, общавшийся с Фричем Гренер по секрету сказал мне (этот секрет можно теперь раскрыть для истории): «Он сожалеет, что не стал действовать».

После начала Польской кампании Фрич принял в ней участие добровольцем, не получив командного поста, и пал под огнем противника у стен Варшавы. Такова наиболее вероятная из циркулирующих версий его гибели — конец солдата с разбитым сердцем.

Настала ледяная зима 1941/42 года, грозившая нам повторением событий 1812 года в России. И вновь у всех думающих людей возникал на устах вопрос: почему генералы бездействуют? Почему они не исправят свой грех потакания гитлеровскому движению? Почему не свергнут опасного для всех человека? В конце 1941 года я узнал, что в реальности имелись генералы, осознававшие, что лишь поступок, с формальной стороны являвшийся преступлением, заслуживающим смертной казни, сможет спасти Германию от дальнейшего соскальзывания в пропасть. Прежний шеф генерального штаба, генерал-полковник в отставке Бек, считавшийся самой светлой головой в армии, сказал в те дни моему доверенному лицу: «Этот гордиев узел может быть разрублен единственным ударом меча. Однако решивший нанести этот удар должен знать огромную машину немецкой армии и уметь ею управлять». Акция 20 июля 1944 года, связанная

с именами Бека и Герделера¹¹⁷, готовилась, таким образом, уже в это время. Моим доверенным лицом являлся гауптман в ОКВ¹¹⁸ Герман Кайзер, прежде бывший историком¹¹⁹. Он часто навещал меня; пламенный идеалист, глубоко религиозная натура, воспринимавший гитлеризм как прегрешение против Господа. Вместе с Беком и Герделером он энергично работал над подготовкой восстания против Гитлера в самом сердце вермахта. Однако его первым визитом я был обязан чисто историческому, хотя и весьма симптоматичному вопросу. Он изучал политические тайные общества эпохи Освободительных войн, и мы говорили о «Немецком союзе» 1812–1813 годов, в который входили Эйхгорн и Фризен¹²⁰. Он был разбит на ячейки по три-четыре единомышленника в каждой, и лишь один из них знал что-нибудь о ближайшей ячейке и доверенном лице. Я заметил, куда он клонит, и он рассказал мне о планах Бека и Герделера; первого он называл кодовым именем «Железный человек», второго — «Нож». Однажды он с удовлетворением сказал: «Можно считать, что „Немецкий союз“ есть и у нас». Герделер говорил, что может рассчитывать на тысячи человек, которые в случае успеха главного удара окажут ему помощь во всем.

Беседы с Кайзером принадлежали к числу наиболее воодушевляющих в моей жизни. Ему было достаточно того, что я соглашался с ним в главном. О деталях подготовки я знал лишь немного и не был заранее извещен о событиях 20 июля. Однако с помощью Кайзера я начал общаться и обмениваться мыслями с Беком; так состоялось мое знакомство с одним из высших офицеров — к сожалению, не слишком многочисленных, — достойных считаться истинными наследниками Шарнхорста. Они были не просто дисциплинированными и энергичными солдатами, но высокообразованными и дальновидными патриотами.

В основе планов Бека и Герделера лежало совершенно правильное политическое соображение. Поражение Германии в борьбе с противниками, обладавшими сильной волей и большим потенциалом, являлось лишь вопросом времени — как минимум с момента Сталинградской катастрофы и высадки американцев в Африке. Продолжение гитлеровского правления могло лишь продлить агонию Германии, и с гитлеровским правительством противник ни в коем случае не стал бы вступать в переговоры. Таким образом, в будущем следовало ожидать лишь

безграничных бед. Но если бы на сцену выступило новое правительство, открытое для переговоров, можно было бы с опорой на уже неспособную победить, но еще боеготовую и внушающую уважение армию достичь более благоприятных условий мира, чем истекая кровью при Гитлере.

Разумеется, имелись и противоположные соображения. Вне всякого сомнения, успех переворота породил бы новую легенду об ударе кинжалом, дикие крики нацистов о том, что измена лишила нас конечной победы — ведь миф о победе они умудрялись распространять даже за считанные недели до катастрофического финала. Однако поставивший себе задачу спасти Германию от величайшей катастрофы в ее истории имел бы достаточно моральных сил, чтобы снести поношения, вызванные второй легендой об ударе кинжалом. Этого мужества хватало и Беку, и его соратникам.

Более серьезным выглядело другое возражение. Разве можно было с уверенностью рассчитывать на то, что после свержения Гитлера армия последует за генеральской фрондой? Что не поднимутся против нее другие генералы, которые на глазах у противника разожгут гражданскую войну на фронте и в тылу? Нацификация

армии продвинулась уже достаточно далеко, когда началась война. Не только от генералов, но и от молодых лейтенантов зависело многое: поймут ли они истинное положение Германии и станут ли повиноваться новому правительству? Из-за этого политически незрелого, направленного в совершенно ложную сторону офицерского поколения могла с самого начала провалиться вся операция. Имеющаяся у меня информация заставляет сильно сомневаться в том, проявили ли Берлинский охранный батальон 20 июля ту верность Гитлеру, о какой нам рассказывал Геббельс. На протяжении нескольких часов он оставался «нейтральным», с винтовками в козлах¹²¹. Заговор 20 июля провалился в первую очередь в результате случайности — Гитлер выжил, поскольку разрывная бомба, рассчитанная на помещение с бетонными стенами, не оказала должного эффекта в деревянном бараке, в котором в тот день состоялось совещание (совершенно уникальный случай). Если бы Гитлера удалось убить, все зависело бы от итога схватки нового армейского руководства с Ваффен-СС. От последних потребовали бы стать частью армии и продолжить борьбу против внешнего противника; лишь тех, кто начал бы сопротивляться,

пришлось бы подавить. Однако, поскольку Гитлер остался в живых, шансы на успех предприятия значительно уменьшились.

В оправдание заговорщиков¹²² можно также сказать, что продолжение гитлеровского правления им казалось более пагубным для Германии, чем несчастье гражданской войны. Последняя оказалась бы, вероятно, короткой, и борьба против внешнего противника пришла бы к скорому окончанию. Множество городов избежало бы разрушения, много тысяч жизней удалось бы сохранить, даже если бы покушение 20 июля завершилось именно так: устранением Гитлера, но расколом в армии.

Последний пункт возражений может касаться способа и чрезмерной длительности приготовлений. В тайну было посвящено — возможно, по необходимости — больше людей, чем было разумно с точки зрения секретности. Предпринимались неосторожные шаги. Покушение оказалось надолго отложено из-за тяжкого заболевания Бека в 1943 году, в результате которого ему пришлось делать операцию. Риск предательства все время возрастал. В начале 1944 году Кайзер сообщил мне, что заговор раскрыт, и от покушения придется отказаться. В мае 1944 года,

когда Бек в последний раз посетил меня, он сказал: «Никто не поможет, спасения нет, мы должны до дна испить горькую чашу страданий». Могу предположить, что заговорщики именно потому рискнули осуществить покушение, что их замысел оказался раскрыт¹²³. Они сделали последнюю попытку спасти Германию до того, как начнутся массовые аресты.

Как известно, затем состоялось масштабное судилище над реальными и предполагаемыми виновниками, призванное уничтожить многих из тех, кого планировалось задействовать при восстановлении. В результате мы лишились целого ряда ценных, незаменимых соратников. Общество поначалу не знало, что среди казненных были действующий министр финансов Пруссии Попиц¹²⁴, бывший посол в Риме Ульрих фон Хассель¹²⁵ и бывший посол в Москве граф Шуленбург¹²⁶. Совершенной бессмыслицей являлись заявления о том, что покушения организовала реакционно-милитаристская клика. Множество имен из древних родов соседствует в недавно опубликованном списке казненных с социал-демократами; этот список, вероятно, охватывает лишь малую часть убитых. Из моих личных бесед с Бекон я знаю, что он не являлся реакционером.

В нашем уже упомянутом последнем разговоре в мае 1944 года он заявил, что после ожидаемой финальной катастрофы следует создать единую антинацистскую партию, объединяющую самые разные силы: от крайне правых до коммунистов. В Верхней Силезии он убедился в том, что может положиться на коммунистов в основополагающих национальных вопросах.

Вероятно, никогда уже не будет сформировано единое мнение о людях 20 июля — будь то благодарность или проклятие. Будучи в курсе заговора в целом, я могу лишь сказать, что считаю их мотивы высокими и чистыми. Они доказали всему миру, что в германской армии и германском народе имелись силы, обладавшие достаточным мужеством для того, чтобы стать мучениками, а не подчиняться, подобно бессловесным псам.

15. ПУТИ К ОБНОВЛЕНИЮ

Задача искоренить нацистские сорняки перешла в руки победителей. Это усложнило ситуацию для тех из нас, кто ранее тихо надеялся решать проблему своими силами. Некоторые озабоченные умы, не способные к логическим умозаключениям, могут сегодня считать недопустимым сотрудничество с прежними врагами исходя из национального чувства чести. Действительно, возникла совершенно парадоксальная ситуация, не предусмотренная обычным катехизисом национального долга. Кажется естественным, что ввиду тех унижений, которым сегодня подвергается весь наш народ без каких-либо исключений, мы должны позабыть все былые распри и встать на его сторону.

Однако разве нет таких ситуаций, в которых надо встать перед народом и повести его от иллюзий к истинам? Только тот, кто понял, что периоду господства внешних чужаков, в котором мы пребываем ныне, предшествовал период

господства внутренних чужаков, преступной шайки, может найти путь к разрешению проблемы национального долга. Господство иноземцев есть нечто ужасное и глубоко унижительное для гордых народов. Однако оно необязательно наносит ущерб душе этих народов; лучшие стороны национального чувства могут даже углубиться и очиститься страданием. Мы знаем это из нашей собственной истории. Но влияние выпавшего на нашу долю в Третьем рейхе господства внутренних чужаков на душу всего народа и отдельного человека мы начинаем осознавать только сейчас. Это влияние намного сильнее, чем господство внешних чужаков, поскольку внутренние чужаки способны намного искуснее вводить в заблуждение. Они льстили нам, предлагая высокие национальные достижения — военную мощь и Великую Германию. Но даже если бы этим достижениям была суждена намного более долгая жизнь, они не стали бы компенсацией за все жертвы, которые нам пришлось бы принести в рамках Третьего рейха. Жертвой стала бы порядочность, которой столь серьезно угрожал этот режим. Чего стоит завоевание всего мира, если ценой становится твоя душа?

Чужаки, ныне господствующие над нами, пытаются искоренить все последствия национал-социалистического влияния на народ и открыть путь западным христианским ценностям. И мы должны не просто признать их правоту, но и оказать помощь, в то же время стремясь предотвратить продиктованные мертвыми схемами перегибы и оплошности. Задача искоренить у народа дурные помыслы и заменить их праведными была бы неразрешимой, если бы речь шла о больших интеллектуальных течениях нашего века. На протяжении уже двух столетий ни национальную, ни социалистическую идею не удастся победить силой. Невозможно сделать это и с тем синтезом, к которому они стремятся и о котором мы еще поговорим. Но гибрид, созданный Гитлером из этих двух идей, не представлял собой ничего идеального, лишь низменное и преступное. А с подобными вещами можно успешно бороться. По крайней мере, во всех культурных странах народному воспитанию удалось добиться этой цели — пусть не полностью, но в весьма значительной степени. Призыв к порядочным людям всегда найдет отклик и в немецких сердцах. Применение внешних средств, в том числе

насильственных, является при этом неизбежным — как и во всяком процессе народного воспитания. Наши иноземные повелители, могущественные победители, будут щедро использовать их. И наша задача — открыть им глаза на реальное положение дел. Число заблуждавшихся, но по сути своей безобидных и порядочных, даже идеалистически настроенных попутчиков национал-социализма было неизмеримо велико. Поэтому нужно практиковать не только строгое правосудие, но и человеческое понимание. Одного члена партии нельзя приравнивать к другому — *distinguendum est**, скажем мы нашим судьям, именно мы, с самого начала осуждавшие нацизм. Речь идет не о том, чтобы проявить мягкость в отдельных случаях и спасти множество судеб; нужно не допустить всеобщего ожесточения народа, которое может быть вызвано ощущением несправедливости¹²⁷. Это ожесточение способно помешать нашему внутреннему выдворению и превратить Германию в очаг ужасной болезни. Весьма велико было и число тех, кто внутренне противился Гитлеру, но ради выживания внешне подчинился ему. Некоторые,

* Следует проводить различие (*лат.*).

способные в одиночку принять мученический венец, не сделали этого ради выживания своей семьи. В конце концов изощренная карательная методика нацистской партии предусматривала, что за одного будет страдать весь его «род».

Победители заявляют, что собираются искоренить не только национал-социализм, но и милитаризм, в котором видят корень всех мировых зол. Наши вооруженные силы, наша всеобщая воинская обязанность должны уйти в прошлое. Полвека назад я сам называл военный закон Бойена от 3 сентября 1814 года, вводивший в Пруссии призывную систему, великим деянием, открывшим новую эпоху в национальной и мировой истории; я и сегодня придерживаюсь того же мнения. Но разве не все великие и плодотворные идеи порождают в процессе своего исторического развития как благо, так и зло? Пережитое оказало большое влияние на наше восприятие истории — демонические глубины человеческой, исторической жизни предстали перед нашими глазами в еще более потрясающем виде, чем когда-либо. Мы уже говорили о том, что развитие прусско-германского милитаризма имело как позитивные, так и негативные черты, которые следует разделять. Бойен, ученик Канта

и Шарнхорста, был не просто солдатом, стремившимся создать большую и боеспособную армию. Он являлся также воспитателем народа в делах политики и этики, и всеобщая воинская обязанность, как благородная прививка, должна была придать более высокое нравственное содержание военной службе и всей жизни общества. Созданный им идеал ландвера противостоял грубому милитаризму, восходившему к Фридриху Вильгельму I. Этот милитаризм, конечно, тоже обладал этическими ценностями, но из-за своей духовной узости утратил связь с высокой культурой, превратился в простой инструмент государственной власти и способствовал опьянению силой, характерному для позднего XIX столетия. Изучая борьбу, которую вел Бойен, я много лет назад впервые осознал двойственность прусской души. В ней все время боролись друг с другом высокий и низменный принципы, и второй в итоге победил; мы должны честно признать это и извлечь уроки. Низменный и выродившийся милитаризм с готовностью стал слепым орудием Гитлера и в облике Ваффен-СС достиг последней, наиболее порочной стадии своего развития; он погубил все. Он может и должен исчезнуть, чтобы в будущем

благородные ростки нашего нового военного духа взошли на свободном от сорняков поле. Ведь без здорового военного духа ни один народ не сможет долго прожить в центре Европы, не потеряв себя.

Безусловно, в последней войне множество немецких солдат считали, что являются носителями этого духа и выполняют свой тяжкий долг. Сейчас перед ними стоит не менее сложная задача — осознать, что их порывом бессовестно злоупотребили и что для предотвращения подобного зла в будущем прежний милитаризм должен исчезнуть. Это станет весьма болезненным процессом в особенности для тех офицеров, которые остались носителями благородных традиций эпохи Шарнхорста. В результате уничтожения старой, славной и гордой традиции они теряют нечто такое, что составляло для них Отчизну, было жизненной необходимостью. Но не находимся ли мы все сегодня в подобном положении? Глубоко чувствуя боль, мы не должны позволить ей овладеть нами, тешить нас иллюзиями и сломить нашу волю к жизни и обновлению.

Остаться без армии сегодня — не значит остаться беззащитными навсегда. Достаточно

унизительным является уже тот факт, что от решения иностранных держав зависит, когда мы вновь сможем пользоваться правами свободной нации. Но сегодня вызванный нашим унижением гнев должен быть направлен на виновников этих бед. Мы должны проклинать высокомерие тех, кто привел нас к гибели, и глупость тех, кто без внутреннего протеста подчинился такому руководству.

Радикальный разрыв с нашим военным прошлым, который мы должны сегодня принять, ставит вопрос о том, как нам в принципе относиться к нашим историческим традициям. Невозможным и самоубийственным шагом было бы скопом бросить их в огонь, стать ренегатами. Однако привычная картина истории, с которой мы выросли, нуждается теперь в основательном пересмотре; мы должны четко разделить друг от друга истинные и ложные ценности в нашем прошлом. По нашему убеждению, на это парадоксальным образом способно лишь то историческое мышление, которое особенно хорошо воспринимает дьявольски тесную связь истинных и ложных ценностей в истории. На наш взгляд, к «вечным, железным, великим законам» бытия, о которых говорит Гёте в оде «Божественное»,

принадлежит и то, что добро и зло, Божественное и дьявольское часто неразрывно связаны друг с другом. В своей оде Гёте продолжает: «Лишь человек способен совершить невозможное — он различает, выбирает, судит». Как же невозможное становится возможным, как получается, что мы часто видим добро и зло неразрывно переплетенными друг с другом, но разделяем их нравственным суждением и действуем во имя добра? Логически этого никогда не понять, это необходимо испытать. Если наблюдатель рискнет взять на себя задачу отделить в нашем историческом прошлом добро от зла, высокое от низменного, заменить устаревшие представления новыми оценками, он все же должен сознавать, что остается человеком и находится в плену духа своего времени. Тем не менее нужно взяться за дело — с осознанием своей ответственности, с чистыми, гуманистическими, патриотическими помыслами!

С этой позиции мы выступаем против утверждения, которое часто доносится из лагеря победителей: все несчастья происходят якобы не из Третьего рейха, а возникли намного раньше, при Бисмарке, если не при Фридрихе Великом. Однако обе названные фигуры вызвали не

больше неурядиц, чем производит любое молодое государство, полное жизненных сил и соперничающее со своими более старыми соседями. Эти соседи долго боролись друг с другом за власть и влияние, и их, разумеется, не радовал новый источник беспокойства, создаваемый Фридрихом Великим и Бисмарком. Но все оставалось в рамках норм и границ старой Европы, культуре которой ничто не угрожало. И не следует ли упрекнуть прусский милитаризм на основе нашей же критики в том, что он привнес в развитие Запада элемент, враждебный культуре? В таком случае достойным осуждения оказывается и упомянутый выше военный закон 1814 года с всеобщей воинской обязанностью, которую, впрочем, ввели у себя одно за другим все остальные государства. Нельзя отрицать, что во всеобщей призывной системе есть демонический элемент, на который мы раньше не обращали внимание; он ярко проявил себя в масштабах Первой мировой войны, а в еще большей степени во Второй мировой, когда им злоупотребляли чудовищным образом. Все это подкрепляет главный печальный урок нашей эпохи: любая история есть трагедия. Суть этой трагедии заключена в неразрывном сплетении Божественного

с дьявольским в человеке; об этом пишет в своей глубокой книге о трагическом в истории Альфред Вебер¹²⁸.

Разумеется, Фридрих Великий и Бисмарк не только строили, но и разрушали; как мы уже могли видеть, критические замечания Константина Франца 1866 года содержат в себе долю исторической правды. Теперь мыслящему историку наверняка станет легче понять эти естественные связи между созиданием и разрушением, не забывая ни одного, ни другого; эмоциональное мышление профанов, напротив, слишком склонно к тому, чтобы бросаться из одной крайности в другую и сегодня сжигать то, что вчера почиталось как святыня. Высокое призвание немецкой исторической науки в будущем мы видим в том, чтобы демонстрировать одновременно любовь и строгость к нашему прошлому, первыми взяться за дело как сохранения истинных ценностей, так и выявления ложных, предостережения от них, если в том будет нужда.

Лишенная национально-политической самостоятельности, расколотая Германия, какой мы видим ее сегодня, может с гордой печалью вспоминать единство и силу, которыми обладала ранее. Ее прежнее стремление к единству и силе

не являлось, как считает Буркхардт в своих всемирно-исторических размышлениях, слепым движением масс, для которых культура ничего не значила. Буркхардт не до конца понял, что основой этого стремления в гораздо большей степени была когда-то великая идея внутреннего союза духа и силы, гуманизма и национализма, плодом коего стали большие культурные ценности. Но, как нам пришлось выяснить, этот союз распался по нашей собственной вине. Встает вопрос — должны ли мы снова попытаться воссоздать его? Первой помехой на этом пути являются сегодняшние властные отношения. Если бы мы попытались сейчас вернуть этому союзу надлежащую мощь, это привело бы лишь к беспомощным конвульсиям. Но и исходя из внутренних причин сегодня необходимо отказаться от этой мысли. Идея силы должна у нас сперва полностью очиститься от той грязи, которая налипла на нее в Третьем рейхе; только после этого она сумеет вновь вступить в союз с духом и культурой. Цели силы должны быть осознаны и мудро ограничены. Как выяснилось, стремление стать мировой державой являлось ложным идеалом. Уже одно наше геополитическое и физическое

положение делает эту цель недостижимой. Быть мировой державой — весьма неоднозначный выбор, это легко ведет к искушениям, с которыми бедная культура может оказаться не в состоянии справиться.

Нам могут возразить: разве наша прежняя, ныне разгромленная мировая политика не имела позитивного содержания, ставя своей целью создать физические возможности для жизни нашего сильно увеличившегося народа? Разве с потерей нашей силы не оказались под угрозой и эти физические основы нашей жизни? Сюда добавляются известные нам намерения победителей, заставляющие опасаться полной утраты наших восточных провинций, чье земледелие нас кормило, и сильного сокращения нашей промышленности, обеспечивавшей существование наших рабочих масс¹²⁹. Поневоле возникают самые мрачные опасения. Однако и нашей старой мировой политике, и стремлению Третьего рейха к мировому господству следует сделать упрек: они пытались достичь верной цели — обеспечить пропитание Германии в будущем — ложными, а напоследок и абсолютно ложными путями. В результате мы оказались в жалком положении,

когда наше физическое существование зависит только от предусмотрительности и мудрости победителей.

Сила в прежние времена становилась для нас самоцелью. Конечно, не у нас одних, а в рамках современного национализма в принципе. Однако силу, помимо тех услуг, которые она оказывает физическим жизненным потребностям народа, могут оправдать лишь услуги, которые она может оказать высшим духовным и интеллектуальным ценностям человечества, культуре и религии. Разумеется, историки прекрасно знают, что в реальности дело обстоит иначе, и мощь государства снова и снова превращается в самоцель. Но историку подобает после каждого взгляда на реальную действительность обращать свои взоры к высшим умам человечества. Видимый контраст между реальностью и идеалом выглядит трагически; но трагическим является и сам характер истории, которую ему надлежит изучать.

Историк должен описывать и оценивать ход событий, но не вмешиваться в него. Однако времена больших кризисов выводят нас за пределы нашей профессии. Поэтому поговорим о том, как мы представляем себе роль силы в нашем грядущем, пока еще совершенно бессильном

существовании. Мы сможем вернуть ее себе, лишь став частью будущей добровольной федерации центрально- и западноевропейских народов. Естественно, эта конструкция Соединенных Штатов Европы будет существовать под эгидой держав-победительниц. Нет смысла подробно обсуждать сегодня те проблемы, которые будут порождены этим обстоятельством; однако взгляд на малые соседние германские народы может преподать нам несколько уроков. Швеция и Голландия являлись некогда европейскими великими державами, а Швейцария некоторое время в начале XVI столетия вела своего рода великодержавную политику. Сегодня у них ровно столько сил, чтобы, будучи атакованными, мужественно сражаться; их боевой дух остался живым и здоровым. Однако добиться успеха в такой борьбе они могут, лишь опершись хотя бы на одну из великих держав. Именно так будет выглядеть наша будущая судьба. Мы оказались в той же исторической ситуации, что и три перечисленных народа и государства: быть потухшим кратером большой державной политики и все же ощущать в себе призвание оставаться храбрыми и готовыми дать отпор. Эти три народа всей своей культурой продемонстрировали

свою жизненную силу. Они страдают не более, чем мы, от проблем последнего времени, когда спонтанная духовная творческая сила индивида вынуждена бороться с напором масс и уравнительным техницизмом. Каждый из трех народов в течение жизни последних поколений принес нам прекрасные, уникальные, незаменимые плоды поэзии, искусства и наук. В моей собственной профессиональной области назову лишь три имени: Якоб Буркхардт, Хёйзинга¹³⁰ и Челлен¹³¹. Ни один из этих народов не забыл о тех временах, когда он сражался. Он чтит и любит былых героев, даже если теперь для подобного героизма нет места.

Жизнь, которую ведут сегодня три названных народа, есть нечто большее, чем простой старческий удел в семье народов. Все духовные силы и энергии человека находят здесь простор для реализации. последуем и мы их примеру.

Вероятно, нас спросят, ссылаясь на сказанное нами: а как будут обстоять дела с главным и финальным течением эпохи, слиянием обеих волн — национального и социалистического движения? Отвечаем: это слияние не может быть плодом осознанного рационального планирования, оно является результатом постепенной

эволюции, которая у каждого народа принимает свою форму. К примеру, в сегодняшней Англии само существование, позиция и успех Лейбористской партии демонстрируют, что вполне возможно соединить сильные национальные чувства с сильной социалистической волей. Национал-социалистический эксперимент Гитлера был столь нездоровым именно потому, что содержал в себе национальный элемент лишь в жутком обличье выродившегося, необузданного национализма, расового безумия. В результате и социалистический элемент, вливавшийся в него с другой стороны, немедленно оказался извращен и лишен своих лучших черт. Потому что социальная и социалистическая мысль и действие являются сегодня ничем иным, как следованием общечеловеческому идеалу, гуманизмом в его конкретном современном воплощении. Этот гуманизм должен идти на пользу не только собственному народу, но и всему человечеству. Социальное и гуманистическое мышление на сегодняшней стадии развития Запада являются одним и тем же, и об этом нам постоянно напоминает факт роста народных масс. По-настоящему благодатное соединение национального и социалистического движения может произойти

только в том случае, если первое из них освободится от националистической опухоли и гуманизируется. Ritornar al segno* — такова его задача, она же задача всех народов Запада! Разве Гердер в своем эпохальном выступлении не провозгласил принцип гуманности одновременно с принципом национальности?

Таковы робкие пожелания на будущее. Удастся ли их осуществить? Мы этого не знаем. Слияние обеих волн нашей эпохи, которое мы видим в перспективе, может вновь принять другие, худшие формы. Наша задача как народа — под лозунгом гуманности работать над очисткой и углублением нашей духовной сущности. Наши дома разрушены, пространство для пропитания сократилась. Но в Третьем рейхе не было ни жилья, ни питания для немецкой души. Вновь отвоевать его — как минимум столь же настоятельная задача, как строительство домов и производство пищи.

Мы знаем те места, которые нам нужно вновь духовно заселить. Их имена — религия и культура немецкого духа. Вероятно, религиозная потребность обрести в несчастье небесную опору

* Вернуться к знаку (*ит.*) — в музыке обозначение, предписывающее еще раз повторить последний музыкальный фрагмент.

будет еще сильнее, чем после Первой мировой войны, потому что любая иная опора стала еще более зыбкой, чем в те годы. Католическая церковь и протестантская исповедующая церковь уже готовятся своими средствами добраться до сердец человеческих. Католическая церковь вновь может организовать крестный ход, и во франконской деревне, где я пишу эти строки, как раз празднуют день местночтимого святого покровителя. Старая церковь обильно украшена цветами, деревенские жители столпились в ней, и над тяжелыми крестьянскими буднями вновь воссиял горный свет. Исповедующей церкви сложнее возглавить народное движение, но и вокруг нее собираются верующие люди.

Весьма примечательно, как относятся к этим движениям победители, властвующие ныне над нами. В моем уезде американские коменданты охотно обращаются по всем мелким вопросам к католическим пасторам. Что касается оккупированной русскими части Германии, то мне рассказывали, что власти назначили особенно активному священнику исповедующей церкви самую большую надбавку за тяжелые условия труда и что духовенство в принципе получает сравнительно хорошие продовольственные пайки. Мы знаем, почему это происходит, и идем по тому

пути, который указывают нам наши собственные потребности.

Однако для того, чтобы это обращение к алтарям наших отцов не превратилось в поверхностные обряды и уж тем более в возобновление старой конфессиональной распри, необходимо нечто новое, духовный плод совместно пережитого подавления христиан тем язычеством, которое принес с собой Третий рейх. Он подавлял все, что содержало общие религиозные ценности и выросло за тысячелетие на почве западной христианской семьи народов — от масонов до католической церкви, о чем мы уже говорили. Действительно, разве нет ничего общего в этих сферах, некогда боровшихся друг с другом? Оно есть и в целом стоит перед нашими глазами: вера в священный источник добра, почтение к вечному и абсолютному. Погружение души в то состояние, которое набожный христианин называет «состоянием детей божьих», признание совести «солнцем нашей нравственности», то есть возвышение над дном человеческой души и подчинение общечеловеческому, вечному нравственному закону, оставляющему далеко внизу вопросы крови и расы. Более глубокий анализ позволит распознать еще более тонкие черты этого общего достояния христианского Запада.

Существование этого достояния прекрасно само по себе. Однако никто не должен извлекать из него примитивную идею создания новой общей западной религии будущего. В результате подобного подхода это достояние утратило бы полноту и разнообразие индивидуальностей, а ведь формирование, сохранение и соединение их в высших творениях и является сущностью исторической жизни. Многообразны пути к Господу, и это многообразие заслуживает уважения. Не просто терпимости, но уважения друг к другу требуем мы от всех Церквей, исповеданий, сект и течений, находящихся на общей западной христианской религиозной почве. В отношениях католической и исповедующей церковью это взаимное уважением возникло уже в годы преследований. Их сблизило не столько содержание, сколько позитивный характер их учений, общее стремление к прочным, нерушимым догматическим основам. Поэтому им сложнее, чем нам, свободно и открыто мыслящим, выработать искреннее уважение к каждому действительно религиозному движению, вне зависимости от степени его догматизма. Для нас же это уважение само становится религией, благоговейным отношением к обилию путей, ведущих к Божественному. Наш особый путь к нему не только

не мешает, а скорее побуждает нас стремиться к еще более высокому сообществу всех христиан. Так могло бы возникнуть экуменическое христианство, четко отделяющее себя от язычества, в особенности от новейшего язычества — расового культа, — и отличающееся от него хотя бы тем, что осознает себя в прямой исторической преемственности с жизнью, учением и жертвенной смертью Иисуса. Пусть только обе самые могучие христианские корпорации — католическая и исповедующая церковь — сохранят и в дальнейшем свой позитивный характер. Это является частью их сущности, и это следует уважать. Тогда можно будет ограничиться пожеланием и надеждой, что они признают частью христианского мира все остальные корпорации, стоящие на почве общего наследия, чтобы они ценили объединяющее всех нас выше, чем разделяющее. Мы все — в общей опасности и нужде; и наша немецкая нужда есть общая нужда христианского Запада. Ведь повсюду религиозной жизни угрожает опасность иссушения в результате воздействия современной цивилизации. Все наши религиозные движения на христианской основе помогут преодолеть пропасти, разделяющие народы и примирить победителей с побежденными.

Поэтому нас не пугает перспектива видеть протестантизм, как и в прежние времена, не догматически связанным единством, а букетом разных направлений. В конечном счете вообще невозможно добиться такого единства, не лишив церковной родины бесчисленное количество верующих. Здесь мы тоже должны перейти в определенной степени от унитарного идеала к федеративному решению. Последнее не станет включать в себя, к примеру, столь лживое творение, как «Немецкие христиане», но с готовностью примет в свои ряды такое энергичное и полное жизненных сил течение, как основанное в 1922 году Риттельмейером Сообщество христиан. К церковной раздробленности в Соединенных Штатах можно относиться как к чисто социологическому феномену — но нельзя отрицать, что истинные религиозные силы находят себе место в таких условиях и помогают формированию общего американского духа.

*

Сегодня всё, всё без исключения зависит от нашего осознания себя. Мы называли культуру немецкого духа второй из областей, откуда может исходить подобное осознание. Творение

бисмарковской эпохи разбито по нашей же вине, и по его руинам мы должны найти тропу к эпохе Гёте. Одаренные поколения, жившие в те времена, смогли достичь высот, поскольку отдельные люди, объединившись в маленькие кружки друзей, устремились к идеалу личного, индивидуального образования, одновременно имевшего общечеловеческий смысл и содержание. Они достигли этого идеала. Религиозное обновление, к которому мы стремимся, есть в основе своей дело каждой нуждающейся в исцелении души, однако оно с самого начала намного сильнее побуждает нас создавать общины. Большинству она дает чувство безопасности и защищенности только благодаря членству в общинах, благодаря Церкви. Это значит, что здесь с самого начала нужна сильная организация. Однако организация всегда подразумевает вступление в общие ряды, отказ от части своей индивидуальности. Можно ли таким образом поддержать духовную культуру? Разве не требует она наличия индивидуального пространства, одиночества, углубления внутрь самого себя? Сомнения в ценности организации начинаются уже в высшей школе, в экзаменационной системе, где формальности играют столь большую роль в ущерб сути. В эпоху

Гёте внешнее отступило и внутреннее могло развиваться свободнее. Мы не сможем ее копировать, на нас слишком сильно давит все то, что создано и организовано во внешнем мире за прошедшие годы. Парадоксальным образом мы должны прибегнуть к организационным средствам, чтобы оградить внутренний порыв к образованию от давления организаций. Сколь высокой степенью организации отличается сегодня, к примеру, сфера концертов; повседневная жизнь человека искусства оказывается захвачена водоворотом современной индустрии, в то время как дворцовые и домашние концерты эпохи Гёте делали творчество намного более свободным, живым и спонтанным.

Наша духовная культура — в первую очередь искусство, поэзия и наука — была в значительной степени подчинена внешнему цивилизирующему аппарату. Сейчас он лежит в руинах, и его невозможно воссоздать в былом виде. Вероятно, по некоторым соображениям это и не нужно. Было бы намного лучше, если бы немецкий дух мог снова развиваться так свободно, индивидуально, спонтанно и непринужденно, как когда-то, без всяких теплиц. И все же он нуждался бы в определенной организационной поддержке,

чтобы предоставить начальную пищу жаждущим духовности и красоты.

К редким утешительным явлениям наших дней относится тот факт, что во многих немецких землях такие устремления вновь оживают. Мы слышим о создании в городах культурных союзов и кружков, о театральных представлениях, являющих миру забытые сокровища немецкой драматургии. Молодежь и старики толпятся на концертах, где играют великую немецкую музыку. Местами прямо говорится о том, что таким образом следует денацифицировать немецкий дух. Не стоит говорить об этом слишком часто, не стоит столь прямо выражать то, что должно быть нашим сокровенным желанием. В этой сфере не должно быть слишком много организационного, и то же самое касается практического, переходящего в политическую сферу: необходимо действовать, соблюдая такт и меру. Духовная жизнь, стремление к духовным ценностям являются самоцелью, их эффект больше всего там, где они могут развиваться без влияния политических тенденций. Даже на политическую сферу они будут действовать самым глубоким и благоприятным образом в том случае, если пойдут своим путем, спонтанно и без принуждения.

Таким образом, мы хотим как можно более свободного и непринужденного обращения с этими культурными стремлениями. Тем самым удастся достичь и еще одной весьма желательной цели, которую нельзя преследовать слишком прямолинейно и напористо; речь идет о восстановлении духовного контакта с другими западными народами. Дело обстоит так, что именно развитие нашей особой, индивидуальной немецкой духовной жизни позволит самым чистым и естественным путем установить связь с духовной жизнью остальных народов. Есть ли что-нибудь более индивидуальное, более немецкое, чем немецкая музыка от Баха до Брамса? А ведь именно она была с наибольшей благодарностью принята остальным миром и способствовала нашему с ним сближению. Такой же универсальный эффект, как с немецкой музыкой, мы наблюдаем в других областях — искусство, поэзия, наука — лишь у отдельных больших творений. Однако специфическое, истинно немецкое творение духа неизменно обретало универсальное значение для всего Запада. Есть ли что-нибудь более немецкое, чем «Фауст» Гёте? А сколь велико было его влияние на Европу! Осознание того, что неподражаемые творения сокровенной народной

души приобретают универсальное значение, не связано исключительно с отношениями между немецким и западным духом. Это — основной закон западного культурного сообщества, о котором необходимо сказать и который стоило бы рассмотреть намного глубже, чем возможно на страницах этой книги. Нет ничего более итальянского, чем Мадонна делла Седиа¹³², которая в то же время оказывает волшебное воздействие на любого чувствующего культурного человека Запада. Драмы Шекспира глубоко укоренены в английской почве, но они невероятным образом потрясли и пропитали собой весь Запад. Чтобы приобрести универсальное значение, такие творения должны неизменно проистекать из наивного, древнего и органичного духа конкретного народа. Они должны создаваться свободно, спонтанно, без задней мысли, самыми сокровенными внутренними порывами. Стоит только возникнуть тщеславному желанию продемонстрировать Западу превосходство собственного народного духа — как это пытался сделать Третий рейх, охваченный расовым безумием, — и универсальный эффект утрачивается, другие народы с насмешкой отвергают подобные творения.

Четыре десятка лет назад я попытался в контексте политической истории показать, что космополитическая буржуазия и современная национальная идея изначально не противоречили друг другу, а скорее находились в плодотворном диалоге, или, как сказали бы Гёте и Гегель, в диалектической борьбе и единстве противоположностей. Сегодня, после целой эпохи чудовищных потрясений, мы приходим к выводу о том, что та же диалектика существует и в западной культуре. Космополитическая буржуазия и национальный дух сегодня не противоречат, а переплетены друг с другом. Космополитическое культурное сообщество христианского Запада — в том виде, в каком оно существовало и в каком мы страстно желали бы видеть его новый расцвет, — было создано не только благодаря высшим, универсальным по своей сути идеям и идеалам, но и совершенно индивидуальным, неподражаемым вкладом отдельных народных душ. Все самое универсальное и самое индивидуальное встречается здесь и оплодотворяет друг друга. Не является ли это высоким утешением для нас в нашей нынешней трагической ситуации? Нам не нужно какое-то радикальное переучивание, чтобы вновь стать действительным членом западного

культурного сообщества. Исчезнуть без остатка должна только нацистская мания величия со своим бескультурием, своей культурой вырождения. Однако на ее место должен прийти не бледный, бессодержательный, абстрактный космополитизм, а космополитическая культура, в формирование которой вносил свой вклад в прошлом и должен вносить в будущем индивидуальный немецкий творческий дух. Мы верим, что найдя путь к самому себе, этот дух еще выполнит свою особую, незаменимую миссию внутри западного сообщества.

*

Да будет мне позволено озвучить в завершение скромную мечту, относящуюся ко всему вышесказанному. Она пришла ко мне в ужасные недели после крушения и связана с теми инициативами по развитию нашей культурной жизни, о коих уже было упомянуто. В этой сфере мы можем использовать даже тот успешный опыт, который происходит из Третьего рейха. Хитрый Геббельс прекрасно знал, как поймать невинные души, положив пару хороших, достойный «товаров» на «витрину» партии. Каждое воскресное

утро, чтобы отвлечь людей от богослужения, радио передавало «Волшебную шкатулку» с самой прекрасной немецкой музыкой и избранными поэтическими шедеврами. Я также слышал о том, что незадолго до крушения старый Фридрих Кайсслер¹³³ организовал в Доме Харнака в Далеме¹³⁴ «вечер имени Гёте», где перед маленьким, но необычайно восприимчивым кругом слушателей декламировал стихи великого поэта. Наконец, мои мысли возвращаются к грекам, которые поначалу лучше воспринимали Гомера благодаря рапсодиям, к которым они прислушивались, чем благодаря чтению. У нас тоже имелись некоторые инициативы по развитию искусства декламации, призванные напомнить о том, что поэзия изначально представляла в живом звучании устного слова, а не на бумаге.

Мы хотели бы, чтобы в каждом немецком городе, в каждой большой деревне возникло сообщество культурных единомышленников; я бы предпочел называть их «общины Гёте». Не станет ли это, возразят некоторые, недобросовестной конкуренцией с давно существующим Обществом имени Гёте, базирующимся в Веймаре и имеющим многочисленные филиалы? Я надеюсь, что ответ будет отрицательным; задачи

слишком разные, а монопольных прав на имя Гёте существовать не должно. Я считаю вполне реальным и желательным близкий и плодотворный союз между членами Общества имени Гёте и «общинами Гёте» — не только на организационном, но и на личном уровне.

«Общинам Гёте» выпадет задача голосом донести до сердец слушателей живые свидетельства величия немецкого духа; речь идет о благороднейших образцах немецкой музыки и поэзии. В пользу такого предложения говорит и нехватка книг, возникающая в результате гибели в огне столь многих библиотек, издательств и книжных магазинов. Кто сегодня является обладателем хотя бы самых любимых своих изданий — Полных собраний Гёте, Шиллера и т. д.? У многих молодых людей, вероятно, первая встреча с незабываемыми стихотворениями Гёльдерлина, Мёрике, Мейера, Рильке¹³⁵ состоится в рамках музыкально-поэтических встреч «общин Гёте», которые мы желали бы видеть повсеместно и регулярно. Они могли бы проходить еженедельно, воскресными вечерами — и по возможности в церквях! Ведь религиозная основа нашей великой поэзии делает уместным, даже требует своего выражения в таком символическом контексте.

В начале и конце этих празднеств должна звучать великая немецкая музыка — Бах, Моцарт, Бетховен, Шуберт, Брамс и другие.

Лирика, интеллектуальная поэзия должны образовывать внутреннее ядро этих церемоний. Лирика в том чудесном образе, который находит свое высшее воплощение у Гёте и Мёрике, где душа становится природой, а природа — душой. Глубокомысленная интеллектуальная поэзия, какой мы встречаем ее у Гёте и Шиллера, есть, возможно, самое немецкое во всем немецком литературном наследии. Погрузившийся в нее увидит среди несчастий нашей страны, среди разрушений нечто нерушимое, немецкий *character indelebilis**.

Помимо стихотворений, на церемониях должны звучать и избранные фрагменты немецкой прозы. Можно было бы составить «Малую настольную книгу для общин Гёте», которая содержала бы в себе отсылки к этим произведениям и примерные программы церемоний, а также

* Неизгладимый знак (*лат.*) — согласно католическому вероучению, неизгладимый след, который оставляют в душе христианина три таинства: крещение, миропомазание и священство.

разного рода организационные советы. Не буду развивать эту мысль, чтобы не мешать свободной творческой деятельности каждого. Именно от отдельных людей, от личностей, от тех немногих, кто объединится поначалу в «общинах Гёте», должна исходить инициатива, развиваясь без всяких ограничений в самых разных формах.

*

Наше государство разгромлено, обширные немецкие территории потеряны. Иностранное господство надолго стало нашей участью. Удастся ли спасти немецкий дух? Еще никогда в своей истории ему не требовалось проходить через подобные испытания. Исторические примеры успехов и неудач нам не слишком помогут; ведь каждая новая задача уникальна. При попытке решить эту задачу нас должны наполнять глубокая вера и робкое беспокойство. Однако если мы поднимем свой взгляд к высшим сферам вечного и Божественного, то услышим ответ: «Мы даем вам надежду».

КОММЕНТАРИИ

Предварительное замечание

- ¹ Вильгельм Грёнер (1867–1939) — немецкий генерал и политик. Поддерживал Веймарскую республику, в которой занимал ряд важных государственных постов. В 1928 г. был назначен министром рейхсвера (военным министром), в 1931 г. стал одновременно министром внутренних дел. В 1932 г. начал проводить более жесткий курс в отношении национал-социалистического движения, в частности, став инициатором запрета штурмовых отрядов (СА). В том же году покинул свои посты в связи с отставкой кабинета Генриха Брюнинга.
- ² Генрих Брюнинг (1885–1970) — немецкий политик, один из руководителей католической партии Центра. В 1930–1932 гг. занимал пост имперского канцлера. На этом посту ему пришлось иметь дело с тяжелыми последствиями экономического кризиса, стремительным ростом популярности радикальных партий, нарастающей нестабильностью политической системы Веймарской республики.

В результате Брюнинг был вынужден править, опираясь не на парламентское большинство, а на президентские декреты, что дополнительно расшатывало конституционную систему. Стремился добиться отмены репараций, для чего откладывал принятие антикризисных мер внутри страны. Несмотря на определенные внешнеполитические успехи, провал внутренней и экономической политики Брюнинга привел к тому, что он утратил доверие президента и стал мишенью для критики различных политических сил. В мае 1932 г. вышел в отставку. После прихода Гитлера к власти, в мае 1933 г. стал последним председателем партии Центра перед ее роспуском. В 1934 г. эмигрировал.

- ³ Людвиг Бек (1880–1944) — немецкий генерал, в октябре 1933 г. стал главой Войскового управления в министерстве рейхсвера, в 1935 г. преобразованного в Генеральный штаб сухопутных войск. На этом посту активно участвовал в наращивании германских вооруженных сил, однако выступал против военных планов Гитлера, считая их авантюрными. Стал одним из организаторов оппозиции режиму в рядах высшего командного состава. В 1938 г. отправлен в отставку. В дальнейшем являлся одной из центральных фигур консервативного Сопротивления, участвовал в подготовке заговора 20 июля, после провала которого застрелился.

1. Две волны нашей эпохи

- ⁴ «Прусский ежегодник» — один из наиболее влиятельных интеллектуальных журналов Германии, выходивший с 1858 по 1935 г. Изначально отличался умеренно либеральными политическими симпатиями, затем в возрастающей степени склонялся к консервативному национализму.

2. Немецкий народ до и после основания империи

- ⁵ Имеется в виду Индустриальная (Промышленная) революция.
- ⁶ Речь идет об оккупации германских государств французскими войсками в ходе Наполеоновских войн, последняя фаза которых — 1813–1815 гг. — получила в немецкой традиции название Освободительных войн.
- ⁷ Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) — немецкий ученый-гуманист и государственный деятель, основатель Берлинского университета. Выступал за реформы образовательной системы, которые обеспечивали бы развитие индивидуальности.
- ⁸ Карл Фридрих Цельтер (1758–1832) — один из самых известных и влиятельных немецких композиторов и музыкантов начала XIX в.

⁹ Речь идет о реакционной политике, проводившейся в германских государствах после окончания Наполеоновских войн.

¹⁰ Фридрих Христоф Дальман (1785–1860) — немецкий историк и политик, представитель либерального движения. В период германской революции 1848/49 гг. являлся депутатом Национального собрания во Франкфурте-на-Майне, активно участвовал в выработке конституции. Его перу принадлежит ряд работ о европейских революциях.

¹¹ Генрих фон Трейчке (1834–1896) — один из крупнейших немецких историков XIX в., автор множества работ по германской истории. Являлся представителем так называемой «младогерманской школы», поддерживавшей объединение Германии вокруг Пруссии и формировавшей миф об изначальной «исторической миссии» династии Гогенцоллернов. В 1886 г. получил официальное звание историографа прусского государства. Помимо исторических исследований, активно занимался публицистикой и политической деятельностью, в 1871–1884 гг. депутат рейхстага. Изначально либерал и противник Бисмарка, Трейчке в дальнейшем стал поклонником «железного канцлера», его взгляды становились все более консервативными. Известен также как убежденный антисемит, именно ему принадлежит авторство печально знаменитой фразы: «Евреи —

наше несчастье». Антисемитизм Трейчке вызывал резко отрицательную реакцию многих его коллег, в 1879 г. вокруг его высказываний вспыхнула масштабная общественная дискуссия, получившая название «Берлинского спора об антисемитизме».

- ¹² Рисорджименто (*ит.* возрождение) — движение за создание единого итальянского государства в XIX в.
- ¹³ Фридрих Вильгельм I (годы правления 1713–1740) — прусский король, отец Фридриха II (Фридриха Великого). Вошел в историю как «король-солдат». Приложил большие усилия для создания сильной армии и развития прусской экономики, заложив основы внешнеполитических успехов своего наследника и превращения Пруссии в великую европейскую державу. Считается основоположником прусской военной системы и прусского милитаризма.
- ¹⁴ Имеется в виду прусский король Фридрих Вильгельм III (годы правления 1797–1840), после окончания Наполеоновских войн отказавшийся от реформаторского курса и перешедший к реакционной политике.
- ¹⁵ Так называемые «Великие реформы», или «реформы Штейна-Гарденберга», проходившие в 1807–1814 гг. и включавшие в себя глубокую модернизацию многих сфер прусского государства и общества — от аграрного вопроса до вооруженных сил.

- ¹⁶ Герман фон Бойен (1771–1848) — прусский военный деятель, принадлежал к группе реформаторов в рядах прусского офицерского корпуса. В 1814–1819 гг. занимал пост военного министра, провел ряд важных преобразований, включая введение в 1814 г. всеобщей воинской обязанности. Его отставка считается символическим завершением эпохи реформ. В 1841–1847 гг. вновь занимал пост военного министра при Фридрихе Вильгельме IV, однако играл скорее символическую роль.
- ¹⁷ В рамках системы всеобщей воинской обязанности представители имущих и образованных слоев имели право служить на льготных условиях — «добровольцами с годичным сроком службы». Такой доброволец сам нес все расходы, связанные со службой в армии. В течение года службы (вместо двух-трех в рамках обычного призыва) он фактически проходил ускоренную подготовку к получению звания офицера резерва. В связи с высокой популярностью армии в немецком обществе конца XIX — начала XX века звание «лейтенанта резерва» было весьма желанным для молодых представителей немецкой буржуазии. Впоследствии оно стало одним из главных символов «милитаризма простых людей» в Германской империи.
- ¹⁸ Пауль фон Гинденбург (1847–1934) — немецкий военный и государственный деятель. После начала Первой мировой войны был назначен командующим

8-й армией на Восточном фронте, в сентябре одержал победу над двумя российскими армиями в Восточной Пруссии. В ноябре 1914 г. назначен командующим германским Восточным фронтом, в 1916 г. — начальником генерального штаба армии, то есть фактическим главнокомандующим. В годы Первой мировой войны пропаганда изображала его непобедимым полководцем, в Германии сложился настоящий культ личности Гинденбурга. В 1919 г. вышел в отставку. В 1925 г. победил на президентских выборах; на посту президента в целом сохранял верность конституции, однако с течением времени демонстрировал все более авторитарный стиль руководства и попадал под все более сильное влияние неформальных советников из своего консервативного окружения. В 1932 г. вторично выиграл президентские выборы как кандидат всех политических сил, противостоявших Гитлеру (кроме коммунистов). В январе 1933 г. под влиянием своего окружения назначил Гитлера главой правительства.

¹⁹ Так называемый «День Потсдама» — торжественная церемония в гарнизонной церкви Потсдама, приуроченная к открытию заседаний рейхстага, избранного 5 марта 1933 г. Была призвана подчеркнуть преемственность традиций между старым прусским государством и Третьим рейхом.

²⁰ Теодор Фонтане (1819–1898) — один из самых известных и плодотворных немецких писателей XIX в.,

работавший в жанре реализма. Помимо художественных произведений, являлся автором множества путевых заметок, а также популярной истории войн 1864–1871 гг.

- ²¹ В результате Немецкой (австро-прусской) войны 1866 г. Пруссия смогла утвердить свое лидерство в Германии, проложив путь к дальнейшему объединению.
- ²² Константин Франц (1817–1891) — немецкий философ, публицист и политик. Выступал за создание федерации малых и средних германских государств — «Третьей Германии», независимой как от Австрии, так и от Пруссии.
- ²³ Карл Христиан Планк (1819–1880) — немецкий философ, выступал против объединения Германии под эгидой Пруссии.
- ²⁴ Имеется в виду прусский «конституционный конфликт» начала 1860-х гг. — противостояние короля и парламентского большинства по вопросу военной реформы в Пруссии, превратившееся в вопрос о соотношении монархического и парламентского начал в государстве. Именно в контексте этого конфликта Бисмарк осенью 1862 г. был назначен главой прусского правительства. Проводя жесткую линию по отношению к либеральной оппозиции, он одновременно стремился разрешить конфликт за счет внешнеполитических успехов в германском вопросе.

- ²⁵ Герман Альвардт (1846–1914) — немецкий политик и публицист, идеолог радикального антисемитизма. Начиная карьеру в системе народного образования, однако был выгнан со службы за растрату. В конце 1880-х гг. начал публиковать многочисленные антисемитские тексты, заявляя о существовании еврейского заговора против Германии и требуя изгнания или уничтожения евреев. В 1892–1902 гг. депутат рейхстага. Один из основателей Антисемитской народной партии, которая, однако, не добилась политического успеха. Последователи называли его «ректором всех немцев».
- ²⁶ Мейнеке сознательно или бессознательно игнорирует авторитарную традицию, характерную для абсолютистских государств раннего Нового времени, включая Пруссию XVIII века. Все перечисленные им черты: приоритет прав государства перед правами личности, стремление к централизованному управлению хозяйственными процессами и т. д. — существовали уже в рамках этой традиции. Приписывать их возникновение социалистическому движению совершенно безосновательно.
- ²⁷ Фридрих Науман (1860–1919) — немецкий политик, один из ведущих деятелей германского либерализма рубежа XIX–XX вв. Будучи священнослужителем, выступал за «обновление либерализма», ориентацию на широкие массы населения и сотрудничество либералов с социал-демократами.

Основанный им Национально-социальный союз просуществовал с 1896 по 1903 г., далее Науман стал членом леволиберального Свободомыслящего объединения. В 1907–1912 и 1913–1918 гг. являлся депутатом рейхстага. После начала Первой мировой войны публично поддержал правительственную политику. В 1915 г. опубликовал нашу-мевшую книгу «Срединная Европа» (Mitteleuropa), где сформулировал лозунг «либерального империализма» и выступил за создание единого центральноевропейского экономического пространства под эгидой Германии. После крушения монархии в 1918 г. стал одним из основателей и первым председателем Немецкой демократической партии, являлся также депутатом Национального собрания в Веймаре. В ранней ФРГ рассматривался как одна из ключевых фигур в истории немецкого либерализма, в настоящее время его деятельности историками даются различные оценки, в том числе негативные.

- ²⁸ Мейнеке здесь ссылается на так называемое «Августовское переживание» — всеобщий национально-патриотический подъем в Германии после начала Первой мировой войны. Исследования последних десятилетий показывают, что «Августовское переживание» являлось в значительной степени мифом, широко используемым военной пропагандой. В реальности военный энтузиазм был характерен

в 1914 г. далеко не для всех групп германского населения.

- ²⁹ Как и во всех крупных европейских странах, в Германии большинство социал-демократов не выступило против начавшейся Первой мировой войны, а поддержало свое правительство. Однако по мере затягивания войны среди социал-демократов наблюдался рост антивоенных настроений, что в конечном счете привело к их расколу и усилению революционных левых, ставших затем основоположниками Коммунистической партии Германии.
- ³⁰ Ганс Дельбрюк (1848–1929) — крупный немецкий историк, специализировавшийся в первую очередь с области военной истории, а также праволиберальный публицист и политик. Являлся главным редактором «Прусского ежегодника» в 1883–1919 гг. — сначала совместно с Трейчке, однако последний ввиду нараставших разногласий между ними был вынужден в 1889 г. покинуть редакцию.
- ³¹ Пангерманский союз был создан в 1891 г. и объединил в своих рядах радикальных националистов, требовавших реакционной внутренней и экспансионистской внешней политики. В начале XX в. выдвигал все более радикальные лозунги, критикуя государственное руководство за слабость и нерешительность. Вел активную агитационную работу. Впоследствии влияние Пангерманского союза часто переоценивалось; в реальности в нем напрямую

состояло около 20 тыс. человек, косвенно через ассоциированные структуры — еще 130 тыс., на порядок меньше, чем в католических или социал-демократических организациях. В то же время Пан-германский союз справедливо считается одним из прямых предшественников национал-социализма.

³² Хакатистами называли членов основанного в 1894 г. «Союза содействия германизму в восточных марках», главной целью которого являлось усиление «немецкого элемента» в восточных регионах Германской империи с преобладающим польским населением. Впоследствии термин «хакатист» использовался для обозначения любого приверженца идей германизации польских регионов.

³³ Фридрих Паульсен (1846–1908) — немецкий философ и педагог, один из самых влиятельных мыслителей своего времени. Выступал за модернизацию немецкой системы среднего и высшего образования.

3. Немецкий народ в Первой мировой войне

³⁴ Поскольку Россия первой начала всеобщую мобилизацию (30 июля 1914), германское правительство имело возможность заявить о том, что его дальнейшие шаги, включая мобилизацию и объявление войны России, носят вынужденный и оборонительный характер. Поскольку всеобщая мобилизация в начале XX в. действительно с высокой

степенью вероятности означала намерение начать войну, это объяснение было достаточно убедительным. Вопрос о действиях российского руководства во время Июльского кризиса 1914 г. и ответственности различных стран за начало Первой мировой войны по сегодняшний день носит дискуссионный характер.

³⁵ Макс Хильдеберт Бём (1891–1968) — немецкий политик, публицист и социолог. По своим политическим убеждениям являлся умеренным консервативным националистом. В межвоенный период являлся одним из деятелей т.н. «консервативной революции» — немецкого интеллектуального течения, направленного на обновление консерватизма и национализма. В 1932 г. опубликовал книгу «Самостоятельный народ», в которой пропагандировал идеи корпоративизма и «народного сообщества». В период Третьего рейха преподавал в Йенском университете, в целом поддерживая национал-социализм. После 1945 г. занимался в основном публицистической и организационной деятельностью, связанной с представительством интересов немцев, изгнанных с т.н. «восточных территорий».

³⁶ Карл Либкнехт (1871–1919) — лидер левого крыла германской социал-демократии. После Ноябрьской революции 1918 г. сыграл ключевую роль в создании Коммунистической партии Германии.

После подавления коммунистического Январского восстания 1919 г. в Берлине арестован и убит офицерами контрреволюционных войск.

³⁷ Губертусбургский мир был заключен в 1763 г. Пруссией, Саксонией и Австрией и фактически завершил Семилетнюю войну (1756–1763) в Европе, в ходе которой Пруссии с большим трудом удалось противостоять коалиции в составе России, Франции и Австрии. По условиям мирного договора, стороны в целом возвращались к довоенному статус-кво. Семилетняя война в мифологизированном облике «героической борьбы против всей Европы» занимала в дальнейшем особое место в исторической памяти прусского, позднее германского общества.

³⁸ Речь шла о будущей судьбе этих территорий, оккупированных в ходе войны немецкой армией.

³⁹ Партия Центра, основанная в 1870 г., представляла в парламенте интересы католического населения Германии. Ее политические установки были несколько эклектичными, сочетая в себе консерватизм, умеренный либерализм и христианский социализм. В период Веймарской республики занимала в партийной системе центристские позиции, являясь одной из ключевых сил, поддерживавших республику.

⁴⁰ Фридрих Риттельмейер (1872–1938) — протестантский теолог, автор множества популярных книг

и брошюр религиозного содержания. В последние годы Первой мировой войны выступал за скорейшее заключение мира. В дальнейшем увлекся антропософией, в 1920-е гг. являлся лидером «Движения за религиозное обновление». Его мемуары были опубликованы в 1937 г.

4. Первый послевоенный опыт

⁴¹ Легенда об ударе кинжалом в спину — созданное и активно распространявшееся германскими националистическими кругами после окончания Первой мировой войны ложное утверждение о том, что причиной поражения Германской империи в 1918 г. являлось предательство со стороны оппозиционно настроенной части общества (в первую очередь, социал-демократов).

⁴² Зигфрид фон Кардорф (1873–1945) — немецкий политический деятель. До 1920 г. находился на государственной службе, далее занимался партийно-политической деятельностью, являясь в 1919–1924 гг. депутатом прусского, в 1920–1932 гг. общегерманского парламента (рейхстага). Являясь умеренным консерватором по своим убеждениям, изначально примкнул к консервативно-националистической Немецкой национальной народной партии, однако в 1920 г. перешел в Немецкую народную партию, поддерживавшую Веймарскую

республику. В начале 1930-х гг. выступал против национал-социализма. После прихода Гитлера к власти отошел от активной деятельности.

⁴³ За 14 лет существования Веймарской республики в ней сменились 20 правительств. Причина заключалась в сложности формирования парламентского большинства в условиях сильно фрагментированной многопартийной системы.

⁴⁴ Речь идет о так называемом «Рурском кризисе» 1923 г., когда в ответ на прекращение выплаты репараций французские и бельгийские войска оккупировали Рурскую область. Германское правительство, в свою очередь, призвало рурских рабочих к бессрочной забастовке, проведение которой финансировалось из государственного бюджета. Это привело к тяжелым экономическим последствиям для самой Германии, где развернулась гиперинфляция, но поставило в сложное положение французское правительство, явно не рассчитывавшее на длительную и бесплодную оккупацию и подвергавшееся усиливающейся критике со стороны своих союзников. В итоге в конце 1923 г. был достигнут компромисс, экономические и политические последствия которого были закреплены соглашениями в 1924 г. («План Дауэса») и 1925 г. (Локарнские соглашения).

⁴⁵ Путч Каппа–Лютвица — предпринятая крайне правыми силами с опорой на часть армейского руко-

водства в марте 1920 г. попытка захватить власть путем государственного переворота. Путчистам удалось вынудить правительство бежать из Берлина и взять столицу под контроль, однако начавшаяся всеобщая стачка и отказ значительной части армии и бюрократического аппарата поддержать переворот привели к провалу путча.

⁴⁶ Версальский мир допускал существование в Германии профессиональной армии численностью не более 100 тыс. человек.

⁴⁷ Ганс фон Сект (1866–1936) — немецкий военный и политический деятель. В 1920–1926 гг. занимал пост шефа управления сухопутных войск в военном министерстве — т. е. фактического главнокомандующего армией. В целом сохранял лояльность республиканской системе, хотя и отказался в 1920 г. активно выступить против Каппа.

5. *Homo sapiens* и *homo faber*

⁴⁸ Понятия «рассудок» (*Verstand*) и «разум» (*Verunft*) в немецком философском лексиконе сформулированы в значительной степени И. Кантом, который называл «рассудком» способность эмпирически познавать мир, создавать систему понятий и категорий для наблюдаемых явлений, а «разумом» — способность к умозрительным, теоретическим рассуждениям. Границы этих понятий,

однако, менялись у различных авторов. Как правило, «рассудком» называли практический, прикладной, способный к обучению ум (например, способность прочесть и понять инструкцию), «разумом» — теоретический, творческий, способный к созданию нового (например, способность размышлять о смысле жизни).

⁴⁹ Мейнеке употребляет слово «Gemüt», не имеющее сколько-нибудь близкого аналога в русском языке; словари переводят его как «нрав», «душа», «характер», что в данном случае не вполне точно. В немецкой философии этот термин также имеет множество различных значений. В самом общем смысле он обозначает нерациональные качества человека: его характер, эмоции, чувства, образующие единое целое. Таким образом, он сопоставим с понятием «сердца» как антипода «разуму» в русском языке, в связи с чем данное слово и было выбрано при переводе.

⁵⁰ Альфред Розенберг (1893–1946) — один из ведущих идеологов национал-социализма. Его главная книга «Миф XX века» была опубликована в 1930 г. В ней Розенберг представляет человеческую историю как борьбу рас, у каждой из которых есть своя душа; благодаря свойственной ее душе превосходящей воле нордическая раса должна одержать верх. Розенберг требовал борьбы с «мировым ев-

рейством», отказа от христианства и его морали, создания нового немецкого государства с новой религией. В Третьем рейхе занимал ряд государственных и партийных должностей, в 1941–1945 гг. министр по делам оккупированных восточных территорий. На Нюрнберском процессе ему был вынесен смертный приговор.

6. Милитаризм и гитлеризм

- ⁵¹ Система кантонов — введенная в 1733 г. и существовавшая до 1813 г. система комплектования прусской армии. Вся территория страны была разделена на округа (кантоны), каждый из которых предназначался для пополнения определенного полка за счет регулярных наборов. Теоретически военная обязанность распространялась на всех молодых мужчин, в реальности существовало множество исключений сословного и т. п. характера. В мирное время набранные рекруты («кантонисты») после первых двух лет обучения должны были служить два месяца в году, в остальное время занимаясь мирными профессиями; общий срок службы был не ограничен, на практике составлял около 20 лет. Система кантонов считается переходной формой к всеобщей воинской обязанности, введенной в Пруссии в 1814 г.

- ⁵² Линейная тактика — вид построения войск на поле сражения, господствовавший в европейском военном искусстве XVIII века.
- ⁵³ Герхард фон Шарнхорст (1755–1813) — прусский военный реформатор. В 1802 г. основал в Берлине «Военное общество», где обсуждались военно-теоретические проблемы и планы будущих реформ. В кампании против Наполеона 1806 г. являлся начальником штаба герцога Брауншвейгского. После поражения Пруссии в 1807 г. назначен начальником военного департамента, преобразованного в 1808 г. в военное министерство; занимал пост военного министра вплоть до 1810 г., когда был отправлен в отставку по требованию Наполеона. Провел ряд важных преобразований, модернизировавших прусскую армию: отменил сословные привилегии, укрепил положение и расширил функции генерального штаба, подготовил введение всеобщей воинской повинности. С 1810 г. занимал пост шефа инженерного корпуса прусской армии. В начале 1813 г. активно выступал за заключение союза с Россией и вступление Пруссии в войну против Наполеона. Назначен начальником штаба Силезской армии, скончался в июне 1813 г. от последствий ранения, полученного в сражении при Лютцене.
- ⁵⁴ Ландвер (на русский язык этот термин обычно переводили как «ополчение») был создан в 1813 г. в ходе Освободительных войн и представлял собой

соединения, комплектовавшиеся частично за счет добровольцев, частично за счет призыва и сражавшиеся наравне с линейными частями. Ландвер считался воплощением «вооруженного народа», связи армии и общества — именно в этом смысле Мейнеке говорит о «принципе ландвера». После 1815 г. ландвер было решено сохранить по финансовым соображениям — эта система позволяла сократить расходы на армию при сохранении внушительной численности. В мирное время полки ландвера существовали в кадрированном виде, зачисленные в ландвер призывники проходили лишь короткое обучение и периодически участвовали в военных сборах. В ходе революции 1848/49 гг. у государственного руководства возникли сомнения в политической надежности частей ландвера, состоявших, по сути, из вооруженных гражданских лиц. Кроме того, сомнения вызывала боевая эффективность этих соединений. В связи с этим на рубеже 1850–1860-х гг. в Пруссии была проведена военная реформа, унифицировавшая армию за счет увеличения количества линейных частей и вытеснившая ландвер на сугубо вспомогательную роль.

⁵⁵ Альбрехт фон Роон (1803–1879) — прусский военный деятель, военный министр в 1859–1873 гг. Один из ближайших сподвижников прусского короля Вильгельма I, автор проекта военной реформы рубежа 1850–1860-х гг.

⁵⁶ Войны за объединение — собирательное название Датской войны 1864 г., Немецкой войны 1866 г. и Франко-германской войны 1870–1871 гг., одним из итогов которых стало создание в 1871 г. Германской империи.

⁵⁷ «План Шлиффена» — разработанный в начале XX в. под руководством шефа прусского Большого генерального штаба А. фон Шлиффена план войны на два фронта — против Франции и России. План предусматривал нанесение стремительного удара по Франции через территорию Бельгии основными силами германской армии с целью быстрого разгрома французской армии до того, как Россия успеет завершить мобилизацию и развертывание своих вооруженных сил и прийти на помощь союзнику. План являлся, по сути, безальтернативным сценарием начала войны и в результате опасным образом ограничивал свободу рук политического руководства в случае острого кризиса, что и стало очевидным в июле 1914 г.

⁵⁸ «Фёлькише» — совокупность родственных общественно-политических движений в Германии первой трети XX в. На русский язык этот термин дословно переводится как «народнический» или «народный», однако такой перевод содержит в себе серьезное искажение смысла понятия, которое в результате обычно приводят в немецком варианте. Основными чертами идеологии «фёлькише»

являлись национализм, антисемитизм, милитаризм, стремление к «очищению» немецкой культуры от последствий иностранного влияния, культ мужественности и традиционных ценностей. «Фёлькише» считали необходимым разрушение существующей Веймарской республики и создание нового антилиберального государства, основанного на «народном сообществе» во главе с сильным лидером и корпоративной системе. Организационно движение «фёлькише» представляло собой множество разнородных организаций, поддерживавших праворадикальные и консервативные партии. «Фёлькише» стали питательной средой для развития национал-социализма, постепенно поглотившего конкурирующие группы.

⁵⁹ «Черный рейхсвер» («черные отряды») — совокупность неофициальных добровольческих военизированных формирований, как правило праворадикального толка, в Веймарской республике. Государственное и армейское руководство допускало и даже поддерживало их существование, рассчитывая в случае необходимости использовать их как источник быстрого наращивания численности вооруженных сил.

⁶⁰ На фоне острого экономического кризиса НСДАП получила на выборах 1930 г. 18,3% голосов и 107 мандатов (на предыдущих выборах 1928 г. — 2,6% и 12 мандатов соответственно).

⁶¹ Состоявшийся осенью 1930 г. в Ульме суд над тремя молодыми офицерами, которым были предъявлены обвинения в участии в совместном с НСДАП заговоре против государства. В качестве свидетеля выступил Гитлер, заявивший, что партия стремится к власти конституционным путем, однако затем собирается предпринять радикальные шаги. Заявления Гитлера формально могли послужить поводом для начала процесса уже против него, однако эта возможность сознательно не была использована судебными органами. Офицеры были приговорены в общей сложности к 18 месяцам тюремного заключения.

⁶² «Враги империи» — термин, применявшийся государственной пропагандой в эпоху Бисмарка к политическому католицизму (партии Центра) и социал-демократам.

⁶³ СА — штурмовые отряды, военизированные формирования национал-социалистического движения.

⁶⁴ Август Нейдхардт фон Гнейзенау (1760–1831) — прусский военный деятель, реформатор, сподвижник Г. фон Шарнхорста. Участник войны 1806–1807 гг. против Наполеона. В 1807 г. включен в состав Комиссии по реорганизации армии, в 1808 г. назначен шефом инженерного корпуса. Принял активное участие в выработке нового пехотного устава. В 1809 г. из-за придворных интриг был вынужден уйти в отставку, составлял планы народного

восстания против французских оккупантов. В 1813–1815 гг. являлся начальником штаба Силезской армии, внес большой вклад в победу над Наполеоном. После 1815 г. занимал ряд формальных постов, лишившись реального влияния; его подозревали в симпатиях к революционным идеям. В 1830 г. был назначен командующим прусской группировкой, сосредоточенной на восточных границах в связи с восстанием в Царстве Польском. Находясь на этом посту, в 1831 г. скончался от холеры.

- ⁶⁵ Курт фон Шлейхер (1882–1934) — немецкий военный и политический деятель. С 1919 г. служил в министерстве рейхсвера, являлся близким помощником Г. фон Секта. Стремился усилить политический вес армии в государстве. Назначенный в 1929 г. шефом министерского отдела (статс-секретарям), развернул бурную политическую деятельность, ведя переговоры с представителями различных партий с целью создания правоцентристской коалиции с участием НСДАП, но без социал-демократов. Падение правительства Брюнинга в 1932 г. стало в значительной степени результатом его интриг. Преемник Брюнинга, Ф. фон Папен, сначала являлся кандидатурой Шлейхера, ставшего в новом кабинете министром рейхсвера. Однако после серии политических неудач нового правительства «политизирующий генерал» предпочел избавиться от Папена и в декабре 1932 г. лично занял пост

канцлера. Однако попытки получить поддержку у различных партий и расколоть НСДАП провалились; у Шлейхера было уже слишком много противников в рядах партийной и политической элиты. В итоге он проиграл борьбу за доверие Гинденбурга и в конце января 1933 г. вышел в отставку. После отставки отошел от политической деятельности, что не спасло его от убийства нацистами в ходе т. н. «ночи длинных ножей».

⁶⁶ Людвиг Бернхард (1875–1935) — немецкий экономист, в годы Веймарской республики близкий к консервативным кругам, занимался проблемами организации экономики в авторитарной системе.

⁶⁷ Э. Людендорф (1865–1937) — немецкий военный деятель, в годы Первой мировой войны бессменный начальник штаба и ближайший помощник П. фон Гинденбурга, являвшийся главным разработчиком операций сначала Восточного фронта, а в 1916–1918 гг. германской сухопутной армии в целом (часто говорят о «тандеме Гинденбург–Людендорф», в котором именно второй был реальной ключевой фигурой). Когда осенью 1918 г. неизбежность поражения Германии стала очевидной, вышел в отставку. В дальнейшем занимался политической деятельностью, выступал с крайних националистических позиций, участвовал в путче Гитлера в Мюнхене осенью 1923 г. На президентских выборах 1925 г. выступил в качестве кандидата от

праворадикальных сил, однако безуспешно, после чего в значительной степени отошел от практической политики. С конца 1920-х гг. все более активно выступал против Гитлера. Одновременно опубликовал ряд военных и историко-политических сочинений, наиболее известным из которых стала «Тотальная война» (1935).

⁶⁸ Фридрих фон Гольштейн (1837–1909) — немецкий дипломат. Являлся одним из близких сотрудников Бисмарка, однако затем разочаровался в идеях своего покровителя и способствовал его отставке в 1890 г. После этого на протяжении полутора десятилетий оказывал огромное влияние на формирование германского внешнеполитического курса, оставаясь вне поля зрения общественности и занимая сравнительно невысокий пост тайного советника. Впоследствии получил прозвище «серого кардинала». Его политика, направленная на формирование «континентального блока» против Англии, завершилась полной неудачей.

⁶⁹ Бернгард фон Бюлов (1849–1929) — немецкий дипломат и политик, с 1897 г. статс-секретарь иностранных дел, в 1900–1909 гг. имперский канцлер.

⁷⁰ Герман Раушнинг (1887–1992) — немецкий политик и публицист. Отличался националистическими взглядами, в 1932 г. вступил в НСДАП. В 1933–1934 гг. являлся главой сената вольного города Данцига, однако вступил в конфликт с партийным

руководством и был вынужден покинуть свой пост; одновременно его исключили из партии. В 1935 г. эмигрировал, с конца 1930-х гг. жил в США, где активно занимался публицистической деятельностью. Самой популярной книгой Раушнинга стали опубликованные в 1939 г. «Разговоры с Гитлером», аутентичность которых, впрочем, сегодня оспаривается историками. Годом раньше Раушнинг опубликовал книгу «Революция нигилизма: кулисы и реальность Третьего рейха», в которой попытался объяснить фашизм как следствие утраты христианской веры и распространения нигилизма в европейском обществе.

7. Массовый макиавеллизм

⁷¹ Права она или нет, это моя страна (*англ.*). Это выражение, приобретшее популярность в XIX в., имело два различных значения. Первое подразумевало, что свою страну необходимо поддерживать вне зависимости от того, права она или нет. Второе — что необходимо нести ответственность за свою страну: поддерживать ее, если она права, и стремиться направить ее по верному пути, если она неправа. Мейнеке, очевидно, имеет в виду первое значение.

⁷² Джингоизм — британский имперский шовинизм второй половины XIX в.

⁷³ Цитата из Нового завета (Рим 3, 12).

⁷⁴ В 1848 г. консервативный австрийский писатель Франц Грильпарцер (1791–1872) написал, что «путь современного образования начинается с гуманизма, проходит через национализм и заканчивается зверством» (Grillparzer's Sämmtliche Werke in zehn Bänden. Erster Band. Stuttgart, 1874. S. 204).

⁷⁵ В ходе немецкой революции 1848/49 гг. был создан первый общегерманский парламент — Национальное собрание, заседавшее во Франкфурте-на-Майне и разрабатывавшее конституцию будущей единой Германии. После долгих споров весной 1849 г. конституция была принята, но к тому времени революция пошла на спад, силы реставрации одержали верх, и единая Германия так и не была создана. Впоследствии эти события часто рассматривались историками как поражение немецкого либерального и национального движения, упущенный шанс создания прогрессивного германского государства.

⁷⁶ Созданный в 1859 г. Национальный союз был организацией, созданной деятелями немецкого либерального и национального движения. Выступал за объединение Германии под эгидой Пруссии с одновременным проведением либеральных политических реформ. Большинство деятелей Национального союза сначала резко выступили против Бисмарка, в котором видели воплощение прусской

реакции, однако после 1866 г. поддержали его политику «революции сверху».

⁷⁷ Наследник прусского престола, кронпринц Фридрих Вильгельм (впоследствии император Фридрих III), был женат на дочери британской королевы Виктории, считавшей английскую парламентскую монархию политическим идеалом. Сам кронпринц пользовался репутацией либерала, и с его вступлением на престол немецкими либеральными политиками связывались большие надежды. Однако в 1888 г. он стал императором уже будучи смертельно больным и скончался после 99 дней правления; позднее это часто считалось трагически упущенным шансом на более здоровое развитие Германии. Современные историки, впрочем, подвергают сомнению глубокую приверженность Фридриха III либеральным идеям.

⁷⁸ Карл Хиллебранд (1829–1884) — немецкий публицист и историк литературы. Участник немецкой революции 1848/49 гг., он значительную часть жизни прожил во Франции и Италии, однако поддерживал активную переписку с немецкими интеллектуалами и публиковал в Германии свои труды. Считался ведущим немецким эссеистом своего времени.

⁷⁹ Культуркампф — борьба Бисмарка против политического католицизма в 1870-е гг., завершившаяся безуспешно; начавшаяся одновременно борьба

против социал-демократии достигла своего пика в 1878–1890 гг., в период действия так называемого «Исключительного закона». Борьба с так называемыми «врагами империи» в значительной степени преследовала цель консолидации умеренных сил вокруг правительства.

- ⁸⁰ Мейнеке озвучивает распространенное в немецких интеллектуальных кругах после Первой и Второй мировых войн представление о Бисмарке как о мудром правителе, заветы которого были забыты приемниками, в связи с чем и произошла «немецкая катастрофа». Идеализированный образ «железного канцлера» стал подвергаться критическому пересмотру начиная с 1960-х гг.

8. Случайное и закономерное

- ⁸¹ Иоганн Иоахим Винкельман (1717–1768) — немецкий писатель, археолог и историк искусства, одна из ключевых фигур немецкого Просвещения. Считается одним из основоположников научной археологии. Выступал за возвращение к классическим античным образцам в современном искусстве, таким образом, внес значительный вклад в становление и развитие классицизма.
- ⁸² Карл Юсти (1832–1912) — немецкий философ и историк искусства. В изучении истории искусства делал акцент на биографии выдающихся мастеров.

Его двухтомник «Винкельман: Жизнь, труды и современники» увидел свет в 1866–1872 гг.

⁸³ Вильгельм II (1859–1941) — последний германский император (годы правления 1888–1918), лишившийся трона в результате Ноябрьской революции. Стил ь правления и способности Вильгельма II являлись предметом острой критики современников уже в первые годы его правления, а после Первой мировой войны его считали одним из главных виновников политических и военных неудач.

⁸⁴ Отто Хинце (1861–1940) — немецкий историк, один из основоположников современной социальной и экономической истории. Уделял большое внимание истории государственных структур и бюрократического аппарата, также написал популярную историю династии Гогенцоллернов. Его жена, историк Хедвиг Хинце, защитила диссертацию в 1924 г. под научным руководством Мейнеке. В последние годы жизни Хинце тяжело болел, после прихода к власти национал-социалистов ушел во «внутреннюю эмиграцию».

⁸⁵ Слово «раса» в Германии XIX — первой половины XX в. употреблялось в широком смысле, часто как синоним нации или языковой группы.

⁸⁶ В Германии конца XIX и первой половины XX в. существовал термин «восточные евреи», применявшийся к еврейскому населению Восточной Европы (Российская империя, восточные регионы

Австро-Венгрии и т. п.). Считалось, что в отличие от зажиточных и образованных немецких евреев, интегрированных в европейское общество, «восточные евреи» представляют собой нечто вроде цыган — бедные, необразованные, живущие изолированными общинами, находящиеся на низком культурном уровне, однако хитрые, предприимчивые и склонные к мелким правонарушениям. Иммиграция «восточных евреев» в Германию еще до Первой мировой войны воспринималась как нежелательная.

⁸⁷ Немецкая национальная народная партия — созданная в конце 1918 г. консервативная и националистическая партия, финансируемая крупным капиталом и критиковавшая веймарскую систему с правых позиций. Поддерживала тесный контакт с движением «фёлькише», сотрудничала с национал-социалистами, рассчитывая использовать их в своих интересах, однако в конечном счете помогла Гитлеру прийти к власти.

⁸⁸ Альфред Гугенберг (1865–1951) — немецкий политик и предприниматель, владелец большого медиаконцерна и один из лидеров Немецкой национальной народной партии. В 1919 г. являлся депутатом Национального собрания в Веймаре, затем с 1920 г. — депутатом рейхстага. В 1928 г. стал председателем своей партии. При помощи подконтрольной ему прессы вел непрерывную агитацию

против «веймарской системы», в начале 1930-х гг. взял курс на поддержку Гитлера. В январе – июне 1933 г. являлся министром экономики, сельского хозяйства и продовольствия в правительстве Гитлера, рассчитывая контролировать национал-социалистов. Когда эти надежды оказались иллюзорными, вынужденно распустил свою партию и отошел от активной политической деятельности.

⁸⁹ Правительство Брюнинга придавало ключевое значение отмене репараций, необходимость которой обосновывало бедственным экономическим положением Германии. Чтобы не лишать этот аргумент убедительности, оно не могло предпринимать масштабных антикризисных мер внутри страны, что в конечном счете привело к углублению экономического и внутривнутриполитического кризиса. Брюнинг рассчитывал, что исправить ситуацию удастся после достижения внешнеполитического успеха, однако последний был достигнут слишком поздно.

⁹⁰ «Стальной шлем» — созданная в 1918 г. военизированная организация ветеранов Первой мировой войны. В политическом отношении была близка к Немецкой национальной народной партии. Имела свои молодежные структуры, в которых юноши с 1924 г. могли проходить военную подготовку. В начале 1930-х гг. численность «Стального шлема» превышала полмиллиона человек.

⁹¹ Фридрих Эберт (1871–1925) — немецкий политик, в 1913–1919 гг. председатель Социал-демократической партии. В ходе Ноябрьской революции 1918 г. взял на себя полномочия главы правительства, чтобы сохранить порядок и предотвратить приход к власти радикалов. С этой целью заключил договоренность о сотрудничестве с вооруженными силами (так называемый «пакт Эберта–Грёнера»). В 1919 г. избран первым президентом Веймарской республики.

9. Об отсутствии позитивного в гитлеризме

⁹² В ходе немецкой Реформации в Мюнстере в первой половине 1530-х гг. власть в городе постепенно перешла в руки протестантов. Наиболее радикальным этапом развития этого процесса стала установившаяся в 1534 г. анабаптистская теократия. Одновременно город был осажден епископскими и княжескими войсками. В июне 1535 г. город был взят, вожди анабаптистов казнены. Правление анабаптистов сопровождалось разорением католических церквей, многочисленными казнями, отменой денег, уравнительным распределением товаров, введением многоженства и другими практиками, вызывавшими отторжение у более умеренных современников и потомков. В отечественной историографии эти события получили

название «Мюнстерской коммуны» и нередко рассматривались как попытка практического воплощения идеалов утопического социализма в религиозном оформлении.

⁹³ С 1933 г. в Третьем рейхе началось введение расового законодательства, предоставлявшего полные права только тем гражданам, которые могли доказать свое «арийское» происхождение. Соответственно были введены различные формы справок и родословных таблиц, с помощью которых гражданин должен был доказывать отсутствие у него еврейских предков — для работы в определенных профессиональных сферах (чиновники, журналисты, юристы и т. п.), заключения брака и т. д. К примеру, для вступления в ряды НСДАП нужно было доказать «арийский» характер своей родословной начиная с 1800 г., для вступления в СС — с 1750 г.

⁹⁴ Вартегау — область Третьего рейха, сформированная в 1939 г. из аннексированных западных польских территорий. Располагалась между Силезией на юге и Западной Пруссией на севере, включала в себя бывшую прусскую провинцию Позен и индустриальный район вокруг Лодзи.

⁹⁵ Нацистские расовые теоретики, в том числе в руководстве СС, довольно быстро осознали, что численность немецкого народа слишком мала для того, чтобы успешно заселить и контролировать обширные

территории Центральной и Восточной Европы. В связи с этим возникла концепция использования «расово пригодных» элементов покоренных народов, в том числе славян. Считалось, что, поскольку в древности германцы и славяне периодически смешивались друг с другом, среди поляков, русских, белорусов и т. д. присутствуют носители германской крови. Их следовало определять по внешним признакам (в первую очередь, среди детей) и постепенно интегрировать в состав немецкого «народного организма».

⁹⁶ Иоганн Готфрид фон Гердер (1744–1803) — философ и писатель, одна из ключевых фигур немецкого Просвещения. Исследователи относят его к сообществу немецких интеллектуалов, получившему название «Веймарской классики» (наиболее известные представители — Гёте и Шиллер). Внес большой вклад в развитие немецкой литературы и литературного языка, заложил основы историзма. В своем творчестве активно обращался к немецкой истории, литературе и фольклору, повлияв в том числе на дальнейшее развитие немецкого национализма. По этой причине образ Гердера активно использовался в нацистской пропаганде.

⁹⁷ Имеется в виду насильственное выселение немцев с территорий, по итогам Второй мировой войны отходивших Польше, Чехословакии и Советскому Союзу.

10. Гитлеризм и большевизм

⁹⁸ Видкун Квислинг (1887–1945) — норвежский политический деятель. В 1931–1933 гг. являлся министром обороны страны, в 1933 г. под впечатлением германского примера организовал партию фашистского толка «Национальное единение». Не смог добиться успеха на выборах, однако после германской оккупации Норвегии в 1940 г. возглавил группу коллаборационистов и в 1942 г. стал главой марионеточного правительства. Осенью 1945 г. казнен. Слово «квислинг» стало именем нарицательным, обозначающим коллаборациониста. Квислинг с молодых лет изучал Россию, в 1918 г. являлся норвежским военным атташе в Петрограде, в 1927–1929 гг. работал в норвежской дипломатической миссии в СССР. Был женат сначала на Александре Ворониной, затем на Марии Пасечниковой. Влияние Квислинга на решения Гитлера в отношении СССР было, скорее всего, весьма незначительным.

⁹⁹ Вальтер Дарре (1895–1953) — германский министр продовольствия и сельского хозяйства в 1933–1942 гг.

¹⁰⁰ «Закон о наследственных дворах» был принят 29 сентября 1933 г. Его основной задачей было сформировать сильное сословие зажиточных крестьян, которое нацисты считали основой «народного

сообщества». В соответствии с ним было создано почти 700 тыс. «наследственных дворов», занимавших почти 40% всех сельскохозяйственных площадей. «Наследственный двор» должен был иметь площадь от 7,5 до 125 га, не мог быть продан, заложен или разделен между наследниками.

¹⁰¹ В отечественной литературе обычно упоминается как Арденнское наступление.

¹⁰² Эрх Редер (1876–1960) — германский адмирал, в 1928–1943 гг. глава Верховного командования военно-морского флота.

11. Гитлеризм и христианство

¹⁰³ При прочтении этой фразы невозможно не вспомнить анекдот, ходивший в Третьем рейхе: «В чем отличие национал-социализма от христианства? В христианстве один умер за всех, при национал-социализме будет наоборот».

¹⁰⁴ «Германские христиане» — образовавшееся в 1931 г. течение в германском протестантизме, идейно близкое к национал-социализму. Выступали за создание единой централизованной «имперской Церкви» в Германии. В Третьем рейхе власти, с одной стороны, поддерживали это течение, с другой — не хотели усиливать самостоятельную религиозную организацию, независимую от НСДАП. В результате «Германские христиане» раскололись на

несколько групп, соперничавших друг с другом, и так и не достигли значительного влияния в обществе.

¹⁰⁵ По всей видимости, Мейнеке имеет в виду вторую часть книги Гитлера «Моя борьба», написанную в 1928 г., но так и не опубликованную и хранившуюся в секретном архиве. Первая публикация манускрипта с научными целями была осуществлена только в 1961 г.

¹⁰⁶ Мартин Нимёллер (1892–1984) — протестантский священник, один из лидеров христианского Сопротивления в годы Третьего рейха. В годы Первой мировой войны был командиром подводной лодки, в дальнейшем принял решение делать духовную карьеру. В годы Веймарской республики придерживался праворадикальных взглядов и приветствовал приход нацистов к власти, однако скептически отнесся к «Германским христианам». В середине 1930-х гг. принял участие в организации оппозиционной исповедующей церкви». Публичная критика церковной политики режима привела к двум арестам — в 1935 и 1937 гг. В 1937–1945 гг. находился в заключении; после начала Второй мировой войны направил Гитлеру прошение направить его на военную службу, которое было отклонено. В первой половине 1940-х гг., находясь в концлагере, переосмыслил свои политические взгляды: теперь он видел роль Церкви в том, чтобы

преодолевать границы и укреплять мир между народами. После Второй мировой войны активно участвовал в восстановлении протестантской церковной организации, экуменическом движении и движении за мир, выступал против воссоздания западногерманской армии. В 1970-е гг. тесно сотрудничал с внепарламентской оппозицией — молодежными левыми движениями.

¹⁰⁷ Далем — один из районов Берлина.

¹⁰⁸ Официальное название — «Закон о преодолении бедствий народа и страны»; предоставлял всю полноту власти главе правительства, давая ему, в частности, право издавать законы, нарушающие конституцию. Был принят 23 марта 1933 г. 444 голосами против 94. За принятие закона голосовали все фракции, кроме социал-демократов (коммунисты не участвовали в голосовании, поскольку их депутаты были арестованы или вынуждены бежать).

12. Гитлеризм и западные державы

¹⁰⁹ Катилинисты — сторонники Луция Сергия Катилины, попытавшегося захватить власть в Риме в 62 г. до н. э. В переносном смысле — синоним заговорщиков, беспринципно рвущихся к власти. В традиционной историографии Катилина и его сторонники оценивались крайне негативно.

¹¹⁰ Антон Муссерт (1894–1946) — нидерландский политик, в 1931 г. основал и возглавил партию «Национал-социалистическое движение» по образцу НСДАП. Не смог добиться успеха на выборах, после оккупации Нидерландов немцами в 1940 г. вступил на путь коллаборационизма и получил почетный титул «фюрера нидерландского народа», однако без конкретных властных полномочий. В 1943 г. назначен главой марионеточного правительства. После окончания войны осужден и казнен.

¹¹¹ «Красным» называли социалистический, затем коммунистический Интернационал, «черным» — сотрудничество христианских Церквей, «золотым» — транснациональные структуры крупного капитала.

¹¹² Элодея, также известная как «водяная чума» — многолетняя водоросль, завезенная в Европу в XIX в. из Северной Америки. Быстро распространяется и заполняет водоемы, в связи с чем и получила свое прозвище.

¹¹³ В немецком интеллектуальном дискурсе XIX и начала XX в. существовало противопоставление «культуры» (как чего-то высшего, одухотворенного, идеалистического) и «цивилизации» (как чего-то низшего, прикладного, механистического). Считалось, что «культура» характерна для Германии, а «цивилизация» — для Западной Европы,

ориентированной на развитие техники и погоню за прибылью.

- ¹¹⁴ Подавляющее большинство немцев в первые послевоенные годы ощущали себя в первую очередь жертвами, и «воздушный террор» стран антигитлеровской коалиции служил главным обоснованием этой позиции. Мейнеке в данном случае лишь повторяет тезис, широко распространенный в современном ему немецком обществе.

13. Есть ли у гитлеризма будущее?

- ¹¹⁵ Эрнст Рём (1887–1934) — один из ближайших сподвижников Гитлера, командир штурмовых отрядов (СА). После прихода национал-социалистов к власти требовал антикапиталистических преобразований — «продолжения национальной революции», что вызвало разногласия с партийным руководством. В июне 1934 г. в ходе так называемой «ночи длинных ножей» убит по приказу Гитлера вместе с другими руководителями СА, обвиненными в подготовке государственного переворота. Рудольф Гесс (1894–1987) — один из лидеров НСДАП, с 1933 г. заместитель фюрера в партии. В мае 1941 г. без ведома Гитлера отправился на самолете в Великобританию в надежде заключить мир — этот эпизод на протяжении десятилетий считался одним из наиболее загадочных в истории Второй

мировой войны. Что касается шефа СС Генриха Гиммлера (1900–1945), то в последние месяцы Второй мировой войны он без ведома Гитлера искал контакты с западными союзниками в надежде заключить сепаратный мир. Узнав об этом, Гитлер 29 апреля 1945 года исключил Гиммлера из партии и лишил всех постов.

14. Из предыстории 20 июля 1944 года

¹¹⁶ Вернер фон Фрич (1880–1939) — немецкий военный деятель, в 1934–1938 гг. занимал пост главнокомандующего сухопутными войсками. В конце 1937 г. на совещании высшего военного и политического руководства выступил против планов Гитлера по развязыванию войны, считая их авантюрными. В начале 1938 г. в связи со сфабрикованными обвинениями в гомосексуализме был отправлен в отставку, впоследствии оправдан судом.

¹¹⁷ Карл Фридрих Герделер (1884–1945) — немецкий юрист и политик. В годы Веймарской республики являлся одним из лидеров консервативной Немецкой национальной народной партии. В 1930–1937 гг. занимал пост бургомистра Лейпцига. Приветствовал приход Гитлера к власти, однако вскоре стал занимать все более критическую позицию в отношении режима. В конце 1930-х гг. возглавил

кружок консервативных противников нацизма, установил контакт с оппозицией в высших армейских кругах, занимался подготовкой путча. В первой половине 1940-х гг. являлся признанным лидером консервативного Сопротивления, в случае успеха переворота должен был возглавить новое правительство. В 1944 г. арестован, казнен в начале следующего года.

¹¹⁸ ОКВ — *нем.* OKW — Oberkommando der Wehrmacht — Верховное командование вермахта.

¹¹⁹ Герман Кайзер (1885–1945) — ветеран Первой мировой войны, в годы Веймарской республики работал учителем, придерживался консервативных взглядов. Весной 1933 г. вступил в НСДАП, однако быстро разочаровался в партии, в первую очередь из-за ее антицерковной политики. В 1939 г. призван по мобилизации, служил в Верховном командовании сухопутных войск в Берлине. В 1941 г. вступил в контакт с группой высших офицеров, готовивших покушение на Гитлера. Не скрывал своих оппозиционных взглядов, в связи с чем в 1943 г. против него было начато расследование; дело, однако, удалось замять. Являлся одним из главных организаторов «заговора 20 июля», в начале 1945 г. казнен вместе с другими его участниками.

¹²⁰ «Немецкий союз» — тайная организация, основанная в 1810 г. Фридрихом Людвигом Яном — одной

из крупнейших фигур немецкого национального движения. Целью деятельности «Немецкого союза» являлась борьба против французской оккупации. Фридрих Фризен (1784–1814) являлся одним из ближайших сподвижников Яна. Фридрих Эйхгорн (1779–1856) — немецкий юрист, участник борьбы против французской оккупации; вопрос о его участии и роли в деятельности «Немецкого союза», однако, остается открытым.

¹²¹ Охранный батальон «Великая Германия» сначала выполнил приказы заговорщиков — командир батальона майор Ремер не подозревал, что участвует в попытке переворота. После телефонного разговора с Гитлером Ремер и его батальон сыграли ключевую роль в аресте заговорщиков в Берлине.

¹²² В Германии первых послевоенных лет и даже десятилетий было широко распространено отношение к ключевым фигурам «заговора 20 июля» как к предателям. Их восприятие как немецких патриотов стало доминирующим только с течением времени. Поэтому Мейнеке в 1946 г. еще вынужден «оправдывать» людей, покушавшихся на Гитлера.

¹²³ Это во многом соответствовало действительности — так, приказ об аресте Герделера был отдан уже 14 июля.

¹²⁴ Иоганн Попиц (1884–1945) — немецкий политик консервативных и монархических взглядов,

в 1920-е гг. работал в германском министерстве финансов, в 1933 г. был назначен прусским министром финансов. В первые годы Третьего рейха оставался лоялен режиму, в 1937 г. вступил в НСДАП. Однако в 1937–1938 гг. в связи с преследованиями евреев перешел в скрытую оппозицию режиму, примкнув к консервативному Сопротивлению. Пытался в 1943 г. установить контакт с Гиммлером с целью убедить его выступить против Гитлера и начать мирные переговоры. Не участвовал в непосредственной подготовке «заговора 20 июля», однако после его провала был арестован и казнен.

- ¹²⁵ Ульрих фон Хассель (1881–1944) — немецкий дипломат, в годы Первой мировой войны выступал с крайне националистических позиций. В Веймарской республике член консервативной Немецкой национальной народной партии, работал в различных дипломатических представительствах за рубежом, в 1932 г. назначен послом в Италии. В 1933 г. вступил в НСДАП. В 1938 г. был отозван с этого поста, однако продолжил дипломатическую службу. Некоторое время находился в контакте с консервативным Сопротивлением, однако с 1943 г. отошел от него и не участвовал в подготовке «заговора 20 июля». Тем не менее после провала заговора был арестован и казнен.

¹²⁶ Фридрих-Вернер граф фон Шуленбург (1875–1944) — немецкий дипломат, в 1934–1941 гг. посол Германии в СССР. Выступал за продолжение «бисмарковской традиции» хороших российско-германских отношений. В 1934 г. вступил в НСДАП. Сыграл большую роль в подписании Пакта о ненападении в 1939 г., в 1941 г. пытался предотвратить нападение Германии на СССР. В 1943 г. вступил в контакт с Герделером, с которым обсуждал возможные условия компромиссного мира после свержения Гитлера. Руководители «заговора 20 июля» планировали назначить его министром иностранных дел. После провала заговора арестован и казнен.

15. Пути к обновлению

¹²⁷ Именно к таким принципам проведения денацификации пришли в конечном итоге державы-победительницы во второй половине 1940-х гг.

¹²⁸ Альфред Вебер (1868–1958) — немецкий экономист и социолог, младший брат Макса Вебера. Придерживался демократических взглядов, в годы Третьего рейха находился во «внутренней эмиграции». Его книга «Трагическое и история» была завершена в 1943 г.

¹²⁹ В 1946 г., когда Мейнеке писал эти строки, часть немецких промышленных предприятий демонти-

ровалась, многие другие действовали в условиях жестких ограничений. Для держав-победительниц оставался открытым вопрос о том, в какой степени следует допускать восстановление и развитие германской промышленности, в первую очередь имевшей военное значение.

¹³⁰ Йохан Хейзинга (1872–1945) — голландский историк-медиевист, автор таких знаменитых и не утративших по сегодняшний день своей научной ценности работ, как «Осень Средневековья» (1919), «Эразм» (1924) и «Homo Ludens» (1938).

¹³¹ Юхан Рудольф Челлен (1864–1922) — шведский историк, политолог и социолог, внесший большой вклад в развитие геополитики (считается, что именно он сформулировал это понятие).

¹³² «Мадонна делла Седиа» («Мадонна в кресле») — знаменитая картина Рафаэля, написанная в начале XVI в.

¹³³ Фридрих Кайсслер (1874–1945) — немецкий актер, музыкант и писатель. Принадлежал к числу наиболее популярных актеров своего времени, сыграл множество ролей как в театре, так и в кино. В 1944 г. был включен Геббельсом в список «незаменимых деятелей культуры», находящихся под особой защитой.

¹³⁴ Дом Харнака — открытый в 1929 г. Обществом имени кайзера Вильгельма (объединение исследовательских институтов) центр для научных докладов

и конференций в Берлине. Со временем там стали проводиться и многочисленные культурные мероприятия.

¹³⁵ Фридрих Гёльдерлин (1770–1843), Эдуард Мёрике (1804–1875), Конрад Фердинанд Мейер (1825–1898), Райнер Мария Рильке (1875–1926) — немецкие поэты, относившиеся к различным литературным направлениям, однако считавшиеся классиками немецкой лирики.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
-----------------------------------	---

НЕМЕЦКАЯ КАТАСТРОФА

Предварительное замечание	17
1. Две волны нашей эпохи	21
2. Немецкий народ до и после основания империи	33
3. Немецкий народ в Первой мировой войне	63
4. Первый послевоенный опыт	73
5. Homo sapiens и homo faber	79
6. Militarизм и гитлеризм	89
7. Массовый макиавеллизм	108
8. Случайное и закономерное	119
9. Об отсутствии позитивного в гитлеризме	143

10. Гитлеризм и большевизм	156
11. Гитлеризм и христианство	164
12. Гитлеризм и западные державы	173
13. Есть ли у гитлеризма будущее?	184
14. Из предыстории 20 июля 1944 года	191
15. Пути к обновлению	201
Комментарии	235

Эксклюзивное право распространения в Москве:

ЗАО «Книжный клуб 36.6»

тел.: (495) 926-45-44;

e-mail: club366@club366.ru

По вопросам, связанным с приобретением книг

Издательства Ивана Лимбаха,

обращайтесь к нашим торговым партнерам:

ООО «Терминал-Книга»

Тел.: (495) 984-35-23,

e-mail: office@bmm.ru

ООО ИЦ «Гуманитарная Академия»

Тел.: (812) 430-99-21,

e-mail: gumak@mail.ru

ООО «Университетская книга»

Тел.: (812) 640-08-71,

e-mail: ukniga4@mail.ru

ФРИДРИХ МЕЙНЕКЕ

НЕМЕЦКАЯ КАТАСТРОФА

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

16+

Редактор *И. Г. Кравцова*

Корректор *И. М. Харитонова*

Компьютерная верстка *Н. Ю. Травкин*

Подписано к печати 04.10.2024. Формат 70 × 90^{1/32}.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство Ивана Лимбаха

197348, Санкт-Петербург, Коломяжский проспект, 18,

(бизнес-центр «Норд Хаус»)

тел.: 676-50-37, +7 (931) 001-31-08

e-mail: limbakh@limbakh.ru

www.limbakh.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «ИПК „Чувашия“»

428019, Чувашская Республика, г. Чебоксары,

пр. Ивана Яковлева, д. 13